

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

UC-NRLF

\$B 535 297

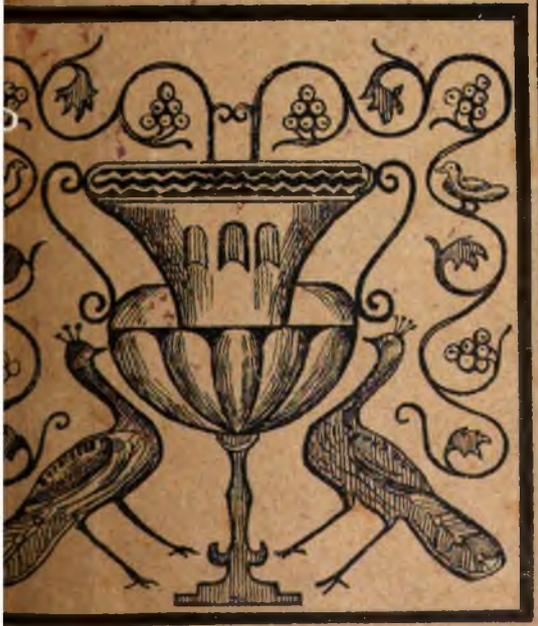

A. Bobrinskiĭ

ГРАФЪ А. БОБРИНСКОЙ.

Херсонесъ Таврическій

ХЕРСОНЕСЪ
ТАВРИЧЕСКІЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ
ОЧЕРКЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ — 1905.

Digitized by Google

946

PRESE~~R~~VATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED
... 1935

ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ

LOAN STACK

ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ГРАФЯ АЛЕКСѢЯ БОБРИНСКАГО

Предсѣдателя Имп. Археологич. Комиссiи; Почетн. члена: Имп. Русск. Арх. Общ., Спб. Арх. Института, Владимірс., Воронеж., Калуж., Костром., Оренб., Пенз., Симб., Тамбов., Яросл., учен. архив. Комиссiей, Истор. Общ. Нестора Лѣтописца, при Унив. Св. Владим., Кіевск. Общ. Древн. и Иск., Финл. Общ. Археологiи, Финно-Угрскаго Общ., Псков. Арх. Общ., Уральск. Общ. любит. Естествозн., Ростов. Музея Церкви. Древностей, Сухумск. Епарх. Церк.-Археолог. Комиссiи и Общ. Древностей «Пруссiя» въ Кенигсбергѣ; Непремѣнн. члена: Имп. Общ. любит. Естествозн., Антропол. и Этногр., при Моск. Унив.; Дѣйствит. члена: Имп. Моск. Арх. Общ., Имп. Одесск. Общ. Исторiи и Древности, Имп. Русск. Геогр. Общ., Рязан., Саратов., и Таврич. учен. архивн. Комиссiей, Русск. Антропол. Общ. при Спб. Унив., Моск. Нумизм. Общ., Королевск. Общ. Антикваріевъ Сѣвера въ Копенгагенѣ и Французск. Общ. Археологiи въ Каснѣ; Члена Сотрудника: Национальн. Общ. Антикваріевъ Франціи, Парижск. Общ. Антропологiи и Общ. Археологiи въ Брюсселѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ 1905

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

DK511
C7B6

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первоначальной задачей этой книги было дать лицам, посѣщающимъ херсонесскія развалины, возможность познакомиться съ судьбой города Херсонеса. Но по мѣрѣ накопленія матеріала, трудъ мой разросся и представляетъ нынѣ исторію Херсонеса Таврическаго, если можно назвать исторіей наборъ фактовъ, заимствованныхъ у всевозможныхъ источниковъ и расположенныхъ хронологически, причемъ эти факты весьма часто не имѣютъ внутренней связи между собою.

Историческая критика еще почти не коснулась многихъ эпохъ быта Херсонеса. Эта же критика строго отвергаетъ многочисленные рассказы и легенды, которыми испещрена лѣтопись о прошломъ города. Однако, во многихъ изъ этихъ рассказовъ кроется вѣроятно правдивое основаніе. Дѣло будущихъ историковъ подвергнуть весь этотъ «наборъ баснословія» тщательной переработкѣ. Быть можетъ на помощь исторіи придетъ и археологія. Въ моей же книгѣ я помѣстилъ всѣ рассказы, легенды, басни и сказанія, которые мнѣ удалось встрѣтить. Приведены также и данныя церковной лѣтописи и агіографіи. Въ подобныхъ рассказахъ, если устранить обычную витіеватость писателей этой области, часто кроются драгоцѣнные матеріалы для исторіи города въ раннія времена христіанства.

Выпуская нынѣ свой трудъ въ нѣсколько сыромъ,

необработанномъ видѣ, я все же считаю, что онъ удовлетворяетъ первоначальной моей задачѣ и даетъ возможность ознакомиться съ исторіей Херсонеса Таврическаго.

Погрѣшности, недосмотры, пропуски, неизбежныя въ такомъ дѣлѣ, я надѣюсь исправить со временемъ, при второмъ изданіи книги. Мечтаю о второмъ изданіи и для пополненія этой исторіи тѣми свѣдѣніями, которыя мнѣ еще остались неизвѣстными. Поэтому обращаюсь съ усерднѣйшею просьбою ко всѣмъ, коимъ, при ихъ ученыхъ занятіяхъ, или случайно, встрѣтятся новыя указанія, касающіяся исторіи Херсонеса или просто упоминаніе имени этого города, сообразованію сообщить мнѣ о такихъ замѣткахъ, адресуя сообщенія въ Императорскую Археологическую Коммиссію, въ зданіи Зимняго Дворца въ С.-Петербургѣ. Малѣйшая отмѣтка будетъ принята мною съ глубочайшею благодарностью.

Въ концѣ книги я привожу списокъ источниковъ, послужившихъ мнѣ для этой работы. Въ этомъ пространномъ списокѣ отмѣчены звѣздочками тѣ труды, съ которыми я успѣлъ основательно познакомиться. Подробный указатель сочиненій по исторіи Херсонеса приведенъ Г. А. Маркевичемъ въ Извѣстіяхъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи 1888 г. Но хотя Маркевичъ перечислилъ свыше 250 наименованій сочиненій, заключающихъ въ общемъ вѣроятно не менѣе 500 томовъ, все-же авторъ сѣтуетъ на то, что его списокъ «не отличается должной полнотой»! Къ тому же съ 1888 г. по сей день списокъ сочиненій по Херсонесу значительно выросъ. Со всѣмъ этимъ библиографическимъ матеріаломъ я не могъ полностью ознакомиться. Быть можетъ кое-какія указанія о Херсонесѣ еще кроются и въ просмотрѣнныхъ мною сочиненіяхъ, хотя въ большинствѣ случаевъ одни и тѣ-же

факты повторяются впоследствии цѣлымъ рядомъ изслѣдователей. Кое-что, вѣроятно еще отыщется въ восточной литературѣ, въ западныхъ хроникахъ и въ агіографіи римско-католической церкви. Трудями о. Болландистовъ я воспользовался лишь отчасти.

Но наибольшія надежды для слѣдующаго изданія этой книги я возлагаю, конечно, на археологическія раскопки. Многолѣтній, усидчивый, систематическій трудъ дорогого моего сослуживца Карла Казиміровича Косцюшко-Валюжинича не требуетъ оцѣнки. Работа эта воочію говоритъ сама за себя. Въ Херсонесѣ камни глаголятъ самымъ убѣдительнымъ образомъ... Нѣтъ сомнѣнія, что будущее сулитъ намъ непрестанныя богатые открытія. По мѣрѣ разбора новой надписи или классификаціи новой находки онѣ будутъ находить себѣ опредѣленное мѣсто въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ моей книги.

Литературными источниками, служившими мнѣ для настоящаго труда, я пользовался очень широко. Заимствовалъ я иногда въ томъ или другомъ сочиненіи цѣлыя страницы, не видоизмѣняя текста и повторяя слово въ слово нужную мнѣ ссылку. Да не посѣтуютъ на меня авторы: отъ добра добра не ищутъ; только названіе города я по возможности замѣнялъ у разныхъ писателей общимъ именемъ—Херсонесъ. Дабы не испещрять текста именами, я не всегда называю автора, у котораго заимствую цитату, а мѣстами упущены мною даже и кавычки! За эти невольныя упущенія, *sic vos pop vobis*, прошу снисхожденія.

Сказать что-нибудь совершенно новое по исторіи Херсонеса очень трудно, такъ много уже написано на эту тему и въ ученыхъ трудахъ, и въ путеводителяхъ! Я постарался лишь группировать по возможности какъ факты, сообщенные разными авторами, такъ и оцѣнку этихъ фактовъ со стороны ученыхъ.

Въ заключеніе, приношѹ глубочайшую признательность всѣмъ, облегчившимъ мнѣ изданіе этой книги, сочленамъ моимъ по Археологической Коммисіи: В. В. Латышеву, котораго имя, если бы я упоминалъ о немъ каждый разъ, какъ пользовался его трудами, встрѣчалось-бы чуть-ли не на каждой страницѣ первой части книги, Н. И. Веселовскому, А. А. Спицыну, Б. В. Фармаковскому. Цѣнными указаніями обязанъ я и Я. И. Смирнову. Наконецъ, искреннѣйшую признательность приношу и г. Э. Миннсъ, не забывающему своихъ русскихъ собратій.

ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ.

Историческій очеркъ.

„Кто бы могъ тогда повѣрить, что превозносящійся оный городъ сокрушится, что вся страна та превратится въ пустыню и что даже имя того народа навсегда погибнетъ?.. Всякой здѣсь шагъ напоминаетъ о отдаленной древности“.

П. Сумароковъ. 1799 г.

ГЛАВА I.

Миѳическія времена.

Ифигенія и храмъ Дѣвы.

Развалины древняго Херсонеса представляютъ нынѣ лишь жалкіе остатки нѣкогда цвѣтущаго, богатаго и могущественнаго города, занимавшаго видное мѣсто въ числѣ греческихъ колоній на Черномъ морѣ. Когда именно основано это поселеніе, трудно съ точностью опредѣлить, такъ какъ историческія свѣдѣнія о первыхъ порахъ Херсонеса крайне скудны. Древнѣйшее же упоминаніе о мѣстности Херсонеса относится къ миѳической старинѣ, а именно, ко времени знаменитаго похода грековъ противъ Трои (около 1200 года до Р. Х.).

Отважные греческіе мореходы, говоритъ историкъ, заходили, въ цѣляхъ торговаго обмѣна, въ далекое отъ ихъ родины сѣверное море еще въ ту пору жизни греческаго племени когда процвѣтало эпическое народное творчество, обращавшее отдѣльныя событія въ богатые поэтическими красотами сказанія и миѳы. Разказы о дикихъ обычаяхъ проникли въ легенды троянскаго цикла. Древній разказъ о началѣ троянской войны повѣствовалъ, что греческое войско,

**Ифигенія
и храмъ
Дѣвы.**

отправлявшееся въ Трою, вынуждено было долго ожидать попутнаго вѣтра въ Авлидѣ. Наконецъ, главный жрецъ, Калхасъ, объявилъ, что боги требуютъ принесенія имъ въ жертву дѣвicy царскаго происхожденія. Послѣ продолжительныхъ колебаній, союзникамъ удалось уговорить царя Агамемнона принести въ жертву Артемидѣ свою дочь, Ифигенію. Это проявленіе покорности удовлетворило Артемиду, которая, въ самый моментъ жертвоприношенія, замѣстила дочь Агамемнона косулей (по другимъ версіямъ — медвѣдицей или воломъ), а Ифигенію перенесла въ Тавриду, гдѣ сдѣлала ее своею жрицею. Преданіе гласило, что Ифигенія очутилась въ Крыму именно на мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи основанъ былъ Херсонесъ.

Похожденія Ифигеніи послужили писателю V-го вѣка до Р. Х., Еврипиду, темою для двухъ знаменитыхъ трагедій. Въ одной изъ нихъ Ифигенія появляется въ Крыму, въ храмѣ Артемиды въ качествѣ жрицы этой богини. Храмъ построенъ на скалѣ у самаго моря, вблизи города (Херсонесъ) варварскаго народа, царь котораго носитъ имя Фоаса. Рядомъ съ храмомъ, на берегу моря, стоялъ домъ Ифигеніи. Еврипидъ описываетъ храмъ, окруженный высокими стѣнами. Къ нему прилегалъ портикъ съ колоннадой. Двери храма были бронзовыя; изнутри же храмъ былъ отдѣланъ очень роскошно и снабженъ великолѣпными колоннами. Верхняя его часть украшена была обычными метопами и триглифами, а потолокъ сдѣланъ изъ позолоченнаго рѣзнаго дерева. Внутри храма, на массивномъ каменномъ подножіи, стояла небольшая деревянная статуя богини, разрисованная, по предположенію Кене, красками. Преданіе гласило, что эта статуя представлявшая очень древній предметъ культа, свалилась прямо съ неба въ храмъ Артемиды. Никто не могъ прикасаться къ этой святынѣ, кромѣ жрицы богини. Глаза статуи смотрѣли пристальнымъ взглядомъ, присущимъ архаическимъ изваяніямъ. Передъ этимъ идоломъ стоялъ алтарь, постоянно обагренный кровью, на которомъ происходили человѣческія жертвоприношенія. Поэтъ Овидій, сосланный на берега Чернаго моря въ началѣ I-го в. по Р. Х., рассказываетъ, со словъ жителя Тавриды, что въ его время храмъ Артемиды, гдѣ священнодѣйствовала Ифигенія, еще существовалъ въ цѣлости. Описываются его огромныя колонны; къ храму ведутъ 40 ступеней. Уцѣлѣлъ и мраморный пьедесталь, гдѣ стояла статуя богини.

Тавры, или тавроскиѣы, населявшіе въ то время гористый,

выступающій въ море, полуостровъ Таврику и между прочимъ побережье бухты Символовъ (теперешняя Балаклава), распались, по словамъ Плинія, на 30 племенъ. Они описываются древними писателями, какъ дикій, жестокій народъ, промышлявшій грабежами на морѣ. Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ тавровъ остатками древнѣйшихъ обитателей страны, киммерійцевъ. Корабли, заходившіе въ гавань Символовъ, находились всегда подъ страхомъ нападенія этихъ пиратовъ, у которыхъ существовалъ обычай приносить въ жертву Артемидѣ всѣхъ путешественниковъ, занесенныхъ на берега Крыма. Этотъ кровавый обычай вынуждена была исполнять и Ифигенія. По словамъ Геродота, упомянутыя человѣческія жертвоприношенія происходили на той именно скалѣ, гдѣ стояло капище Артемиды.

Еврипидъ такъ описываетъ обрядъ этихъ жертвоприношеній. Изловленный иностранецъ приводился къ храму, въ цѣпяхъ. Здѣсь Ифигенія, при которой состояло нѣсколько греческихъ прислужницъ, посвященныхъ служенію храма, сначала обливала плѣннику голову предсмертными возліаніями и посвящала его въ жертву Артемидѣ а затѣмъ вводила во внутренность храма, гдѣ въ особомъ помѣщеніи зарѣзывали плѣнника. Головы жертвъ развѣшивались затѣмъ на зубцахъ наружныхъ стѣнъ храма, такъ что эти трофеи уже издали бросались въ глаза. Тѣла же заколотыхъ сбрасывались съ утеса въ пропасть, гдѣ ихъ пожиралъ священный огонь.

Въ трагедіи Еврипида Ифигенія скорбитъ о родинѣ. Ей приснилось, что Орестъ умеръ и она приносить Артемидѣ погребальное возліаніе въ честь умершаго брата.

Съ цѣлью успокоить Маны, Ифигенія выливаетъ на землю изъ золотого «кратера мертвыхъ» напитокъ, посвященный Плутону и состоящій изъ смѣси козьяго молока, вина и меду. Прислужницы Ифигеніи поютъ при этомъ варварскій азіатскій напѣвъ, жалобные звуки коего пріятны мертвымъ.

Между тѣмъ, къ берегамъ Крыма причаливаютъ Орестъ и другъ его Пиладъ, которымъ боги велѣли вывести изъ Тавриды Ифигенію и доставить ее обратно на родину. Имъ приказано также похитить статую Артемиды изъ ея святилища близъ Херсонеса и принести эту статую въ даръ аѳинскому народу. Орестъ и Пиладъ сначала скрываются въ прибрежныхъ пещерахъ, гдѣ мѣстные пастухи, водившіе быковъ купаться въ море, сперва принимаютъ путешественниковъ за

боговъ, но затѣмъ набрасываются на нихъ и приводятъ ихъ связанными къ Ифигеніи, для принесенія этихъ иноземцевъ, по обычаю, въ жертву Артемидѣ. Овидій описываетъ приготовленія къ этому священнодѣйствию. Ифигенія обливаетъ юношей священной водой, связываетъ ихъ волосы длинными лентами, убираетъ алтарь и, наконецъ, надѣваетъ имъ на голову священныя повязки. Узнавъ, однако, отъ плѣнныхъ, что они родомъ изъ Арголиды, Ифигенія, согласно Еврипиду, намѣревается освободить одного изъ двухъ съ тѣмъ, чтобы онъ отнесъ отъ нея къ брату Оресту въ Микены письмо съ просьбою освободить ее отъ тяжелыхъ обязанностей жрицы таврической Артемиды и увезти на родину. Тому же изъ двухъ друзей, которому суждено быть принесеннымъ въ жертву, Ифигенія обѣщаетъ, какъ соотечественнику, особый предсмертный почетъ: въ пламя брошены будутъ многочисленныя цѣнныя украшенія, тѣло жертвы будетъ обито масломъ, а костеръ будетъ окропленъ медовымъ возліаніемъ. Когда затѣмъ Ифигенія узнаетъ, что передъ нею ея родной братъ, то она рѣшается его спасти. Для этого есть два способа: или бѣжать изъ Херсонеса сухимъ путемъ, пробившись по непроходимымъ дорогамъ, сквозь варварскія племена, или предпринять трудное и продолжительное морское плаваніе. Ифигенія выбираетъ второе, и рѣшается вмѣстѣ съ Орестомъ и Пиладомъ спастись моремъ на кораблѣ Ореста, припрятанномъ неподалеку отъ Херсонеса. Братъ и сестра уговариваются также увезти изъ храма статую Артемиды. Для этого Ифигенія придумываетъ такую хитрость: она объясняетъ царю Фоасу, что пойманные греки осквернены совершеннымъ ими на родинѣ ужаснымъ злодѣяніемъ, а такъ какъ Ифигенія по невѣдѣнію ввела ихъ во внутрь храма, то этимъ оскверненъ какъ храмъ, такъ и статуя богини. Статуя Артемиды даже сдвинулась съ мѣста и закрыла глаза. Требуется немедленно омыть идолъ въ морской водѣ, которая все очищаетъ, и совершить обрядъ очищенія надъ плѣнниками. Одновременно, по совѣту Ифигеніи, Фоасъ приказываетъ всѣмъ жителямъ города (Херсонеса) запереться въ своихъ домахъ и не выглядывать наружу, подъ страхомъ быть оскверненными. Самому же Фоасу Ифигенія поручаетъ, пока она будетъ совершать у моря обряды очищенія запереться въ храмѣ и очищать его зажженнымъ факеломъ.

Эти хитрости вполне удаются. Стражу, данную Фоасомъ,

Ифигенія оставляетъ у берега моря, а сама уплываетъ съ Орестомъ и Пиладомъ на ихъ корабль, увозя съ собою и статую Артемиды. Когда же вѣтеръ съ моря не позволяетъ бѣглецамъ отплыть отъ берега и царь Фоасъ отдаетъ приказаніе снарядить корабли и изловить Ифигенію, то появляется Афина и приказываетъ царю отпустить дочь Агамемнона. Оресту же богиня повелѣваетъ построить въ Греціи храмъ и помѣстить въ немъ статую Артемиды, которую люди станутъ впредь называть «таврической».

Итальянскій историкъ Канале указываетъ даже на дату, когда произошло это перенесеніе статуи изъ Крыма въ Грецію, а именно: 1206 г. до Р. Х. (!) Въ воспоминаніе же прежнихъ человѣческихъ жертвоприношеній, жрецы новаго храма должны, въ извѣстные праздники, надрѣзывать у человѣческой жертвы шею до крови. Павзаній, писатель II-го в. по Р. Х., приводитъ преданіе о томъ, что Ифигенія, по возвращеніи изъ Тавриды, остановилась въ аттическомъ городѣ Брауронѣ. Здѣсь она оставила статую Діаны, а сама поѣхала черезъ Афины въ Аргось. По мнѣнію Павзанія, однако, существовавшая въ Брауронѣ деревянная статуя Діаны, хотя и очень древняго происхожденія, все же не та статуя, которая была вывезена изъ Тавриды. Павзаній далѣе повѣствуетъ, что въ его время существовалъ въ Спартѣ, на мѣстѣ, называемомъ Лимнайонъ, храмъ Артемиды орейской. Въ этомъ храмѣ стояла деревянная статуя богини, которая, по преданію, похищена была Орестомъ и Ифигеніей въ Тавридѣ. Въ старину, передъ алтаремъ этой богини приносились человѣческія жертвоприношенія, которыя Ликургъ замѣнилъ флагелляціей, такъ что алтарь постоянно обагрался кровью. «Во время этой церемоніи присутствуетъ жрица, держа на рукахъ маленькую деревянную статую богини. Эта статуя гладкая и легковѣсная, но ежели флагелляція недостаточно энергична, то статуя становится такою тяжелою, что жрица не въ силахъ ее удерживать. Названіе статуи Лигодесма (связанная ивой) или Ореія (стоящая) дано потому, что статуя найдена была въ вѣтвяхъ ивы, которыя поддерживали ее въ стоячемъ положеніи».

У дорійцевъ вообще встрѣчаются слѣды очень древняго почитанія Артемиды, связаннаго съ человѣческими жертвоприношеніями.

По словамъ Павзанія, въ его время слава таврической Артемиды была еще такъ велика, что, кромѣ города Брау-

рона, многіе города Каппадокіи, Лидіи и прибрежьевъ Понта оспаривали между собою честь владѣть статуей, увезенной Ифигеніей. Даже въ Сузахъ и въ Сиріи существуютъ такія статуи Артемиды таврической. Павзаній же считаетъ, что подлинная статуя находится въ Спартѣ.

Впослѣдствіи, какъ свидѣтельствуеть Гезіодъ, сама Ифигенія была обращена въ особое божество и въ Тавридѣ существовалъ ея культъ.

Нѣкоторые писатели объясняютъ мнѣ о перенесеніи Ифигеніи въ Тавриду тѣмъ, что греческіе жрецы спасли Ифигенію отъ смерти и удалили ее въ Крымъ. Разсказъ о пребываніи Ифигеніи въ Херсонесѣ отразился на древнѣйшихъ монетахъ Херсонеса, на коихъ изображена Артемида, побояющая косулю.

Во всякомъ случаѣ храмъ Артемиды, въ коемъ, по преданію, Ифигенія была жрицей, находился недалеко отъ Херсонеса и, по предположенію Дюбуа де-Монпере, именно между городомъ и гаванью Символовъ, на самой оконечности Крымскаго полуострова, гдѣ теперь расположенъ монастырь св. Георгія. Страбонъ, писавшій около 20 г. по Р. Х., говоритъ, что здѣсь находился въ древности храмъ «какой-то богини Дѣвы». Греки же, которые любили усвоивать мѣстныя варварскія божества и преобразовывать ихъ на свой ладъ, отождествили мѣстную богиню съ Артемидой, подъ именемъ Артемиды таврической. Однако, въ Херсонесѣ эту богиню величаютъ преимущественно «Дѣвой». Храмъ ея пользовался значимостью, и Дѣва или Артемида является впослѣдствіи специально богинею города Херсонеса. Помпоній Мела, писатель I-го в. по Р. Х., даже называетъ Афродиту основательницей Херсонеса, что вполне согласно съ обычаемъ грековъ приписывать основаніе городовъ богамъ или героямъ. На одной надписи Херсонесъ прямо называется городомъ Дѣвы. Въ честь ея получилъ названіе и самый мысъ, на которомъ стоялъ храмъ этой богини—Пареніонъ. Позднѣе этотъ мысъ сталъ носить названіе Фанаръ, а въ началѣ XIX-го в. извѣстенъ подъ турецкимъ наименованіемъ Феленкъ - Бурну, нынѣ Феолентъ. Въ древности мысъ этотъ былъ соединенъ съ городомъ Херсонесомъ дорогой, слѣды коей еще описываются путешественниками начала XIX-го в. Академикъ Кене полагаетъ, что къ остаткамъ упомянутаго храма Артемиды слѣдуетъ отнести найденныя у монастыря св. Георгія

прекрасныя капители колоннъ изъ краснаго мрамора, принадлежащія къ эпохѣ до Константина Великаго. Въ эту пору, повидимому, здѣсь еще существовалъ языческій храмъ въ честь Артемиды, на развалинахъ коего по обычаю первыхъ христіанъ, и былъ построенъ христіанскій храмъ.

У монастыря св. Георгія найденъ былъ также, въ 1836 г., мраморный барельефъ, въ которомъ Муральтъ усматривалъ изображенія Ифигеніи и ея братьевъ.

Другой храмъ Артемиды находился на акрополѣ, внутри города Херсонеса, благодаря чему вся восточная часть Херсонеса, въ которой, повидимому, находился этотъ храмъ Дѣвы, носила, по указанію изслѣдователей, названіе Парѣнона. Алтарь Дѣвы стоялъ рядомъ съ алтаремъ «Херсонеса» (обоготвореніе города). Оба алтаря поставлены были, вѣроятно, на городской площади, о которой упоминается въ одной надписи, найденной при раскопкахъ.

Дюбуа де-Монпере указываетъ на остатки византійской церкви внутри города, которая, по его мнѣнію, была построена изъ матеріала прежняго языческаго храма Артемиды, стоявшаго на этомъ самомъ мѣстѣ. Обломки свидѣтельствуютъ объ удивительной красотѣ древняго зданія, колонны котораго имѣли 21 футъ высоты. Отъ фронтона же до акротеріона Дюбуа исчислялъ 55 футовъ. Высѣченная на камнѣ надпись IV-го в. говоритъ о посвященіи колонны (или зданія) богинѣ Дѣвѣ. Въ этомъ храмѣ Дѣвы находилось, вѣроятно, нѣсколько статуй Артемиды съ атрибутами охоты. Изображенія этой богини, гравированныя на херсонесскихъ монетахъ, представляютъ, по мнѣнію изслѣдователей, именно эти статуи Дѣвы.

Сохранились два пьедестала. Одинъ — отъ статуи одного изъ жрецовъ богини Дѣвы, по имени Віона, сына Симія; другой — отъ статуи (IV—III вв.), посвященной Дѣвѣ нѣкимъ Антивіаномъ, сыномъ Віона, который занималъ сперва должность такъ называемаго «царя», а потомъ жреца богини Дѣвы. Объ этой должности «царя» будетъ подробнѣе сказано ниже. Объ должности, царя и жреца, начиная съ IV-го в. до Р. Х., обыкновенно совмѣщались въ одномъ лицѣ.

Въ честь Дѣвы въ Херсонесѣ совершались особыя торжества, «парѣеніи», сопровождавшіяся большой процессіей, во время которой громогласно провозглашались имена лицъ, заслужившихъ награды.

ГЛАВА II.

Съ V-го вѣка до половины II-го вѣка до Р. Х. Время самостоятельности города.

Основаніе Херсонеса.—Первые основатели.—Первоначальный Херсонесъ.—Новый Херсонесъ.—Большая стѣна.—Исторія.—Амага.—Политическій строй.—Присяга.—Религія.—Торговля.—Художества.

**Основаніе
Херсонеса.**

Когда основанъ Херсонесъ? Большинство историковъ относитъ время основанія этого города ко второй половинѣ VI-го или къ началу V-го в. Указываютъ, между прочимъ, на время около 500 г. до Р. Х., когда, по окончаніи персидской войны, острова Архипелага свергли съ себя персидское иго. Геродотъ (450), однако, вовсе не упоминаетъ о Херсонесѣ и нѣкоторые изслѣдователи находятъ сомнительнымъ, чтобы отецъ исторіи совершенно умолчалъ объ этомъ городѣ, будь онъ уже основанъ. Другіе же говорятъ, что молчаніе Геродота ничего не доказываетъ. Городъ могъ существовать, но быть еще незначительной факторіей гераклейтевъ, торговымъ складомъ, не заслуживавшимъ особаго упоминанія.

Первое точное свѣдѣніе о Херсонесѣ встрѣчается у древняго географа Скилакса, предпринявшаго около 508 г. до Р. Х., по порученію персидскаго царя Дарія I, большое путешествіе и оставившаго о немъ «Периплъ», или описаніе. По словамъ Скилакса: въ Тавридѣ проживаютъ греки, имѣющие здѣсь города Херронисъ, «Пристань» и другіе.

Любопытное упоминаніе о Херсонесѣ встрѣчается, между прочимъ, въ одномъ изданномъ А. Я. Гаркави апокрифическомъ памятникѣ еврейской письменности, а именно: въ при-

пискѣ X-го в. на свиткѣ пятикнижія. Нѣкій Іуда Шемахинскій разсказываетъ, что персидскій царь Камбизъ II (530—522) покорилъ Скиѳію и отдалъ эту страну своимъ союзникамъ іудеямъ и мидійцамъ. Тогда послѣдніе «взяли своихъ женъ, дѣтей и имущество и поселились въ Херсонесѣ, гдѣ отецъ Камбиза, Киръ (599—530), воздвигъ себѣ памятникъ и имя». Съ точки зрѣнія исторической критики, замѣчаетъ Гаркави, эти свѣдѣнія весьма подозрительнаго свойства и носятъ явные слѣды новѣйшаго изобрѣтенія.

Профессоръ Шнейдервиртъ, на основаніи соображеній, о которыхъ будетъ сказано ниже, предлагаетъ для основанія Херсонеса дату: 420 г. По его словамъ, русскіе авторы, указывающіе на первую половину V-го в., не приводятъ никакихъ вѣскихъ причинъ.

По свидѣтельству Страбона, писателя II-го вѣка по Р. Х., и безыменнаго автора землеописанія, приписываемаго Скимну Хиосскому, Херсонесъ былъ основанъ выходцами изъ Гераклеи, города Понтійскаго царства, находившагося на южномъ берегу Чернаго моря въ области Виѳиніи, прямо противъ Херсонеса, гдѣ нынѣ Синопъ. Гераклея же, въ свою очередь, населена была колонистами съ о. Мегары, въ Архипелагѣ. Греки вообще, очень давно уже были въ сношеніяхъ съ варварами, населявшими Таврической полуостровъ, и въ частности мѣстность Херсонеса. Здѣсь обитали тавры, мореплаватели, пользовавшіеся, какъ мы видѣли, дурной славой морскихъ разбойниковъ.

Жители Гераклеи, дорійцы, получили указаніе дельфійскаго оракула заселить Херсонесъ, совмѣстно съ жителями острова Делоса (іонійскаго происхожденія). Послушные оракулу, гераклеяцы и делійцы сѣли на корабли, переплыли море къ противоположному берегу Тавриды и, какъ говоритъ Скимнъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній основали поселеніе, которое, по мнѣнію многихъ изслѣдователей, находилось близъ мыса херсонесскаго маяка (мысъ Феолентъ, древній Парѳеніонъ), у Казачей и Камышевой бухты.

Шнейдервиртъ приурочиваетъ это событіе къ 422 г., когда жители Делоса были прогнаны съ ихъ острова аѳинянами. Послѣдніе напали и на Гераклею и, подъ предводительствомъ Ламаха, взяли и разграбили области этого города. Правительство Гераклеи воспользовалось подходящей критической минутой и отправило колонистовъ въ Крымъ, гдѣ

Первые
основатели
Херсонеса.

для Гераклеи представлялось весьма важнымъ добыть крупный торговый центръ.

Древнее повѣствованіе о совмѣстномъ основаніи Херсонеса гераклеяцами и делійцами вызываетъ у нѣкоторыхъ историковъ серьезныя сомнѣнія. Такъ, Брандисъ находитъ весь этотъ рассказъ крайне неправдоподобнымъ. Если бы делійцы на самомъ дѣлѣ участвовали въ колонизаціи Херсонеса, то мы замѣчали бы въ немъ и іонійское вліяніе. Неправдоподобно также и соединеніе дорійцевъ и іонійцевъ для такого предпріятія. Оракулъ несомнѣнно говорилъ о дельфійцахъ, а не о делійцахъ, но здѣсь произошла ошибка въ чтеніи. Гераклея была въ тѣсной связи съ Дельфами и смыслъ оракула тотъ, что гераклеяцы должны были основать Херсонесъ подъ попеченіемъ и благословеніемъ дельфійскихъ боговъ.

Тѣсная связь съ Дельфами установилась вслѣдъ затѣмъ и въ Херсонесѣ. Такъ, въ 195 — 194 гг., въ списокѣ дельфійскихъ проксеновъ (лицъ, удостоенныхъ проксеніи, т.-е. права гражданства) значатся Гимнъ, сынъ Скиѳа, херсонесець. Въ 192 — 191 гг., въ тѣхъ же спискахъ дельфійскихъ проксеновъ значатся херсонесцы: Форміонъ, сынъ Півіона и Гераклидъ, сынъ Рисѳа, которымъ дарована была проксенія по нижеслѣдующему случаю. Дельфійцы послали въ Херсонесъ двухъ пословъ съ объявленіемъ о предстоящихъ шіейскихъ празднествахъ. Херсонесцы оказали посланнымъ самый радушный пріемъ, высказали въ особомъ постановленіи свое дружественное расположеніе къ Дельфамъ и отправили въ Дельфы отвѣтное посольство. Здѣсь херсонескіе послы, Форміонъ и Гераклидъ, принесли отъ лица своего государства жертву Аполлону — 100 головъ скота и Аѳинѣ — 12 головъ, причемъ оба эти жертвоприношенія начинались съ быковъ. Жертвенное мясо было раздѣлено между дельфійскими гражданами. Во все время своего пребыванія въ Дельфахъ херсонескіе послы отличались поведеніемъ, «достойнымъ какъ ихъ самихъ, такъ и пославшихъ ихъ». Въ благодарность за такое почтеніе къ божеству и дружбу, дельфійцы постановили высказать гражданамъ Херсонеса и ихъ посламъ похвалу и даровать городу Херсонесу промантію, т.-е. право союза или кумовства, а всѣмъ гражданамъ Херсонеса дать права первенства при вопрошаніи оракула. Кромѣ того, херсонесскимъ посламъ пожалована была проксенія и

подарки. Декретъ же объ этомъ постановлено было вырѣзать на камнѣ и выставить въ храмѣ Аполлона.

Имена Гимна и Гераклида встрѣчаются также въ числѣ именъ архонтовъ на херсонесскихъ монетахъ. Гимнъ значитъ и на амфорныхъ ручкахъ херсонесскаго производства, въ должности астинома.

По прибытіи въ Крымъ, греческіе колонисты назвали вновь основанный ими городъ Гераклеей, въ честь своей родоначальницы. Плиній говоритъ, что городъ назывался сперва Мегарикой (у другихъ авторовъ Мегара Понтійская), изъ чего Беккеръ выводилъ, что основаніе Херсонеса послѣдовало вскорѣ же послѣ основанія самой Гераклеи и еще въ такую эпоху, когда переселившіеся въ Гераклею греки не утратили своихъ отдѣльныхъ національностей и не всѣ еще слились въ одно. Такимъ образомъ, по предположенію названнаго историка, тѣ гераклеійскіе выходцы, которые основали Херсонесъ, состояли преимущественно изъ пришельцевъ съ острова Мегары. Съ этимъ толкованіемъ не соглашается Шнейдervirtъ, который находитъ вполне естественнымъ, что колонисты назвали новый городъ Мегарикой въ честь родоначальницы Гераклеи—Мегары. Съ другой стороны, Брандисъ совершенно отрицаетъ, чтобы Херсонесъ когда-либо назывался Мегарикой, и объясняетъ, что это наименованіе появилось у нѣкоторыхъ авторовъ только вслѣдствіе ошибочнаго толкованія словъ Плинія.

Хотя географическія условія для основанія новой колоніи были благопріятны, такъ какъ, благодаря перешейку, соединяющему мысъ Пареніонъ съ остальнымъ материкомъ, мѣсто города легко могло быть защищено со стороны суши, все же основаніе Херсонеса далось гераклеѣйцамъ не легко. Потребовалось съ первыхъ же шаговъ вести упорную войну съ туземцами и отвоевывать у тавровъ территорію шагъ за шагомъ. Но гераклеѣйцамъ дѣло колонизаціи было дѣломъ привычнымъ; ими уже основаны были нѣсколько колоній и на своихъ монетахъ Гераклея не даромъ величала себя матерью многихъ городовъ.

Колонисты понемногу отгѣснили тавровъ отъ пространства между двумя заливами моря. Тогда потребовалось оградить себя стѣнами, валами и рвами со стороны суши противъ нападенія скивовъ. Раскопки послѣднихъ лѣтъ обнаружили сооруженныя херсонесцами въ IV-мъ в. грандіозныя

стѣны и башни и хотя отъ скиѳовъ можно было отдѣлываться уплатой ежегодной дани, все же жителямъ города приходилось быть постоянно наготовѣ для сраженія съ варварами, и стѣны постоянно ремонтировались. Объ этой борьбѣ свидѣтельствуя упоминанія, встрѣчающіяся нѣсколько разъ въ IV-мъ в., касательно экспедицій гераклейцевъ въ Крымъ и ихъ войнъ съ царемъ Левкономъ I босфорскимъ (388 — 347). Очевидно, что въ эту эпоху главнымъ интересомъ Гераклеи въ Крыму былъ Херсонесъ.

Отвоевавъ территорію отъ враговъ, херсонесцамъ пришлось тотчасъ же начать борьбу и съ климатическими условіями края. Далекъ было, говорить историкъ, до солнечныхъ береговъ Кампаніи, Сициліи или Малой Азіи. Херсонесъ не былъ мѣстомъ легкой наживы и удобнаго наслажденія жизнью. Здѣсь обстановка мало соотвѣтствовала греческой жизни, греческимъ храмамъ, греческимъ рынкамъ и греческому театру. Рѣзкій вѣтеръ и тяжелыя тучи не позволяли проводить лучшую часть жизни подъ открытымъ небомъ. Колонистамъ пришлось обрабатывать каменистый грунтъ подъ посѣвы плодовъ, винограда и подъ пахоть; все это требовало заботливости и труда. Безводную мѣстность надо было оросить и снабдить городъ хорошей водой для питья.

Но, говорить историкъ, въ дѣлѣ основанія Херсонеса воочию показали себя присущія дорійской расѣ качества: работоспособность, усидчивость, терпѣніе и воинская храбрость. Этимъ людямъ, вооруженнымъ, по словамъ поэта, тройной мѣдью, удалось побороть всѣ затрудненія и поставить зарождающійся Херсонесъ на твердую ногу. Усилія землевладѣльцевъ и арендаторовъ надъ обработкой почвы увѣнчались обильными жатвами. Земледѣліе стало процвѣтать; успѣшно пошла культура винограда. Сильно развилась рыбная ловля; развилось и солевареніе на соляномъ озерѣ близъ залива Ктенунта (Севастополь). Отъ Гераклеи же новая колонія находилась въ разстояніи всего двухъ дней пути, такъ что ей не трудно было установить съ метрополіею частыя и быстрыя сношенія.

**Перво-
начальный
Херсонесъ.**

Одной изъ не вполне еще выясненныхъ сторонъ въ исторіи Херсонеса является указаніе Страбона на то, что первоначально колонія была основана на другомъ мѣстѣ, а затѣмъ, уже позднѣе, городъ перенесенъ былъ туда, гдѣ его засталъ Страбонъ, въ эпоху коего древнѣйшій Херсонесъ былъ уже разрушенъ.

Но гдѣ же находилось мѣстоположеніе древнѣйшаго Херсонеса? Этотъ вопросъ составлялъ долгое время предметъ разногласій. Страбонъ указываетъ на ту мѣстность, о которой мы говорили выше, между мысомъ Парееціонъ и гаванью Символовъ. (Послѣднее названіе читается различно; иные авторы переводятъ: гавань совѣта, а другіе — гавань битвъ. Мѣстоположеніе нынѣшней Балаклавы). Между городомъ и мысомъ, говоритъ Страбонъ, есть три гавани, затѣмъ слѣдуетъ древній Херсонесъ, лежащій въ развалинахъ, а за нимъ бухта съ узкимъ входомъ, возлѣ которой преимущественно устраивали разбойничьи притоны тавры, скиѣское племя. За исключеніемъ горной области на морскомъ берегу до Феодосіи, вся остальная часть херсонескихъ владѣній представляетъ равнину съ хорошей почвой. Мѣстные земледѣльцы слывуть за людей маловоинственныхъ и воздерживаются отъ разбоевъ и тому подобныхъ незаконныхъ средствъ къ обогащенію.

Различныя ученые искали мѣстонахожденія древняго Херсонеса то на мѣстѣ Керчи, то въ Феодосіи, Карасу - Базарѣ, Ахмечети, Кинбурнѣ.

Херсонесъ въ самомъ началѣ представлялъ изъ себя только небольшое поселеніе, факторію Гераклеи для производства рыбной ловли, торговли и стоянки кораблей, и въ этомъ отношеніи мѣсто, которое, по словамъ Страбона, было избрано для постройки Херсонеса у первой (Казачьей) бухты, къ югу отъ нынѣшняго Севастополя, близъ мыса Парееціонъ, представлялось бы вполне удачнымъ; рыба изобиловала въ тихой бухтѣ Символовъ и въ заливѣ Ктенунта. На это именно мѣсто указывали въ XVIII-мъ в. академикъ Палласъ, а въ послѣднее время А. Л. Бертье-Делагардъ. Но произведенныя раскопки не оправдали этого предположенія и остатковъ какого-либо древняго поселенія здѣсь не оказалось.

Кѣмъ и какъ былъ разрушенъ старый Херсонесъ, въ точности неизвѣстно. Одни историки приписываютъ это событіе нашествію варваровъ, окружавшихъ колонію, другіе полагаютъ, что торговое поселеніе на мѣстѣ древняго Херсонеса мало-по-малу разрослось, получило большое значеніе и понемногу обратилось въ самостоятельную общину. Тогда приискано было другое, несравненно болѣе удобное мѣсто для города на небольшомъ мысѣ, съ трехъ сторонъ омываемомъ моремъ, между Карантинной и Стрѣлецкой бухтами. Сюда и

рѣшено было переселиться. Переселеніе происходило, говорить изслѣдователь, спокойно и продолжалось долгое время. Жители перебирались на новое мѣсто унося съ собою изъ стараго города все, что только могли, и даже воспользовались матеріаломъ изъ развалинъ прежняго города для постройки новаго, чѣмъ, между прочимъ, объясняется то, что отъ прежняго Херсонеса сохранилось такъ мало памятниковъ.

Нѣкоторые историки относятъ постройку новаго Херсонеса къ III-му в. до Р. Х., приурочивая фактъ переселенія херсонесцевъ на новое мѣсто къ разсказу о помощи, оказанной Херсонесу противъ скивовъ сарматской царицей Амагой, о которой подробно сказано ниже. По смерти этой Амаги, скивы будто бы напрягли всѣ усилія, чтобы завладѣть городомъ, что имъ и удалось. Херсонесъ былъ взятъ и совершенно разрушенъ. Когда варвары удалились, горожанамъ пришлось строиться во второй разъ, причѣмъ дѣло не обошлось безъ усиленной помощи со стороны Гераклеи. Херсонесцы избрали себѣ новое мѣсто вблизи роскошной севастопольской бухты.

Другіе изслѣдователи приходятъ къ заключенію, что весь разсказъ о вторичной постройкѣ Херсонеса на новомъ мѣстѣ является легендой, не оправдываемой фактами. Находки древнѣйшихъ херсонесскихъ монетъ на значительной глубинѣ на мѣстѣ нынѣшнихъ развалинъ Херсонеса доказываютъ, по мнѣнію Бурачкова, что древній городъ и возникшій впоследствии современный Херсонесъ были расположены на одномъ и томъ же мѣстѣ. Находка же древнихъ надписей въ развалинахъ позднѣйшаго Херсонеса не можетъ быть объясняема переносомъ ихъ сюда съ прежняго мѣста постановки, такъ какъ внѣ окружности развалинъ позднѣйшаго поселенія не было найдено почти ни одной надписи.

Показаніе Страбона, заключаетъ профессоръ фонъ-Штернъ, не можетъ долѣе служить исходнымъ пунктомъ въ вопросѣ о мѣстоположеніи древняго Херсонеса. Дѣйствительно, раскопки послѣднихъ лѣтъ обнаружили, что нынѣ существующія развалины города Херсонеса обнесены великолѣпной стѣной и башнями, построенными въ IV-мъ в., да и въ самомъ городѣ найдены слѣды обитанія и мастерства IV-го в. Такимъ образомъ, если и допустить, что городъ первоначально стоялъ на другомъ мѣстѣ, то выступаетъ мнѣніе тѣхъ историковъ, которые полагаютъ, что первоначальное мѣсто было

покинуто колонистами очень рано и что переходъ херсонесцевъ на теперешнее мѣстоположеніе его разваливъ, у Карантинной бухты, совершился не позднѣе V-го в.

И такъ, говоритъ профессоръ Шнейдервиртъ, основанъ Херсонесъ, возставшій, какъ древній предвѣстникъ Севастополя, со своими заливами, гаванями, стѣнами, башнями. Образовался цѣлый обособленный мірокъ, свободно доступный, однако, внѣшней торговлѣ и дружескимъ сношеніямъ. Колонисты мало-по-малу завладѣли всѣмъ небольшимъ полуостровомъ Трахеи (т.-е. скалистый), пространствомъ въ $4\frac{1}{2}$ географическія мили, между заливами Символовъ и Ктенунтомъ. Тогда новая колонія стала называться Херсонесомъ, то-есть полуостровомъ (сначала Херронесосъ, потомъ Херсонезосъ, Херсоназосъ, Херсонесъ-Гераклейскій).

Новый
Херсонесъ.

Наконецъ, съ III-го в. городъ называется Херсонъ. Къ этому времени онъ уже владѣетъ почти всей западной частью крымскаго побережья. Ему принадлежала и такъ называемая «Равнина». Для нуждъ торговли, херсонесцы съ раннихъ временъ твердо завладѣли рядомъ бухтъ и тремя большими гаванями: Символовъ, Ктенунта, съ укрѣпленнымъ пунктомъ къ с.-в. и Калосъ-Лимень (прекрасная гавань), также укрѣпленный портъ, находившійся, по мнѣнію однихъ изслѣдователей, у Акмечетской бухты, на южномъ берегу Перекопскаго залива, а по другимъ опредѣленіямъ, у Сары-Булатской косы, на томъ же заливѣ, къ с.-в. отъ Акмечетской бухты. Кромѣ того, построено было нѣсколько другихъ укрѣпленій, въ томъ числѣ и Керкинить (Каркинить, Керкенигида, у другихъ—Коропить), близъ Евпаторіи. Въ связи съ этимъ, въ Евпаторійскомъ уѣздѣ часто находятъ херсонесскія монеты. Изъ отдѣльныхъ колоній, основанныхъ херсонесцами на южномъ берегу Крыма, Томашекъ и Хвольсонъ называютъ городъ Партенить, крупный торговый центръ съ пристанью, недалеко отъ Ялты.

Въ отношеніи береговой линіи, говоритъ профессоръ Кулаковскій, мѣстность Херсонеса представляетъ исключительныя условія по своему удобству. Горный кряжъ, проходящій по южной части полуострова, круто спадаетъ къ морю на всемъ своемъ протяженіи отъ Θεодосіи къ западу; въ мѣстности Херсонеса онъ понижается и нѣсколько отступаетъ отъ моря. Берегъ вытягивается въ море небольшимъ полуостровомъ и изрѣзанъ великолѣпными заливами и бухтами. Съ

западной стороны врѣзывается въ материкъ огромная, развѣтвляющаяся въ разныхъ направленіяхъ, бухта нынѣшняго Севастополя.

Плоскій берегъ полуострова къ югу отъ этой бухты изрѣзанъ цѣлымъ рядомъ небольшихъ заливовъ, а далѣе къ сѣверо-востоку, въ томъ мѣстѣ, гдѣ берегъ становится выше и обрывистѣе, въ него врѣзается со всѣхъ сторонъ закрытая глухая бухта нынѣшней Балаклавы. Небольшое разстояніе отъ конца южной севастопольской бухты до Балаклавы позволяетъ отдѣлить этотъ выступъ полуострова отъ остальной территоріи Крыма и отстаивать его отъ нападенія съ суши, какъ то приходилось дѣлать херсонесцамъ.

Большая
стѣна.

Наконецъ, черезъ весь перешеекъ, между портомъ Ктенунтомъ (отъ Севастополя или Инкермана) и гаванью Символовъ было, по разсказу нѣкоторыхъ историковъ, выстроено укрѣпленіе, длиною въ 40 стадій ($7\frac{1}{2}$ версты), которое называлось стѣною херсонесцевъ и должно было оградить колонію отъ набѣговъ скиѳовъ. Впрочемъ, по другимъ свѣдѣніямъ, эта стѣна находилась гораздо восточнѣе, между Θεодосіей и небольшимъ полуостровомъ на Меоидѣ (Азовскомъ морѣ), носившимъ названіе Херронеса Зенона. Кене приводитъ свидѣтельство древняго писателя Гипсикрата, повѣствующаго, что укрѣпленіе херсонесцевъ было сложено изъ большихъ неотесанныхъ камней, безъ цемента, и имѣло 360 стадій въ длину (66 версты). Передъ стѣной былъ ровъ, а на каждой стади построено было до 10-ти башенъ (всего 3.600 башенъ!).

Вопросъ объ этомъ «баснословномъ укрѣпленіи» принадлежитъ къ числу спорныхъ вопросовъ исторіи Херсонеса и представляетъ много загадочныхъ сторонъ. Нѣкоторые путешественники по Тавридѣ, напримѣръ, Палласъ въ 1793 г. и Муравьевъ-Апостолъ въ 1820 г. увѣряютъ, что видѣли остатки этой стѣны и рва передъ ними, а Страбонъ разсказываетъ даже объ осадѣ этой стѣны скиѳами. Въ силу этихъ показаній, долго вѣрили въ существованіе этой стѣны, но за послѣднее время А. Л. Бертье-Делагардъ вполне опровергъ это мнѣніе и доказываетъ несостоятельность увѣреній путешественниковъ, будто бы видѣвшихъ стѣны. Этотъ изслѣдователь совершенно отрицаетъ существованіе упомянутаго укрѣпленія, отъ стѣнъ и башенъ коего несомнѣнно сохранились бы въ настоящее время какіе-либо признаки,

между тѣмъ какъ таковыхъ налицо вовсе не имѣется. Точно также и раскопки абсолютно никакихъ слѣдовъ подобныхъ громаднѣхъ укрѣпленій не обнаружили. Историки, допускающіе существованіе названнаго укрѣпленія, показываютъ различно относительно времени его сооруженія. Одни говорятъ, что стѣна воздвигнута была вскорѣ послѣ основанія Херсонеса; другіе относятъ эту защиту города къ концу II вѣка, ко времени борьбы города съ скиѣскимъ царемъ Скилуромъ; третьи приписываютъ построеніе укрѣпленія босфорскому царю Асандру, въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. Если допустить существованіе названной стѣны между Балаклавой и Севастополемъ, то площадка, на которой расположился городъ Херсонесъ, обращается въ обширную крѣпость, главнымъ укрѣпленіемъ коей представлялся самъ городъ съ его защитными стѣнами, толщиной въ 6 футовъ. О существованіи укрѣпленій въ Херсонесѣ говоритъ между прочимъ Аппіанъ, писатель II-го вѣка по Р. Х., называющій Херсонесъ «крѣпосцей».

Далекое прошлое Херсонеса извѣстно намъ очень мало; историческія данныя о Херсонесѣ въ этотъ періодъ весьма скудны. Городъ сначала ведетъ непрестанную войну на сушѣ со скиѣами, отъ притязаній которыхъ херсонесцы отдѣлываются, уплачивая тяжелыя дани, а на морѣ съ пиратами-таврами. Затѣмъ въ Крыму появляются, на смѣну одинъ другому, разные варварскіе народы: сарматы, кельты, геты. Племена эти вытѣсняють скиѣовъ и все болѣе и болѣе напиратьютъ на греческія колоніи, стараясь ихъ одолѣть всѣми способами, силой, хитростью или подкупами. Греки энергично защищаются отъ варварскихъ разбоевъ и домогательствъ за своими высокими стѣнами и со своей стороны стараются дипломатическимъ путемъ посѣять рознь между различными племенами варваровъ и натравить ихъ одно противъ другого.

**Исторія
Херсонеса
съ V-го до
половины
II-го вѣка
до Р. Х.**

Изъ эпической борьбы таврическихъ грековъ съ варварами сохранился эпизодъ, рассказанный Поменомъ, писателемъ II-го в. по Р. Х. Херсонесцы, осажденные скиѣами, обратились за помощію къ нѣкоей сарматской царицѣ Амагѣ, управлявшей сарматами взамѣнъ разслабленнаго пьяницы, мужа своего, Медосекка, и пользовавшейся громкою извѣстностью по всей странѣ. Амага потребовала отъ скиѣскаго царя, чтобы онъ прекратилъ осаду, и когда тотъ ее не послушался, то, отобравъ 120 сильныхъ воиновъ и снабдивъ

Амага.

каждаго изъ нихъ тремя лошадыми, царица совершила въ однѣ сутки 1.200 стадій (т.-е. около 210 верстъ) и внезапно появилась передъ царской станицей. Здѣсь Амага перебила стражу. Испуганные скиены полагали, что царица напала на нихъ во главѣ передового отряда, за которымъ слѣдовало ея войско, и позволили ей завладѣть царскимъ замкомъ, гдѣ Амага умертвила самого царя съ находившимися при немъ его родственниками и друзьями. Затѣмъ она посадила на скиенское царство сына убитаго царя, а Херсонесу возвратила его владѣнія, запретивъ новому царю трогать грековъ. Однако, послѣ смерти Амаги, скиены, какъ уже было сказано, завладѣли Херсонесомъ и разрушили его.

Въ этихъ постоянныхъ войнахъ, вѣрной союзницей Херсонеса является его метрополія Гераклея, съ которой Херсонесъ связанъ былъ тѣсными узами дружбы. Въ началѣ IV-го вѣка до Р. Х. херсонесцы со своей стороны оказали содѣйствіе Гераклеѣ въ ея войнѣ противъ босфорскаго царя Левкона I-го (388—347) изъ-за обладанія г. Θεодосіей. Поллѣонъ, писатель I-го вѣка до Р. Х., рассказываетъ, что Левконъ осадилъ этотъ городъ, но гераклеяцы и ихъ союзники, слѣдуя наущенію нѣкоего Тинниха, прибѣгли къ хитрости и освободили Θεодосію отъ осады. Очень близкія отношенія завелись также между Херсонесомъ и царями Понта. Нѣсколько найденныхъ въ Керчи надгробныхъ плитъ, съ наименованіемъ херсонесскихъ гражданъ, IV — III-го вв., свидѣлствуютъ объ этихъ сношеніяхъ съ Пантикапеей.

Положеніе новаго города было очень выгодно во многихъ отношеніяхъ, и Херсонесъ къ III-му вѣку достигъ большого значенія. Къ началу же II-го вѣка владѣнія Херсонеса еще расширились. Херсонесцы проникли до береговъ Днѣпра и утвердили свое господство на этой рѣкѣ довольно прочно, начиная, по описанію Бурачкова, отъ Знаменки, гдѣ въ содѣйствіе съ Никополемъ основана была херсонесская колонія, и далѣе, вверхъ по Днѣпру, гдѣ херсонесцы установили прямыя сношенія съ обитателями сѣвернаго приднѣпровья. Вліяніе свое они сохранили здѣсь вплоть до позднѣйшаго времени.

Отъ V-го вѣка до Р. Х. сохранились въ Херсонесѣ одна архаическая надпись и обломки изящной фигурной вазы. Къ IV-му вѣку относится и часть стѣлы съ отрывками декрета, въ которомъ городъ Ольвія восхваляетъ неизвѣстное лицо,

вѣроятно уроженца Херсонеса, за какія-то услуги. Въ развалинахъ Херсонеса найдена также золотая монета IV-го вѣка, а именно македонскаго царя Филиппа II-го (360—336).

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что, въ общемъ, мы знаемъ очень мало о первыхъ вѣкахъ существованія города. Однако, замѣчаетъ Брандисъ, какъ бы мы мало ни знали, несомнѣнно, что третій и первая половина второго вѣковъ до Рождества Христова составляютъ самую счастливую эпоху существованія Херсонеса. Другіе историки относятъ, однако, время наибольшаго процвѣтанія Херсонеса къ болѣе раннему времени, между 477 и 377 гг. до Р. Х. Затѣмъ значеніе Херсонеса постепенно падаетъ.

Въ 195—194 и 192—191 гг. происходитъ между Херсонесомъ и Дельфами обмѣнъ дружественныхъ сношеній, о которыхъ говорено выше, а въ 179 г. Херсонесъ вмѣстѣ съ Гераклеей оказываетъ помощь Фарнаку I, царю Понта, въ его войнѣ противъ галатовъ и царей: каппадокійскаго—Ариата, битинійскаго—Пруса и пергамскаго—Евмена II (упоминается еще и Гатель, царь сарматскій). Этой войнѣ положили конецъ римляне, принудившіе Фарнака возвратить всѣ его завоеванія. Въ заключенныхъ послѣ сего Фарнакомъ окончательномъ мирномъ и торговомъ договорахъ на ряду съ Гераклеей и Месембрией упоминается и Херсонесъ, какъ автономный городъ.

Съ этого времени цари Понта начинаютъ играть роль покровителей греческихъ интересовъ въ Крыму. Къ ихъ покровительству пришлось прибѣгнуть и Херсонесу, который съ конца II-го вѣка безъ посторонней помощи уже обходиться не можетъ.

Херсонесъ въ эпоху между V-мъ и II-мъ вв. до Р. Х. представлялъ, по изслѣдованію академика Латышева, вполне благоустроенную гражданскую общину, съ опредѣленной демократической формой правленія, съ правильно установленными органами совѣщательной, судебной и исполнительской власти. Городъ управлялся своими законами. Жители его строго хранили завѣты родины, національный характеръ и чистоту своего дорическаго нарѣчія. Надписи, найденныя въ Херсонесѣ, написаны на дорическомъ діалектѣ, который удержался въ Херсонесѣ до позднихъ временъ. Конституція Херсонеса была весьма схожа съ мегарскою. Большинство государственныхъ учрежденій Херсонеса были пе-

Политическій строй.

ренесены въ этотъ городъ въ готовомъ видѣ изъ Гераклеи, куда въ свою очередь они перешли изъ Мегары. Высшая власть принадлежала совѣту, въ члены коего могъ быть избираемъ всякій полноправный гражданинъ, и народному собранію. Членовъ совѣта, по нѣкоторымъ предположеніямъ, было до 300. Они предварительно разсматривали дѣла, подлежащія докладу народному собранію. Совѣтомъ руководили предсѣдатели. При совѣтѣ были секретари. Народному собранію или вѣчу принадлежала рѣшающая власть во всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Докладывали собранію дѣлоправители или частныя лица. Исполнительная власть находилась въ рукахъ магистратовъ, должность, въ которую могъ также быть избираемъ всякій гражданинъ. Магистраты образовывали коллегіи. На обязанности ихъ лежала охрана демократіи.

Существовала должность царя, имѣвшая религіозный характеръ, и должность жреца, также доступная всякому гражданину. Обѣ эти должности, царя и жреца, обыкновенно, какъ мы видѣли, совмѣщались въ одномъ и томъ же лицѣ.

Существовала особая должность военного магистрата, высшего правителя республики. Этой должности присвояются различныя наименованія, какъ-то: стратега, архонта, протополита, протевона, проедра. (Названіе протевона дается, впрочемъ, также и членамъ верховнаго совѣта). Этотъ высшій магистратъ является начальникомъ укрѣпленій и главнымъ начальникомъ войскъ на войнѣ. Отъ него зависитъ заключеніе мира и союзовъ. Имена архонтовъ Херсонеса встрѣчаются на монетахъ этого города (III-го в. до Р. X.). По мнѣнію Бурачкова, существовала еще особая должность помощника архонта, на которомъ лежало наблюденіе за чеканкою монетъ. Главныя названія архонтовъ на херсонесскихъ монетахъ нижеслѣдующія: Агасиклетъ, Адонъ, Аполлодоръ, Аполласъ, Аполлонъ, Аполлонидъ, Артемидоръ, Архиклей, Бавиллъ, Боиланъ, Деметрій, Діагоръ, Діонъ, Елпид..., Евдромъ, Евридамъ, Гераклъ, Гераклидъ, Герондасъ, Гимнъ, Гистіей, Іеронъ, Клемитадасъ, Котисъ, Кра..., Ксанъ, Ксеноктъ, Матрай (или Матро...), Менестратъ, Моирій, Нанонъ, Оронтъ, Паревеній (?), Павсименъ (?), Помис..., Помонъ, Сирискъ, Фа..., Филис..., Хорей и Эсихъ.

Были и судебныя должности, въ связи съ институтомъ народнаго суда, гдѣ голоса подавались посредствомъ камешковъ. Учреждены были и особые охранители закона. Для над-

зора за торговлей существовали особые агенты. Финансовыя дѣла вѣдали особые казначеи. Были еще и нѣкоторыя другія должности менѣе опредѣленнаго характера.

О государственномъ устройствѣ херсонесской республики сохранились цѣнныя указанія въ знаменитой присягѣ на вѣрность городу, которую произносили граждане Херсонеса. Текстъ этой присяги найденъ при раскопкахъ 1890—1891 гт. Онъ высѣченъ на мраморной стѣлѣ, высотой почти въ $1\frac{1}{2}$ метра, которая, очевидно, стояла на видномъ мѣстѣ въ центрѣ города. Присяга эта, вѣроятно, публично прочитывалась гражданами въ какомъ-либо святилищѣ, по достиженіи совершеннолѣтія. Вотъ немного сокращенный переводъ этого памятника, имѣющаго первостепенную важность. По характеру и особенностямъ письма надпись относится къ концу IV-го или началу III-го вѣка.

Присяга.

«Клянусь Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, Дѣвою, богами и богинями олимпійскими и героями, которые владѣютъ городомъ, областію и укрѣпленіями херсонессцевъ, что я буду защищать благосостояніе и свободу города и согражданъ и не отдамъ ни эллину, ни варвару ничего изъ того, что принадлежитъ Херсонесу, Керкинитидѣ, Прекрасной Гавани, прочимъ укрѣпленіямъ и области херсонессцевъ. Я не нарушу народнаго управленія и никому не позволю этого сдѣлать. а если узнаю о такомъ намѣреніи, то заявлю дамiургамъ и буду врагомъ злоумышляющему. Если буду избранъ въ должность дамiурга и члена совѣта, то буду служить какъ можно лучше и справедливѣе и не открою ни эллину, ни варвару такую тайну, которая можетъ повредить городу. Я не замыслю дурнаго поступка противъ кого-либо изъ гражданъ, и другимъ этого сдѣлать не позволю, а о желающихъ нанести зло я заявлю. На судѣ я буду подавать голосъ согласно законамъ. Я не вступлю въ заговоръ противъ херсонессцевъ, ни противъ кого-либо изъ согражданъ, развѣ что онъ будетъ объявленъ врагомъ народа. Если-же я уже вступилъ въ такой заговоръ и связанъ клятвой, то нарушеніе сей клятвы да послужитъ мнѣ въ пользу, а соблюденіе ея во вредъ. Если я узнаю о заговорѣ, то заявлю дамiургамъ. Я не буду продавать или вывозить въ какое-либо иное мѣсто, кромѣ Херсонеса, хлѣбъ, назначенный къ вывозу изъ Равнины. Если я соблюду эту клятву, то да даруютъ Зевсъ, Земля, Солнце, Дѣва и боги олимпійскіе благо какъ мнѣ,

такъ и роду моему; а если я не сдержу клятвы, то да будетъ мнѣ и роду моему худо; земля и море да не приносятъ мнѣ выгоды, а женщины да не рожаютъ прекрасныхъ дѣтей».

Въ общемъ, замѣчаетъ Шнейдервиртъ, свѣдѣнія наши о государственномъ строѣ Херсонеса весьма не полны. Намъ неизвѣстны ни предѣлы власти, ни число, ни способъ избранія различныхъ должностныхъ лицъ. Въ сущности мы знаемъ одни названія ихъ должностей—и только.

На амфорныхъ ручкахъ, попадающихся въ неисчислимомъ количествѣ въ развалинахъ Херсонеса, весьма часто встрѣчаются клейма съ обозначеніемъ мѣста выдѣлки амфоры (напримѣръ, о. Фазосъ) и имени мастера. Рядомъ обыкновенно значится и имя чиновника, завѣдывавшаго выдѣлкою амфоръ или провѣрившаго ихъ содержимое и носившаго титулъ астинома. По словамъ Аристотеля, указаннымъ мнѣ покойнымъ Г. Е. Кизерицкимъ, должность астинома имѣла полицейскій характеръ; такъ, въ Афинахъ было 10 астиномовъ, которымъ поручень былъ надзоръ за танцовщицами, флейтовщицами и китаристками. Они же надзирали за чистой улицъ и за постройками.

Многія изъ амфорныхъ ручекъ слѣдуетъ, повидимому, приписать мѣстному херсонесскому издѣлію. Хотя, говоритъ изслѣдователь, ни у древнихъ авторовъ, ни въ дошедшихъ до насъ этнографическихъ памятникахъ, какъ херсонесскихъ, такъ равно и другихъ не упоминаются херсонесскіе астиномы, однако же существованіе ихъ въ Херсонесѣ въ высшей степени вѣроятно. Время учрежденія этой должности совпадаетъ, повидимому, съ началомъ Херсонеса, что подтверждается именами и монограммами, находящимися на херсонесскихъ монетахъ древнѣйшаго періода; трудно же опредѣлить, когда эта должность прекратилась. Наиболѣе часто встрѣчаются на амфорныхъ ручкахъ имена нижеслѣдующихъ астиномовъ: Аполлонъ, Ваиллъ, Гераклъ, Агасиклъ, Ксанъ, Геродотъ, Нанонъ. За послѣднее время К. К. Косцюшко-Валюжиничъ называетъ еще: Симайя и Герей.

Въ надписи IV-го вѣка, найденной при раскопкахъ, значится имя Сопалія, сына Гимна, бывшаго, повидимому, правителемъ Херсонеса.

Другая надпись III-го вѣка содержитъ хвалебный декретъ въ честь нѣкоего Агасикла, сына Ктисіи. Декретъ этотъ вырѣзанъ на мраморномъ пьедесталѣ статуи, воздвигнутой Ага-

сиклу городомъ Херсонесомъ. Надпись свидѣтельствуеетъ о томъ, что Агасикль занималъ разныя общественныя должности, укрѣпилъ городъ валомъ и рвомъ, построилъ городскія стѣны, соединилъ стѣной заливы Символовъ и Ктенунтъ, завелъ въ городъ гарнизонъ, устроилъ на большой площади городской рынокъ и размежевалъ городскіе виноградники на Равнинѣ. Упомянутое постановленіе въ честь Агасикла приурочивается нѣкоторыми историками, полагающими, какъ было выше сказано, что переходъ Херсонеса со стараго на новое мѣсто совершился въ III-мъ вѣкѣ, — къ этому именно основанію новаго города.

Сохранилась также надпись III-го вѣка, касающаяся дарованія проксеніи родосцу Тимагору, сыну Никагора, и всему роду его, съ правомъ въѣзда и выѣзда имъ лично и ввоза и вывоза товаровъ ихъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. За какія услуги городу херсонесцы оказали Тимагору этотъ почетъ—неизвѣстно. Другой декретъ (II-го в.) гласитъ о дарованіи проксеніи нѣкому Каллею.

Есть свидѣтельства о процвѣтаніи въ эту эпоху гимнастическихъ игръ молодежи, подъ руководствомъ особыхъ должностныхъ лицъ. Развивались бѣгъ, метаніе колець и дротиковъ, излюбленное упражненіе дорійцевъ, имѣвшее въ Херсонесѣ, благодаря постоянной борьбѣ его съ варварами, особое значеніе.

Наконецъ, нѣсколько эпиграфическихъ памятниковъ IV-го—II-го вв. сохранили намъ акты о продажѣ городомъ земельныхъ участковъ и различныя другія мелкія записи. Уцѣлѣло также и нѣсколько надгробныхъ памятниковъ II-го вѣка.

Данныя о религіи Херсонеса въ V-мъ—II-мъ вв. до Р. Х. очень скудны. Въ циклѣ религіозныхъ вѣрованій на первомъ мѣстѣ стоитъ древній культъ Дѣвы, о которомъ выше говорено. Надпись (II-го в.) упоминаетъ между прочимъ о посвященіи, сдѣланномъ Дѣвѣ нѣкимъ Диліемъ, сыномъ Аполлы, въ силу сновидѣнія.

Религія.

Кромѣ того, въ Херсонесѣ почитали Аѣину-Палладу, богиню битвъ и войны, какъ о томъ свидѣтельствуеетъ надпись IV-го вѣка, высѣченная на пьедесталѣ статуи, посвященной Аѣинѣ-Спасительницѣ и изваянной художникомъ Поликратомъ. Особый интересъ здѣсь представляетъ, говорить Латышевъ, имя художника Поликрата, такъ какъ возможно, что это именно тотъ художникъ, о которомъ Плиній Старшій упоминаетъ, какъ объ особенно искусномъ ваятелѣ.

Существовалъ, повидимому, и культъ Геракла, дорійскаго героя, у котораго былъ свой храмъ и свои верховные жрецы, носившіе золотые вѣнцы. Культъ Артемиды и Геракла приписываются профессоромъ фонъ-Штерномъ многія сокращенныя надписи на сосудахъ, такъ называемые граффиты. По его словамъ, культъ Геракла въ дорической колоніи является особенно умѣстнымъ и вѣроятнымъ. Вѣроятнымъ — да, замѣчаетъ, однако, С. А. Жебелевъ, но не несомнѣннымъ, ибо опредѣленныхъ свидѣтельствъ въ доказательство существованія культа Геракла въ Херсонесѣ профессоръ Штернъ не приводитъ.

Встрѣчается также упоминаніе о культѣ Діониса, бога, дарующаго вино; надпись (II-го в.) гласитъ о возобновленіи святилища этого бога иждивеніемъ гражданина Пасіада, сына Артемидора, занимавшаго обѣ должности «царя и жреца».

Упомянется также о храмѣ Афродиты, богини приморскихъ городовъ. Высѣченная на каменномъ карнизѣ дорическая надпись (II-го в.) гласитъ о пожертвованіи, сдѣланномъ этому храму Авреліемъ Ермократомъ, сыномъ Тимоѳея (усыновленнымъ Мирномъ), изъ расходныхъ суммъ агораноміи, въ количествѣ 3.000 динаріевъ. Камень съ этой надписью употребленъ былъ впоследствии, въ качествѣ матеріала при постройкѣ христіанской базилики. Отъ того же храма Афродиты найдены обломки многихъ мраморныхъ колоннъ съ начертанными на нихъ именами гражданъ, пожертвовавшихъ средства на сооруженіе этихъ колоннъ. Впоследствии названныя колонны точно также употреблены были въ дѣло при постройкѣ христіанской базилики. Изъ надписей на колоннахъ мы узнаемъ, на примѣръ, что Діоскуридъ, сынъ Діоскурида, и Хризъ, сынъ Фарнака пожертвовали на колонны каждый по 500 динаріевъ; Аврелій, сынъ Приска — 300 динаріевъ. Въ числѣ другихъ жертвователей значатся Маркіанъ, сынъ Гая изъ Гераклеи, Валеріанъ и др.

Кромѣ того, въ Херсонесѣ почитались боги изъ серіи божествъ Понтійской Гераклеи. Таковы: Зевсъ и дорійскіе боги Аполлонъ и Асклепій, съ дочерью Гигіей. Всѣ они имѣли свои храмы въ Херсонесѣ и свои блестящія празднества. Наконецъ, въ Херсонесѣ находился вблизи акрополя гротъ, посвященный культу нимфъ.

Торговля. Въ Херсонесѣ, вскорѣ же послѣ его основанія, широко развилась пересыльная торговля, въ особенности торговля хлѣбомъ. Мы уже сказали, что для защиты этой торговли хер-

сонесцы учредили рядъ укрѣпленій и самое дѣло торговли хлѣбомъ подчинили специальной охранѣ городскихъ властей и наблюденію особыхъ чиновниковъ по торговымъ дѣламъ. Взамѣнъ экспортируемыхъ сырыхъ продуктовъ, аѳиняне доставляли въ Крымъ вино, масло, предметы убранства и роскоши, какъ о томъ сказано ниже. Для аѳинскаго производства колоніи Чернаго моря представляли обширный и богатый рынокъ. Для защиты своихъ купеческихъ кораблей у херсонесцевъ былъ особый военный флотъ.

О плодородіи херсонесской области и ея «равнинъ» и о богатыхъ торговыхъ сношеніяхъ города можно судить по указанію Страбона на то, что босфорскій царь Левконъ I-ый выслалъ изъ Θεодосіи 2.100.000 медимновъ хлѣба въ Аѳины. Страбонъ говоритъ, что весь Крымъ вообще былъ очень богатъ хлѣбомъ: земля, вспаханная любымъ пахаремъ, даетъ урожай самъ-тридцать.

Въ ту пору, говоритъ профессоръ Кулаковскій, когда аѳинскіе граждане стекались смотрѣть трагедіи, въ которыхъ выступали Ифигенія и Орестъ, давно уже была разоблачена тайна далекаго «негостепріимнаго» моря: оно носило имя Евксинскаго (т.-е. гостепріимнаго) Понта и съ его побережьемъ шель живой торговый обмѣнъ. Аттика получала отъ урожаевъ Крымскаго полуострова половину хлѣба, нужнаго ей для прокормленія своего многочисленнаго населенія. Прочно установившійся къ тому времени торговый обмѣнъ съ Аѳинами и другими городами оставилъ намъ богатое наслѣдіе.

У писателя IV-го вѣка Теофраста (372—287) сохранилось, между прочимъ, любопытное указаніе на какія-то разводимыя въ Херсонесѣ сладкія луковицы, которыя съѣдались въ сыромъ видѣ.

Торговля херсонесцевъ достигала даже до очень отдаленныхъ странъ. Такъ, по хронологическому исчисленію Скадовскаго, греческіе торговцы съ береговъ Чернаго моря проникли около 400 года до Р. Х. по Днѣпру до Пруссіи, гдѣ познакомились съ янтаремъ, представлявшимъ затѣмъ предметъ торговли первостепенной важности.

О торговыхъ сношеніяхъ свидѣтельствуютъ и монеты разныхъ греческихъ городовъ, найденныя въ развалинахъ Херсонеса, но вообще такихъ монетъ найдено весьма немного. Это обстоятельство вызываетъ удивленіе изслѣдователей, такъ какъ мѣстонахожденіе Херсонеса, на пути къ Босфору, и

удобство его стоянки для судовъ представляли, по замѣчанію Бурачкова, особенныя выгоды для иноземной торговли. По сообщенію К. К. Косцюшко-Валюжинича, при раскопкахъ особенно часто попадаются монеты Пантикапей, Θεодосіи, Гераклеи, Амиза (въ Каппадокіи), Синопа, Кесаріи (кавказской). Затѣмъ встрѣчаются иногда монеты острововъ Эазоса и Родоса, Ольвіи (рѣдко), Тиры, Томи, Керкинта, Фанагоріи, Агриппіи, Галатіи, Амастріи, Тарента, Діоскуріи, Магнезій, Никоніи, Матапонта, Истріи, Эгіп. Маронеи, Ти, Бизантія (будущей Византіи), Одиссы и Неаполиса-Македонскаго.

Художества.

Искусства и художества развивались въ Херсонесѣ сначала въ полномъ подчиненіи аѳинскому вліянію. Изъ Аѳинъ привозились сюда керамическія издѣлія, образчики конхъ, въ видѣ фрагментовъ роскошныхъ расписныхъ вазъ (отъ VI до III вв.), найдены при раскопкахъ Херсонеса. Но съ III-го вѣка аѳинское вліяніе начинаетъ падать. Взамѣнъ того Херсонесъ входитъ въ ближайшую связь съ малоазіатскими городами, откуда присылаются вазы, золотыя издѣлія и терракоты. Во II-мъ же вѣкѣ связь съ малоазіатскими греками и съ самой Греціей ослабѣваетъ и въ Херсонесѣ начинаетъ преобладать родосское вліяніе, какъ о томъ свидѣтельствуеетъ мелкая свинцовая размѣнная монета и штемпеля амфорныхъ ручекъ.

О художественномъ развитіи города въ III-мъ вѣкѣ свидѣтельствуеетъ найденная при раскопкахъ 1888 года мастерская гончарныхъ и художественныхъ издѣлій. Жилище гончара, на берегу моря, было раздѣлено на два отдѣленія, окруженныя отштукатуренными стѣнами; въ одномъ находилась гончарня, съ отлично сохранившейся печью, въ другомъ—складъ моделей изъ терракоты, въ которыхъ древніе лѣщники оттискивали свои статуэтки. Между ними были большіе медальоны съ мнѳологическими группами прекраснаго стиля, модели масокъ Сатира, Пана, Аполлона, Діониса; прекрасныя женскія головки и грубые идолы; также крышечки разрисованныхъ чашекъ и нныя подѣлки. Первоначальныя сюжеты этихъ фигурокъ происходили, по мнѣнію профессора Малмберга, съ эллинскаго востока, «если не изъ самаго Пергама, то изъ Малой Азіи». Нѣкоторыя изъ этихъ издѣлій отличаются высокой степенью художественности. Херсонесскій гончаръ, безъ сомнѣнія, пользовался оттисками барельефовъ и масокъ для декоративныхъ цѣлей, украшая ими сосуды и

другіе предметы изъ глины. Издѣлія эти, говоритъ изслѣдователь, поддерживали живыя сношенія съ эллинскимъ востокомъ.

Къ III-му (или IV-му) вѣку относится открытая въ 1899 году замѣчательная по своему богатству могила, заслуживающая подробнаго описанія. Недалеко отъ городскихъ въѣздныхъ воротъ, снаружи, у городской стѣны, членъ Императорской археологической комиссіи, Карлъ Казиміровичъ Косцюшко-Валюжиничъ обнаружилъ отвѣсно приставленную къ стѣнѣ толстую плиту, низъ которой былъ впущенъ въ вырубленное въ скалѣ углубленіе, какъ обыкновенно встрѣчается у входа въ катакомбы. Цоколь стѣны и проходившая отъ воротъ дорога совершенно скрывали этотъ затворъ. Плита была прижата большими камнями и замазана глиной, окрашенной охрой. По удаленіи плиты, обнаружился узкій корридоръ подъ оборонительную стѣну. Въ этомъ проходѣ были жженыя кости и надъ ними массивный золотой перстень и нѣсколько золотыхъ бляшекъ, разныя терракотовыя украшенія и остатки костяного ларца. У входа въ богатый семейный склепъ были сложены останки трупа, сожженнаго, вѣроятно, тутъ же, впереди входа.

Внутри корридора стояли 6 урнъ, 3 терракотовыя и 3 бронзовыя.

Первая глиняная, чернолаковая урна была закрыта массивной свинцовой крышкой. Внутри урны были жженыя кости и нижеслѣдующія золотыя украшенія: ожерелье, высокохудожественной работы и превосходной сохранности, заканчивающееся львиной головкой съ кольцомъ въ раскрытой пасти; къ концамъ прикрѣплена пряжка въ видѣ узла, ажурной работы, усыпанная сканными листиками, розетками, пальметками и зернью; посреди ея изображенъ играющій на лирѣ крылатый геній. Далѣе,—пара серегъ, снабженныхъ массивными львиными головками, и два массивныхъ перстня; на щиткѣ одного изъ нихъ вырѣзана Аѳина и Ника.

Въ другихъ глиняныхъ урнахъ найдены жженыя кости и золотой перстень, на щиткѣ коего награвированъ лукъ и палица.

Подлѣ этихъ урнъ лежали: глиняная чашечка и глиняная статуэтка со слѣдами розовой окраски, изображающая крылатаго генія.

Далѣе лежала распавшаяся бронзовая гидрія со свинцо-

вой крышкой. На верхней ее части наколотая греческая надпись гласитъ: «Призь съ праздника Анакій» (Анакіонъ—извѣстное святилище, посвященное Діоскурамъ въ Аѳинахъ). На днѣ этой урны, кромѣ жженныхъ костей, оказались нѣсколько золотыхъ штампованныхъ бляшекъ съ разными изображеніями, массивный золотой перстень, золотое ожерелье, украшенное незабудками и 64 трехгранными подвѣсками. Далѣе: второе золотое ожерелье съ львиной головкой и пряжкой въ формѣ узла, украшенной зернью. Наконецъ, пара золотыхъ ушныхъ подвѣсокъ, сходныхъ съ знаменитыми подвѣсками изъ кургана Куль-Оба (близъ Керчи), но превосходящихъ ихъ необычайной тонкостью работы и сложностью сюжета. Сверху помѣщены роскошныя лиліи, украшенныя сканью и филигранью; ниже—прелестныя ажурныя пальметки и миниатюрныя незабудки. Посерединѣ—деревья съ цвѣтами. Подъ ними женщина съ лирой и колесница съ четырьмя скачущими лошадьми, которыми управляетъ крылатая Ника. Ниже опять незабудки и миниатюрныя прыгающіе барашки. Къ низу же предмета прикрѣпленъ двойной рядъ амфорокъ, украшенныхъ зернью и листками.

Кромѣ золотыхъ, были здѣсь и серебряные предметы, а именно: 2 массивные браслета съ золотыми бараными головками и перстень, съ сильно выпуклой, художественно исполненной головой Афродиты, у которой колѣбнопреклоненныя эроты закрѣпляютъ ее серьги.

Вторая бронзовая урна содержала однѣ только жженныя кости.

Описанная замѣчательная находка свидѣтельствуетъ о той степени процвѣтанія, которой достигъ Херсонесъ въ IV-мъ или III-мъ вѣкѣ до Р. Х.; свидѣтельствуетъ она и о богатствѣ, и о художественномъ вкусѣ обитателей этого города.

Можно себѣ вообразить картину привоза въ Херсонесъ этой драгоценной урны, приза анакійскихъ празднествъ...

Представители Херсонеса давно уже уплыли въ Аѳины на эти торжества. Въ Грецію отправился цвѣтъ херсонесской молодежи, люди, искусившіеся въ атлетическихъ играхъ. Не разъ уже эти чемпионы выигрывали призы какъ въ самомъ Херсонесѣ, такъ и на празднествахъ въ сосѣднихъ колоніяхъ, Θεодосіи, Пантикапеѣ. Переплывали они и черезъ море, и имена ихъ небезызвѣстны были и въ родственной Гераклеѣ. Но теперь предстояло другое, несравненно труднѣйшее испы-

таніе. Въ Аѣннахъ открывалось состязаніе не съ своимъ братомъ, обитателемъ береговъ Понта, а съ гимнастами всей Греціи. Въ столицу Аттики стекались знаменитости со всей Эллады, Малой Азіи и изъ далекихъ италійскихъ колоній, словомъ, весь цивилизованный міръ пріѣзжалъ состязаться на этихъ знаменитыхъ игрищахъ. На программѣ значатся: ристанія колесницъ, скачки, борьба, метаніе колець, стрѣльба изъ лука... Много ли было надеждъ обитателю далекой Тавриды на какой-либо успѣхъ въ соревнованіи съ первоклассными борцами греческаго міра?

И вотъ... уже давно ждуть въ Херсонесѣ возвращенія депутатовъ, посланныхъ въ Аѣнны. Не разъ, обманутые случайнымъ парусомъ, жители выбѣгали на пристань, и родственники съ волненіемъ вглядывались въ еле замѣтные на горизонтѣ моря силуэты кораблей, въ надеждѣ распознать знакомую трирему. Но это было все не то. Одинъ парусъ оказывался торговымъ кораблемъ съ острова Фазоса или Родоса, нагруженный большими амфорами вина, другой корабль проплывалъ мимо, направляясь на Феоносию, третій—гераклейское судно, съ обычнымъ постояннымъ обмѣномъ сношеній между противоположными берегами Понта... Но, наконецъ, желанный день насталъ. Дуетъ попутный вѣтеръ и, одинъ за другимъ, появляются корабли, возвращающіеся изъ Аѣинъ. Уже издали глаза херсонесца могутъ различить предвѣстниковъ благоприятныхъ новостей. Мачты главнаго судна увѣнчаны вѣнками и яркими вымпелами. Съ высокой палубы машутъ плащами.

Но дѣло причаливанія къ порту требуетъ времени. Медленно подвигается корабль. Паруса уже спущены и нетерпѣливымъ гражданамъ кажется, что судно еле подвигается впередъ на веслахъ... И вотъ оно у пристани. Раздаются восторженные возгласы и херсонесцы узнаютъ къ своей гордости, что такой-то удостоился торжественнаго провозглашенія своего имени послѣ праздника, а другой выигралъ на бѣгахъ призъ: большую позолоченную великолѣпную бронзовую гидрію, работу извѣстнаго аѣинскаго художника! Съ какимъ торжествомъ вносится эта урна въ городъ. Какая встрѣча его обладателю! Вотъ онъ шествуетъ ко храму Дѣвы, на акрополь, въ сопровожденіи городскихъ властей... Впереди него идутъ музыканты, съ длинными парными флейтами и бубенчиками. Голова побѣдителя обвита зеленымъ лавровымъ

вѣнкомъ. За нимъ толпятся родные, женщины, дѣти и граждане Херсонеса... Урна торжественно вносится въ храмъ богини и ставится на почетномъ мѣстѣ. Въ назиданіе потомству вырѣзается подъ нею на мраморномъ пьедесталѣ надпись, гласящая о побѣдѣ ея счастливаго обладателя...

Такъ драгоценный сосудъ и простоятъ въ храмѣ, на славу родному городу, до самой смерти добывшаго ее атлета... Тогда только урну снимутъ съ пьедестала, наполнять цѣнными предметами и опустятъ въ могилу, какъ торжественное воспоминаніе о лучшихъ дняхъ жизни покойнаго. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть сравнено съ блескомъ той минуты, когда въ Аѣинахъ провозглашено было его имя, какъ побѣдителя въ бѣгѣ, и громко произнесено было глашатаемъ названіе приславшаго побѣдителя города — Херсонеса? Не всѣ присутствующіе даже и знаютъ, гдѣ находится этотъ городъ. Для многихъ грековъ—это какая-то мало извѣстная далекая, полуварварская колонія, окруженная скивами. Теперь будутъ знать, что и въ Херсонесѣ есть граждане, достойные своей эллинской метрополіи; отнынѣ долго будутъ вспоминать имя Херсонеса! А самая награда, позолоченная гидрія съ ея знаменательной надписью, никогда не покинетъ своего хозяина. Онъ унесетъ свой призъ съ собою въ могилу и въ загробную жизнь...

Съ IV-го по I-й вв. до Р. Х. въ Херсонесѣ чеканилась автономная золотая, серебряная и мѣдная монета. Мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что Херсонесъ началъ чеканить свою монету не ранѣе III-го вѣка до Р. Х. опровергается Бурачковымъ. Золотыя и серебряныя херсонесскія монеты вообще представляютъ большую рѣдкость.

На древнѣйшихъ херсонесскихъ серебряныхъ монетахъ изображены дельфинъ и молнія, Геркулесъ и Артемида. Эти монеты, по опредѣленію Бураčkова, относятся къ началу IV-го вѣка до Р. Х. Вообще на древнихъ херсонесскихъ монетахъ изображены: Артемида (поражающая лань), Аѣина-Паллада, Аполлонъ, Гераклъ, Афродита, Гермесъ, Побѣда, а также звѣзды, войны, колесницы, луки, колчаны, стрѣлы, палицы, корабли, львы, грифы, олени, кабаны, волы, плуги и т. п. Изображенія на херсонесскихъ монетахъ дали поводъ къ разнымъ соображеніямъ. Такъ, баронъ Кене предполагалъ, что изображеніе льва, пожирающаго вола, означаетъ борьбу города Херсонеса съ таврами. Бурачковъ же объяс-

нялъ эту монету совсѣмъ иначе. По его мнѣнію, волъ— это символъ наводненія, а левъ представляетъ солнечные мѣсяцы. Изображеніе имѣло бы такимъ образомъ отношеніе къ какому-то бывшему въ Херсонесѣ наводненію.

Найдены также и свинцовыя монеты, съ изображеніемъ Гермеса, дельфина, орла. По мнѣнію Бурачкова, эти медали выпускались во время празднествъ въ честь различныхъ божествъ, почитаемыхъ въ Херсонесѣ, и приобрѣтались за плату, въ качествѣ входныхъ знаковъ.

Объ именахъ архонтовъ Херсонеса, помѣщенныхъ на его монетахъ IV-го—III-го вв., мы уже упоминали выше.

Вообще же о художественной жизни Херсонеса первыхъ временъ извѣстно мало. Нѣтъ упоминаній о херсонесскихъ поэтахъ, художникахъ, ученыхъ, писателяхъ.

Но, вопрошаетъ Шнейдервиртъ, неужели эта греческая колонія, въ теченіе 19-ти или 20-ти-вѣкового существованія, на самомъ дѣлѣ ничего другого не дѣлала, какъ вела борьбу съ варварами и, въ промежутки, занималась торговлей и промыслами? Неужели Гераклея не передала Херсонесу своей любви къ строительству, ваянію, историческимъ описаніямъ, географіи и философіи—наукамъ, которыя всѣ процвѣтали въ Гераклеѣ? Въ такомъ случаѣ херсонесцы были бы недостойны имени грековъ. Это несогласно и съ сообщеніемъ Плинія о томъ, что херсонесцы, въ чужой варварской странѣ, вѣрно и строго съ незапамятныхъ временъ оберегали греческій духъ, греческій складъ жизни, діалектъ, языкъ и находились въ постоянномъ общеніи съ греческою родною и дельфійскою національною святынею. Константинъ Порфирородный (писатель X-го вѣка) несомнѣнно черпалъ свои свѣдѣнія о Херсонесѣ, о его владѣніяхъ, дорогахъ, разстояніяхъ у херсонесскихъ исторіографовъ. Въ Херсонесѣ несомнѣнно существовало древне-дорійское строительное искусство, которое впоследствии слилось съ византійскимъ: процвѣтали картины, искусство прекрасно разрисовывать вазы, чеканить монеты. Мы читаемъ о многочисленныхъ храмахъ, молахъ, маякѣ, мощныхъ стѣнахъ, башняхъ, боевыхъ машинахъ и колесницахъ, рѣзныхъ колоннахъ, мраморныхъ плитахъ, съ надписями о заслугахъ гражданъ, дворцахъ вельможъ, изваяніи бронзовыхъ коней (взятыхъ Владиміромъ въ Кіевъ). И всѣ эти предметы творчества заказаны были обогатѣвшими и почитавшими искусство жи-

телями Херсонеса — мастерамъ, вызваннымъ изъ Греціи, а не преимущественно своимъ мѣстнымъ мастерамъ, уроженцамъ Херсонеса? Если даже постоянныя войны и борьба съ варварами, неблагоприятныя климатическія условія, рѣзкіе вѣтры и тучи не давали ей возможности такъ же свободно развиваться, какъ подъ небомъ Италіи или солнцемъ Малой Азіи, все же греческая жизнь цвѣла и въ Херсонесѣ. Да, здѣсь, на границѣ скиѣской пустыни, гдѣ не было ни мирта, ни лавроваго дерева, здѣсь, передъ глазами удивленныхъ варваровъ устраивались греческія празднества съ плясками и виномъ, праздновались Діонисіи и Парѣніи, снаряжались блестящія процессіи и съ особой любовью развивались драматическія представленія въ театрѣ. Здѣсь происходили упражненія и состязанія въ гимназіяхъ, бѣга, скачки на коняхъ и въ колесницахъ. Благодаря постояннымъ торговымъ сношеніямъ, Херсонесъ сталъ мало-по-малу единственнымъ главнымъ центромъ, откуда греческое культурное развитіе проникало въ міръ варваровъ и распространялось между ними, и въ этомъ постоянномъ соприкосновеніи съ Херсонесомъ смягчались даже нравы дикихъ и кровожадныхъ тавровъ.

ГЛАВА III.

Съ половины II вѣка до половины I вѣка до Р. Х.

Владычество Миеридата Понтійскаго.

Исторія. Походы Діофанта.

Начиная съ конца II-го вѣка положеніе Херсонеса **Исторія.** значительно ухудшается. Недавно еще достаточно могущественный, чтобы грозно вмѣшиваться въ отношенія между скивами и сарматами, Херсонесъ, говоритъ историкъ, оказался уже не въ силахъ отстаивать своими средствами свою самостоятельность отъ напора скивовъ и вынужденъ былъ искать помощи извнѣ. Враги же, наоборотъ, сплотились; скивскія племена на югѣ Россіи и въ Крыму соединились подъ властью царя Скилура, замѣчательнаго старика, имя котораго хорошо извѣстно по монетамъ и рѣзнымъ камнямъ.

Скилуръ и его многочисленные сыновья соорудили рядъ укрѣпленій, какъ-то Хавзи (Хабонъ, Хавонъ), подлѣ Инкермана; Палакionъ, о которомъ говорено выше, по имени Палака, старшаго сына Скилура, и Неаполисъ (возлѣ Симферополя). Флотъ херсонесцевъ къ этому времени до того ослабѣлъ, что не въ состояніи былъ бороться съ таврами-пиратами, которые завладѣли гаванью Символовъ и раззоряли окрестности Херсонеса своими набѣгами. Войско Херсонеса также совершенно разстроилось. Укрѣпленія города мало устрашали скивовъ, а граждане не могли сдѣлать ничего другаго, какъ укрываться за своими стѣнами, такъ что къ концу II-го вѣка эти дорійскіе дегенераты, какъ называетъ ихъ историкъ, потеряли всѣ свои прежнія владѣнія и за стѣною начиналась для нихъ тотчасъ же неизвѣстная пустыня.

Намъ неясны, говорить Ю. А. Кулаковскій, причины, вызвавшія завоевательныя стремленія скивовъ, но извѣстенъ самый фактъ. Послѣ смерти царя Скилура осталось множество сыновей, которыхъ иные историки насчитываютъ 50, а другіе 80. Палакъ наслѣдовалъ царскій титулъ и тотчасъ же наложилъ на греческія колоніи такую тяжелую дань, что херсонесцы отказались ее платить. Тогда Палакъ завоевалъ поселенія Херсонеса на западномъ берегу Крыма и осадилъ самый городъ. Положеніе херсонесцевъ стало критическимъ. Надѣяться на помощь отъ сосѣдняго босфорскаго царя, Перисада (III-го, IV-го или V-го), было невозможно, такъ какъ его дѣла также были плохи и онъ самъ тщетно силился отдѣлаться отъ наложенной на него Палакомъ усиленной дани. Насталъ послѣдній часъ самостоятельности Херсонеса.

Выбирая изъ двухъ золъ меньшее, херсонесцы и босфоряне рѣшили въ 111 году до Р. X. (а по другимъ свѣдѣніямъ въ 115 г.) обратиться за помощью къ могущественному царю понтійскому Миѳридату (Миѳрадъ, Митридатъ) VI-му, Евпатору, котораго Гераклея уже признала своимъ царемъ. Посланники Херсонеса и Пантикапей предлагали Миѳридату точно также подчиниться ему, если царь защититъ ихъ города отъ скивовъ. Миѳрадъ воспользоваться случаемъ распространить свою власть на Крымскій полуостровъ и охотно принялъ предложеніе пословъ.

Діофантъ. Военачальникъ Миѳрата, Діофантъ, сынъ синопейца Асклатодора, далъ царю совѣтъ немедленно же установить въ Херсонесѣ протекторатъ Понта и послать туда войско. Миѳрадъ такъ и сдѣлалъ, а командованіе отрядомъ поручилъ самому Діофанту, который пользовался извѣстностью опытнаго полководца и писателя. Діофантъ набралъ войско и, посадивъ его на корабли, переплылъ море.

И опять можно себѣ нарисовать въ воображеніи знакомую картину херсонесцевъ, толпящихся на морскомъ берегу, въ ожиданіи вѣстей съ моря. Но на этотъ разъ уже нѣтъ того безмятежнаго ожиданія, какъ въ ту цвѣтущую эпоху города, когда возвращались въ Херсонесъ побѣдители съ аѳинскихъ празднествъ. Теперь поставленъ вопросъ о жизни или смерти города и на всѣхъ лицахъ—страхъ и томленіе... увѣнчается ли посольство успѣхомъ? Вышлетъ ли могущественный царь Понта вспомогательный отрядъ? А между тѣмъ съ суши надвигается гроза, и Херсонесу предстоитъ неминуемая гибель.

Горожанамъ хорошо извѣстно, съ какимъ варварствомъ скиѣи разорили захваченныя ими греческія поселенія. Сцены ужаса совершались на глазахъ у всѣхъ. Огонь, кровь или рабство и позоръ, вотъ что ожидаетъ херсонесцевъ, ихъ женъ и дѣтей! Защищаться своими силами немисливо. Положимъ, городъ продержится нѣсколько времени, но силы Херсонеса уже истощились, а къ Палаку ежедневно прибываютъ съ сѣвера все новыя и новыя полчища разныхъ скиѣскихъ племенъ. Стѣны Херсонеса сильны, конечно, но противъ напора безчисленнаго множества варваровъ никакія укрѣпленія не помогутъ. Городу угрожаетъ полный разгромъ и дикое раззореніе... И вотъ, херсонесцы въ тревогѣ толпятся на пристани и взлѣзаютъ на сторожевыя башни. Со страхомъ тѣсняются здѣсь женщины и дѣти. Онѣ принесли покаянное жертвоприношеніе на алтаряхъ боговъ и Дѣвы и теперь спѣшаютъ къ морю узнать, не присылаетъ ли имъ богиня спасительные корабли Миеридата?

Наконецъ, съ вышекъ башенъ усмотрѣнъ на горизонтѣ парусъ, затѣмъ второй, третій, появляется цѣлая флотилія. Значить удалось посольство! Боги вняли мольбамъ горожанъ! Всѣ сердца преисполнены надежды, благодарности и счастья. Корабли приближаются и причаливаютъ къ берегу. Высаживаются боевыя понтійскія войска и во главѣ ихъ, сопутствуемый херсонесскими послами, выступаетъ самъ Діофантъ, знаменитый полководецъ, одного имени котораго достаточно, чтобы вселить въ херсонесцахъ увѣренность въ спасеніи города и побѣдѣ. Городскія власти приготовили Діофанту торжественную встрѣчу и войско Миеридата, при кликахъ всего населенія, вступаетъ въ городъ Херсонесъ!..

Однако, борьба со скиѣями потребовала большихъ усилій, и Діофанту пришлось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, три раза переправляться черезъ море въ Херсонесъ, чтобы воевать съ варварами.

Въ 111 г. (110) Діофантъ прибылъ въ Херсонесъ весною или лѣтомъ и засталъ городъ тѣсно осажденнымъ скиѣями съ сѣвера и востока. Вмѣстѣ съ Діофантомъ прибылъ и другой полководецъ, Неоптолемъ. Діофантъ немедленно же ободрилъ жителей и неустрашимо переправился черезъ севастопольскую бухту, съ войскомъ, которое историки исчисляють въ 60.000 человекъ. Здѣсь онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ царемъ Палакомъ и его 50-ти-тысячнымъ войскомъ. (Бурачковъ полагалъ, что мѣсто сраженія находилось

**Первый
походъ.**

*

у нынѣшней Евпаторіи). Діофантъ совершенно разбилъ Палака и затѣмъ, наwerbовавъ добавочное войско изъ молодыхъ гражданъ Херсонеса, отправился походомъ вглубь страны скивовъ и взялъ приступомъ скивскія крѣпости Хавзи и Неаполь.

Послѣдствіемъ этихъ побѣдъ было удаленіе скивовъ въ степь и постепенное полное подчиненіе тавровъ, обитавшихъ въ окрестностяхъ Херсонеса, власти Миеридата. Но все это далось не легко. Діофанту пришлось имѣть дѣло съ вѣроломнымъ непріателемъ, прибѣгавшимъ ко всевозможнымъ кознямъ и ухищреніямъ. Покореніе тавровъ заставило предпринять рядъ походовъ въ теченіе свыше года. Потребовалось также построить для умиротворенія края и наблюденія за варварами крѣпость, которую Діофантъ назвалъ Евпаторіонъ, по прозвищу царя Миеридата. Новое укрѣпленіе расположено было приблизительно въ 15 стадіяхъ отъ Херсонеса, близъ соляного озера и сооруженій для добыванія соли. Предполагается, что это было на мѣстѣ нынѣшняго Павловскаго мыса въ Корабельной севастопольской бухтѣ, гдѣ расположенъ былъ фортъ Константинъ.

Однако, скивы скоро вернулись, окружили Евпаторіонъ и осадили въ немъ Діофанта. Для обезпеченія своего тыла послѣдній совершилъ замѣчательное сооруженіе, а именно: онъ установилъ прямое сообщеніе между Евпаторіономъ и Херсонесомъ. По описанію Страбона: «на разстояніи около 15 стадій отъ стѣны херсонесцевъ есть мысъ, образующій довольно большой заливъ, направляющійся къ городу. Выше него лежитъ морское болото съ солеварней. Здѣсь былъ и портъ Ктенунтъ. Для того, чтобы бороться со скивами, царскіе воеводы, во время осады, поставили на упомянутомъ мысѣ гарнизонъ, оградивъ это мѣсто стѣной, и засыпали входъ въ заливъ до самаго города, такъ что можно было безъ затрудненій переправляться сухимъ путемъ, и изъ двухъ городовъ сдѣлался какъ-бы одинъ. Съ этихъ поръ они легче отражали скивовъ». Это заставило скивовъ снять осаду Евпаторіона. Но тогда Палакъ бросился на другую сторону и началъ приступъ длинной стѣны, заграждавшей перешеекъ между гаванями Символовъ и Ктенунтомъ. Хотя стѣна эта и была сильно укрѣплена, но все же она представляла самое опасное мѣсто для Діофанта и херсонесцевъ, такъ какъ по своему протяженію требовала большого войска для своей защиты. Скивы пытались завалить ровъ передъ стѣной дере-

вомъ и тростникомъ, черезъ который имъ можно было бы влѣзть на стѣну. Но Діофанту удалось ночью зажечь это дерево и уничтожить скиѣскіе завалы. Весь ровъ, описываетъ одинъ историкъ, запылалъ большимъ костромъ. Пламя освѣтило среди темной ночи городъ Херсонесъ съ его гаванью, зданіями, фортами и башнями. Наконецъ, дѣло дошло до рѣшительной битвы. Скиѣны потерпѣли большія потери и потеряли лучшихъ полководцевъ и воиновъ. Послѣ этой битвы, большинство скиѣскихъ князей подчинилось Миѣридату и Діофантъ побѣдоносно возвратился въ Херсонесъ, откуда переправился обратно въ Малую Азію. Однако, скиѣны недолго оставались въ покоѣ. Палакъ оправился, вступилъ въ союзъ съ роксоланами и, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ братьевъ, снова напалъ на греческія владѣнія. Скиѣны отбили обратно свои крѣпости Хавѣи и Неаполь, захватили сѣверное укрѣпленіе херсонесцевъ и начали угрожать Херсонесу. Граждане снова стали умолять Миѣридата о помощи, и Миѣридатъ вторично выслалъ имъ черезъ морѣ Діофанта, съ войскомъ силою въ 6.000 гоплитовъ.

Въ 109 г. (по инымъ источникамъ въ 84 г.) Діофантъ явился въ Херсонесъ въ зимнее время, но, несмотря на это, на вербовалъ отважнѣйшихъ гражданъ Херсонеса и двинулся на осаду скиѣскихъ крѣпостей. Осада затянулась вслѣдствіе снѣжныхъ бурь и непогоды, и Діофанту пришлось оставить крѣпости и направиться въ приморскія области скиѣовъ. Здѣсь онъ отбилъ у непріателя завоеванный имъ городъ Керкинить и «Стѣны» и затѣмъ приступилъ къ осадѣ «Прекраснаго Порта». На выручку этимъ городамъ поспѣшилъ скиѣскій царь Палакъ со всѣмъ своимъ войскомъ и со скиѣскими конными полками. Съ нимъ пошло и союзное скиѣамъ племя ревксиналовъ, въ количествѣ до 50.000 человекъ, подъ начальствомъ царя Тасія, сына Скилура.

Въ войскѣ Палака была и конница, и пѣхота, вооруженная луками, копьями, мечами, шлемами, кожаными панцырями, деревянными плетеными щитами.

Діофантъ запросилъ жрецовъ объ участи битвы, и жрецы храма Дѣвы въ Херсонесѣ предзнаменовали ему побѣду. Вдохновенное этимъ покровительствомъ богини, херсонесское войско отважно бросилось на врага, который былъ разбитъ на голову. Побѣдѣ много способствовалъ и стратегическій планъ Діофанта. Вся скиѣская пѣхота была перебита и

**Второй
походъ
Діофанта.**

лишь часть всадниковъ Палака успѣла спастись бѣгствомъ. Тогда, воспользовавшись побѣдой, Діофантъ снова направился противъ крѣпостей Хавэи и Неаполя. Между тѣмъ, наступила весна, осада пошла успѣшнѣе, Діофанту удалось овладѣть этими укрѣпленіями и принудить скивовъ просить о мирѣ, послѣ чего Діофантъ возвратился въ Херсонесъ.

Большинство сыновей Скилура окончательно подчинилось Миеридату. Палакъ же и нѣкоторые другіе предпочли изгнаніе рабству и бѣжали въ Римъ просить защиты у сената.

Третій
походъ
Діофанта.

Тѣмъ временемъ Діофантъ собралъ отборную дружину, снарядилъ флотъ и выступилъ изъ Херсонеса на помощь босфорскому царю Перисаду, все царство коего было наводнено скивами. Діофантъ выгналъ скивовъ изъ Θεодосіи и Пантикапеи и затѣмъ на голову разбилъ ихъ полчища.

Въ Пантикапеѣ вспыхнуло было возстаніе противъ понтійскихъ войскъ, но Діофантъ быстро съ нимъ справился и усмирилъ бунтъ. Однако, пантикапейцы вскорѣ взбунтовались во второй разъ, подъ предводительствомъ нѣкоего скива Савмака, котораго иные историки считаютъ однимъ изъ многочисленныхъ сыновей Скилура. Этотъ Савмакъ воспитывался во дворцѣ босфорскаго царя Перисада, вѣроятно V-го, замѣчаетъ Ю. А. Кулаковскій. Царь былъ бездѣтенъ и скивы заставили его пріютить Савмака и признать его своимъ наслѣдникомъ. Теперь Савмакъ возсталъ противъ Перисада, убилъ его и самъ былъ провозглашенъ царемъ Босфора. Одновременно съ этимъ былъ составленъ въ Пантикапеѣ заговоръ противъ жизни самого Діофанта, который чуть не попался въ западню и лишь съ трудомъ успѣлъ спастись на кораблѣ, посланномъ за нимъ въ Пантикапею херсонесцами. На этомъ кораблѣ Діофантъ благополучно достигъ Херсонеса, гдѣ созвалъ жителей города, изложилъ имъ все положеніе вещей и убѣдилъ ихъ помочь ему въ борьбѣ съ Савмакомъ.

Затѣмъ, въ 107 г. (а по другимъ источникамъ въ 80 г.), Діофантъ собралъ большое войско, снарядилъ флотъ и вмѣстѣ съ вспомогательнымъ отрядомъ изъ Херсонеса, на трехъ корабляхъ (другіе читаютъ: въ трехъ послѣдовательныхъ вылазкахъ), двинулся сначала на Θεодосію, которую онъ осадилъ и взялъ, а потомъ и на столицу босфорскаго царства, Пантикапею, которая точно также была имъ взята.

Въ Пантикапеѣ Діофантъ строго наказалъ виновниковъ возстанія. Савмакъ былъ схваченъ и въ цѣпяхъ отосланъ

къ Миеридату въ Синопѣ, столицу Понта. Власть Миеридата вновь была восстановлена въ Пантикапее и онъ принялъ титулъ царя Босфора Киммерійскаго, ограничившись, относительно Херсонеса, званіемъ покровителя города. Попытка скиѣскаго царя Скилура (II-го ?) одолѣть Діофанта при помощи сѣвернаго народа роксоланъ (или ревкениаловъ) окончилась новой побѣдой Діофанта, которая, говоритъ Ю. А. Кулаковскій, надолго устранила опасность для Херсонеса со стороны скиѣовъ.

Послѣ этихъ побѣдъ, въ 106 г., состоялось торжественное возвращеніе Діофанта въ Херсонесъ, гдѣ ему устроена была величественная встрѣча. Въ это время въ Херсонесѣ праздновали праздникъ Парѣній въ честь божественной Дѣвы (Артемиды), защитницы Херсонеса, которая еще до войны предупредила Херсонесъ посредствомъ оракула объ угрожавшей ему опасности. Благодарные горожане постановили: увѣнчать Діофанта золотымъ вѣнцомъ во время торжественной праздничной процессіи и объ этомъ знакѣ благодарности херсонесцевъ «за доблесть Діофанта и его благосклонность къ народу» сдѣлать торжественное провозглашеніе во время празднества. Кромѣ того, на херсонесскомъ акрополѣ, между алтаремъ Дѣвы и «алтаремъ Херсонеса» поставлена была бронзовая статуя Діофанта въ полномъ вооруженіи; на мраморномъ же подножіи этого памятника, которое найдено при раскопкахъ 1879 года, высѣченъ былъ декретъ, увѣковѣчивающій подвиги Діофанта. Здѣсь подробно начертана исторія его походовъ, а также и услуги, оказанныя имъ городу въ видѣ содѣйствія разнымъ удачнымъ коммерческимъ посольствамъ херсонесцевъ. Все это состоялось «при царѣ Агелѣ, сынѣ Агенорина, при предсѣдателѣ эсимнатовъ Миніи, сынѣ Гераклія и при секретарѣ Дамасиклѣ, сынѣ Аванэя».

Съ той поры имя Діофанта дѣлается очень популярнымъ въ Херсонесѣ и впоследствии неоднократно встрѣчается въ разныхъ надписяхъ. Основанное же Діофантомъ укрѣпленіе Евпаторіонъ обратилось вскорѣ въ самостоятельный городъ.

Итакъ, говоритъ историкъ, варвары были отбиты; греческое имя, греческій міръ удалось оградить отъ погрома. Но сдѣлано это было дорогою цѣною. Во-первыхъ, городъ Херсонесъ и его владѣнія сильно пострадали отъ этихъ войнъ, а во-вторыхъ, прежняя независимость Босфора и Херсонеса была утрачена. Херсонесъ съ этихъ поръ подпадаетъ болѣе чѣмъ на полвѣка подъ владычество Понта и входитъ въ составъ

босфорскаго царства. Миеридатъ помѣстилъ въ Херсонесѣ понтійскій гарнизонъ и наложилъ на жителей дань, которая, по исчисленію Страбона, уплачивалась городомъ Θεодосіей «вмѣстѣ съ азіатскими мѣстечками возлѣ Синдики» въ размѣрѣ 180.000 медимновъ хлѣба и 200 талантовъ серебра.

Однако, обойтись безъ помощи Миеридата было для Херсонеса невозможно. Въ эпоху между 98 и 90 гг. до Р. Х. Миеридату самому пришлось защищать Херсонесъ и Босфоръ отъ варваровъ. По свидѣтельству Плутарха, царь предпринялъ съ этою цѣлью нѣсколько походовъ противъ разныхъ племенъ, занимавшихъ степныя пространства на побережьѣ Понта. Въ числѣ этихъ народностей Аппіанъ называетъ племена савроматовъ и бастарновъ, съ ихъ развѣтвленіями: василеями, язугами и кораллами.

Въ эту эпоху Херсонесъ упоминается, между прочимъ, въ числѣ греческихъ колоній Таврическаго полуострова, у безымяннаго автора землеописанія, обыкновенно приписываемаго Скимну Хиоскому (ок. 90 г. до Р. Х.).

Обойтись безъ посторонней помощи было невозможно, а все же греческія колоніи Крыма не скоро помирились съ чужеземнымъ игомъ. Уже въ 84—83 гг. Колхисъ и города Босфора, въ томъ числѣ, вѣроятно, и Херсонесъ, возстали и Миеридату пришлось лично усмирять ихъ. Послѣ этого Миеридатъ присоединилъ Херсонесъ къ босфорскому царству и въ 80 г. назначилъ туда царемъ сына своего Махара.

Въ 72 г. херсонесцамъ пришлось воевать съ римлянами. Въ самый разгаръ борьбы Рима съ Миеридатомъ римскія войска, подъ предводительствомъ проконсула М. Аврелія Котты, осадили понтійскіе города: Гераклею, Синопь и Амизъ. Гераклея терпѣла страшную нужду и нѣсколько разъ посылала за помощью къ своимъ колоніямъ. На этотъ призывъ откликнулся Херсонесъ и выслалъ Гераклеѣ войска и съѣстные припасы. Однако, отстоять независимость Гераклеи не удалось. Городу пришлось сдаться (70 г.). Котта вступилъ въ Гераклею, совершенно разграбилъ и сжегъ ее. Босфорскій царь Махаръ вынужденъ былъ искать дружбы у другого римскаго главнокомандующаго, извѣстнаго Лукулла, которому царь послалъ даже золотую корону. Гераклея же никогда уже не оправилась отъ погрома. Торговля ея перешла къ ея колоніямъ, въ томъ числѣ и къ Херсонесу.

Нѣсколько лѣтъ спустя (въ 66 г.) Помпей, смѣнившій

Лукулла по командованію римскими войсками, нанесъ Миеридату рѣшительное пораженіе у рѣчки Ликуса. Миеридатъ, по разсказу Аппіана, бѣжалъ черезъ Черное море въ свои владѣнія, гдѣ задумалъ, по словамъ историка, совершить «безумное дѣло, сухимъ путемъ пробраться въ Италію и напасть на Римъ». Но сынъ его, Махаръ, отказался помогать отцу и въ 65 г., съ помощью римлянъ, провозгласилъ себя самостоятельнымъ царемъ въ Босфорѣ и Херсонесѣ. Миеридатъ вступилъ въ борьбу съ Махаромъ, разбилъ его и принудилъ Махара спастись въ Херсонесѣ. За нимъ послана была Миеридатомъ погоня. Тогда Махаръ, по словамъ историка, сжегъ въ Херсонесѣ свои галеры, «чтобы тѣмъ лишить своего отца возможности за нимъ слѣдовать»¹⁾. Миеридатъ соорудилъ новыя суда, и Махаръ, въ отчаяніи, покончилъ жизнь въ Херсонесѣ самоубійствомъ.

Между тѣмъ, въ крымскихъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Херсонесѣ, вспыхнуло противъ понтійскаго владычества возстаніе подъ предводительствомъ Фарнака, незаконнаго сына Миеридата, и римляне поспѣшили признать Фарнака босфорскимъ царемъ. Измѣна эта крайне огорчила престарѣлаго Миеридата, который вслѣдъ затѣмъ и лишилъ себя жизни въ Пантикапеѣ, при извѣстной трагической обстановкѣ (63 г.). Тогда Помпей окончательно отдалъ босфорское царство Фарнаку, за которымъ оставилъ это царство и Цезарь. Херсонесъ же сдался римлянамъ. Римское войско заняло городъ и возстановило его независимость.

Около 50 г. до Р. Х. произошло взятіе греческаго города Ольвіи гетскими полчищами и совершенный разгромъ этой колоніи. Жители Ольвіи разбѣжались по другимъ греческимъ городамъ, и между прочимъ спаслись въ Херсонесъ. Но въ Херсонесѣ ольвіополиты оставались не особенно долго. Ихъ впоследствіи вызвали обратно, при отстроеніи города Ольвіи вновь.

При раскопкахъ въ Херсонесѣ попадаются монеты Миеридата Евпатора. Въ самомъ городѣ въ это время чеканилась своя мѣдная монета, очень схожая съ понтійскими тетрадрахмами Миеридата. На бронзовыхъ монетахъ Херсонеса этого времени встрѣчается изображеніе Артемиды со звѣздой и луны со звѣздой. Исслѣдователи называютъ эти эмблемы гербомъ Ахеменидовъ.

¹⁾ Эпизодъ этотъ не совсѣмъ понятенъ.

ГЛАВА IV.

Отъ половины I в. до Р. X. до V в. по Р. X.

Римское владычество.

Борьба съ Босфоромъ. Свобода. Неронъ. Апостоль Андрей. Веспасіанъ. Титъ. Домитіанъ. Св. Климентъ. Траянъ. Адріанъ. Антонинъ. Аристонъ. Діоклетіанъ. Святые Василій и Ефремъ. Константинъ Великій. Св. Евеерій. Св. Капитонъ. Констанцій II. Единоборство Фарнака. Θεодосій Великій. Гикія. Благоустройство Херсонеса. Окрестности города. Религія. Торговля. Управление и общественная жизнь. Время упадка Херсонеса.

Борьба
съ Босфо-
ромъ.

И такъ... римляне возстановили независимость Херсонеса. Но, замѣчаетъ историкъ, дать свободу было однимъ дѣломъ, а удержать ее—совсѣмъ другимъ. И дѣйствительно, Херсонесъ вскорѣ былъ опять завоеванъ царемъ босфорскимъ Фарнакомъ, котораго все царство, по замѣчанію изслѣдователя, въ сущности ограничивалось однимъ херсонесскимъ владѣніями. Фарнакъ недолго, однако, удержался на престолѣ. Воспользовавшись междоусобіями въ Малой Азіи, онъ возсталъ противъ римлянъ, и сначала дѣла его пошли успѣшно. Ему удалось разбить римскія войска и завладѣть Малой Арменіей и Понтомъ. Но навстрѣчу Фарнаку выступилъ Цезарь, который въ пять дней совершенно уничтожилъ босфорское войско и послалъ въ Римъ свое знаменитое извѣщеніе: *Veni, vidi, vici* (47 г.). Фарнакъ съ остатками своихъ силъ успѣлъ бѣжать обратно въ свое царство. Но здѣсь римляне вооружили противъ него его же зятя Асандра. Произошло сраженіе, окончившееся новымъ пораженіемъ и смертью Фарнака (47 или 46 г.). Тогда Цезарь назначилъ на его мѣсто царемъ Босфора—Мперидата, царя пергамскаго, который уже состоялъ на римской службѣ въ должности правителя Га-

латин. Асандръ не захотѣлъ подчиниться этому распоряженію, пошелъ походомъ на Миеридата, убилъ его въ бою и завладѣлъ престоломъ. Другіе источники говорятъ, что римляне, послѣ смерти Фарнака, отдали босфорское царство Полемону I. Во всѣхъ этихъ войнахъ принималъ близкое участіе и Херсонесъ.

Асандръ царствовалъ отъ 50 по 14 г. до Р. Х. Писатель Гипсикратъ приписываетъ именно этому царствованію постройку большого защитнаго вала, пересѣкавшаго Крымъ, и того огромнаго укрѣпленія, о сомнительности существованія котораго было сказано выше.

Мы уже видѣли, какъ неохотно выносили херсонесцы свою зависимость отъ царей Босфора. Теперь же подчиненіе становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Херсонесъ былъ спасенъ чужою помощію, «а это», замѣчаетъ Селивановъ, «всегда имѣетъ роковыя послѣдствія». Босфорскіе цари начали даже воздвигать свои статуи въ Херсонесѣ. Жители были отягощены сверхъсильными требованіями денегъ, хлѣба, кораблей и солдатъ. Стремленіе босфорскихъ царей видоизмѣнить внутренній строй города вызывало постоянныя жалобы Херсонеса въ Римъ, императору, а въ послѣдствіи римскому намѣстнику Мэзіи.

Въ развалинахъ Херсонеса найдена всего одна только римская монета этой эпохи, а именно: мѣдная монета императора Августа (29 г. до Р. Х. — 14 г. по Р. Х.). Къ тому же времени относится и мѣдная монета малоазіатской области Галатіи.

Жалобы херсонесцевъ, наконецъ, обратили на себя вниманіе римскихъ императоровъ. Уже при Юліи Цезарѣ († 44 г. до Р. Х.), а за нимъ при тріумвирѣ М. Антоніи († 30 г. до Р. Х.), римляне подняли значеніе Гераклеи и населили этотъ городъ римлянами-колонистами. вмѣстѣ съ этимъ, они, вѣроятно, озаботились и поднятіемъ значенія Херсонеса. По словамъ Муральта, херсонесцы въ благодарность Марку Антонію даже выбили монету съ его изображеніемъ. Но когда именно римляне освободили Херсонесъ отъ босфорскаго владычества не вполне выяснено. Во всякомъ случаѣ римляне взяли городъ подъ свое покровительство, поставили его подъ военную защиту управленія провинціи Мэзіи и такимъ образомъ изъ-за моря приняли на себя охрану Херсонеса отъ нападенія варваровъ.

Свобода.

Городу дана была свобода внутренняго управленія, въ немъ возстановлены были прежніе законы самоуправленія и Херсонесъ признанъ былъ «свободнымъ городомъ». Освобожденіе это Херсонесъ ознаменовалъ введеніемъ у себя новой эры. На херсонесскихъ монетахъ появляется надпись «свободный Херсонесъ» (элеѳерасъ). Портреты же римскихъ императоровъ, или имена ихъ, на этихъ монетахъ вовсе отсутствуютъ.

Однако установленіе точной даты новаго лѣтосчисленія Херсонеса остается пока спорнымъ вопросомъ. Иные историки, слѣдуя Бѣку, полагаютъ, что это происходило въ 36-мъ году до Р. Х., когда Херсонесъ воспользовался смутами, происходившими на Босфорѣ въ послѣдніе годы царствованія Асандра, и добился своей независимости. Бѣкъ полагалъ, что Асандръ въ 36-мъ году былъ признанъ римлянами царемъ Босфора, но при условіи, чтобы онъ объявилъ Херсонесъ вольнымъ городомъ. Этого же 36-го года держится и Ляскинъ, въ комментаріяхъ къ сочиненію Константина Багрянороднаго.

Но многіе историки сильно оспариваютъ эту дату. Иные говорятъ, что послѣ смерти Асандра Херсонесъ подпалъ подъ власть его преемниковъ Полемона I (37—1 гг. до Р. Х.) и послѣдующихъ царей Босфора. Другіе ученые, во главѣ коихъ стоятъ Бертье Делагардь и Латышевъ, относятъ годъ «Освобожденія» Херсонеса къ 25-му или 24-му году до Р. Х., «хотя тѣ жалкіе обломки изъ исторіи Херсонеса, которыми мы доселѣ обладаемъ, не даютъ даже и намека на причины введенія новаго лѣтосчисленія въ указанные годы». Наконецъ, называютъ 21-й годъ до Р. Х. Съ другой стороны, Шнейдервиртъ вообще оспариваетъ мнѣніе, будто бы лѣтосчисленіе Херсонеса велось отъ дня данной городу римлянами свободы. По предположенію этого ученаго, лѣтосчисленіе Херсонеса начиналось отъ времени архонта епонима.

Освобожденіе 24-го года было, однако, неокончательнымъ. Хотя римское владычество и было менѣе тягостно для Херсонеса, чѣмъ босфорское, но, какъ говоритъ М. И. Ростовцевъ, Херсонесъ сталъ называть себя свободнымъ тогда, когда его зависимость отъ Рима стала особенно интенсивной. Весьма возможно, что полученіе свободы отъ римлянъ было связано для Херсонеса съ появленіемъ въ немъ римскаго гарнизона, при обязательствѣ содержать его на свой счетъ. Херсонесъ

своего войска не имѣлъ, и вмѣсто босфорскихъ гарнизоновъ въ немъ и въ его предѣлахъ появляются римскіе легіонеры и римская эскадра. Дарованная городу свобода была свободой римской, *libertas* была условная и ограниченная. Она не освободила Херсонесъ отъ уплаты дани и подарковъ и отправленія многихъ службъ и повинностей.

Рядомъ съ этимъ имѣются свидѣтельства, противорѣчащія факту полнаго освобожденія Херсонеса отъ Босфора. Такъ Страбонъ засталъ (около 20-го года по Р. Х.) Херсонесъ подъ властью босфорскихъ царей, «которыхъ назначаютъ римляне». Это «странное» сообщеніе Страбона впослѣдствіи сбилось, замѣчаетъ Ляскинъ, историкомъ, начиная съ Константина Багрянороднаго, который говоритъ, что Херсонесъ въ древности никогда не состоялъ въ числѣ оемъ или на степени метрополій, но владѣтели Босфора господствовали надъ самимъ Херсонесомъ и другими климатами (областями). Приведенныя слова Страбона слѣдуетъ, по мнѣнію Ляскина, понимать, какъ это объяснилъ Момзенъ, т.-е., что Херсонесъ получилъ отъ римлянъ автономію и видѣлъ въ царствѣ босфорскомъ лишь ближайшаго защитника, а не леннаго владѣтеля. Подтверженіемъ такого взгляда служить надпись, относящаяся, повидимому, къ 14—8 гг. до Р. Х., гдѣ говорится о заключеніи херсонесцами союза противъ враговъ (т.-е. договора о помощи, замѣчаетъ историкъ) съ босфорскимъ царемъ Полемономъ I. Той же эпохѣ принадлежитъ найденный въ Херсонесѣ отрывокъ надписи, посвященной босфорскому царю Аспургу, получившему царскій титулъ отъ Тиверія въ 14—15 гг. по Р. Х.

Иные историки полагаютъ, что ко времени между 36 и 16 гг. до Р. Х. слѣдуетъ отнести извѣстный рассказъ императора Константина Порфиророднаго о спасеніи города Херсонеса Гикіей, дочерью Ламаха, хотя Константинъ относитъ это событіе къ 380 г. по Р. Х. Оно подробно рассказано ниже.

Наконецъ, по предположенію А. Л. Бертье Делагардь, освобожденіе Херсонеса произошло позднѣе. А именно, городъ съумѣлъ воспользоваться замѣшательствами, происходившими на Босфорѣ передъ воцареніемъ Котиса I (45—62), чтобы окончательно сбросить съ себя босфорскую зависимость. Константинъ Багрянородный приводитъ свидѣтельство писателя II-го вѣка, Флегона Траллійскаго, о томъ, что Юліи

Цезарь далъ Котису босфорскій престолъ и подчинилъ ему сосѣдніе города, въ томъ числѣ и Херсонесъ. Затѣмъ, съ согласія Котиса или безъ него, Херсонесъ добился свободы, не «призрачной римской», говоритъ историкъ, а такой, которая давала ему возможность чеканить даже золотые статеры безъ портрета или имени императора (такіе статеры извѣстны, начиная отъ 49 г. по Р. Х.). Извѣстна между прочимъ золотая монета съ надписью «правящій Херсонесъ». Возможно, что этого освобожденія Херсонесъ достигъ, хотя отчасти, силою оружія, почему на оборотѣ нѣкоторыхъ своихъ первыхъ монетъ съ годомъ изобразилъ Побѣду, что, впрочемъ, можетъ быть лишь подражаніемъ излюбленному типу монетъ городовъ Понта. Возможно, что и римляне содѣйствовали освобожденію Херсонеса. Эта «свобода», по мнѣнію Ростовцева, въ первый періодъ римской гегемоніи въ Херсонесѣ (до Адриана или Антонина) давала Херсонесу права союзнаго города, на основаніи договора.

Въ концѣ концовъ, съ полной точностью рѣшить вопросъ о времени освобожденія Херсонеса еще нельзя. Весьма возможно, замѣчаетъ Ю. А. Кулаковскій, что городъ пересталъ входить въ предѣлы босфорскаго царства лишь позднѣе, при императорѣ Веспасіанѣ.

Впрочемъ, о томъ, какъ римляне понимали «свободу» городовъ, находившихся подъ ихъ вліяніемъ, историки повѣствуютъ различно. Мы уже привели выше мнѣніе ученаго, относящагося скептически къ этой «свободѣ». Совершенно иного мнѣнія держится профессоръ фонъ-Штернъ. Греческія колоніи на югѣ Крыма, говоритъ онъ, эти крайніе пункты древней культуры, въ томъ числѣ и Херсонесъ, почти все время римской имперіи составляли самостоятельныя вассальныя государства подъ римскимъ суверенитетомъ. Херсонесъ пользовался обширными привилегіями. Правда, римскіе намѣстники иногда, при случаѣ, вмѣшивались и въ вопросъ внутренняго управленія; но въ общемъ автономія была полная и едва ли справедливо называть ее «призрачной». Римляне оказывали этимъ форпостамъ греческой цивилизаціи всякую поддержку. Отряды войска намѣстника Мэзін пребывали въ Херсонесѣ, чтобы дать понять варварамъ, что за этими греческими городами стоитъ могучая сила римскихъ легионовъ, и босфорскимъ царямъ выдавались правильныя субсидіи изъ государственной казны, чтобы они ежегодными трибутами

могли предотвращать враждебныя дѣйствія сосѣдей. Эти вассальныя государства умѣли цѣнить попеченія Рима и оставались во всё перепетіи внутреннихъ римскихъ междоусобиць вѣрными подданными.

Съ 46 по 134 гг. въ Херсонесѣ чеканилась мѣдная и золотая монета, на которой обозначался годъ херсонесской эры и первыя буквы названія города: ХЕР. На всѣхъ монетахъ имѣются и монограммы, не вполне еще объясненныя нумизматами, а на многихъ помѣщено, какъ уже было сказано, слово «свободный». Извѣстны также серебряныя монеты и рядъ мѣдныхъ безъ портрета императора, но съ изображеніемъ военныхъ мотивовъ. Эти монеты часто встрѣчаются при раскопкахъ, между тѣмъ какъ римскихъ монетъ этой эпохи почти совсѣмъ не найдено. Монеты ранняго періода имперіи попадаются лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній. Такъ, кромѣ вышеупомянутой монеты Августа, извѣстны: одна золотая монета императора Тиверія (14—37), которую нашелъ въ Херсонесѣ А. Л. Бертье Делагардь (Калигулы, 37—41, — ни одной); Клавдія (41—54)—одна мѣдная, съ портретами императора и жены его Агриппины.

Къ этой же эпохѣ относятся мѣдныя монеты босфорскихъ царей Миеридата II (41—45) и Котиса I (45—62, три экземпляра), на одной изъ коихъ изображенъ бюстъ Агриппины, жены императора Клавдія.

Неронъ (54—68).

При Неронѣ появляются первыя упоминанія о Херсонесѣ въ исторіи христіанской церкви. Церковной лѣтописи и агіографіи мы удѣляемъ особый столбецъ.

Церковная лѣтопись.

Съ воцареніемъ Нерона періодъ херсонесскаго благополучія приходитъ къ концу. Въ 62 году скиѣны и аланы опустошили весь Крымскій полуостровъ и начали тѣснить Херсонесъ. Босфорскій царь

Преданіе гласитъ, что около 62 года черезъ Херсонесъ проѣзжалъ апостоль Андрей, направляясь на сѣверъ въ страну скиѣновъ. По свидѣтельству писателя X-го вѣка, іеромонаха Епифанія, апо-

Апостоль
Андрей.

воспользовался, какъ предполагають, этимъ нападеніемъ варваровъ, чтобы съ помощью ихъ попытаться вновь овладѣть Херсонесомъ. Но на защиту города явились римляне, которые обратили босфорское царство въ вассальное государство.

Къ послѣднимъ годамъ царствованія Нерона относится надпись о воздаяніи почестей неизвѣстному «прекрасному гражданину», исполнявшему многія общественныя должности, бывшему дамiургомъ и продикомъ и отличившемуся въ посольствѣ Херсонеса къ правителю Мэзіи. По предположенію академика Латышева, этотъ правитель былъ пропреторъ Тиберій-Плавтъ-Сильванъ-Элій, который состоялъ легатомъ Мэзіи между 58 и 69 гг. Къ этому же Сильвану, по свидѣтельству другого памятника, херсонесцы обратились съ просьбою о помощи во время осады города какимъ-то скинскимъ царемъ. Оказывается, что среди варварскихъ народовъ, на сѣверъ отъ нижняго Дуная, произошли волненія и войны, угрожавшія безопасности границъ имперіи и городу Херсонесу. Но Сильванъ освободилъ Херсонесъ отъ варваровъ и доставилъ изъ Херсонеса въ Римъ значительное количество хлѣба, установивъ такимъ обра-

столь Андрей прибылъ въ Херсонесъ по пути съ кавказскаго побережья (по другимъ источникамъ, изъ Синопа) черезъ Пантикапею и Θεодосію. Въ Херсонесѣ апостоль оставался долгое время.

По словамъ сказанія о путешествіяхъ апостола Андрея, Херсонесъ, «городъ Скиѳіи», имѣлъ разнообразное населеніе по происхожденію и по роду жизни. Жители Херсонеса были люди грубые и чуждые какого бы то ни было порядка. «Худовѣрное племя—херсоняне и лжи всему вѣтру впадающее».

Изъ Херсонеса апостоль Андрей направился, какъ рассказываетъ лѣтописецъ Несторъ, моремъ и по Днѣпру до горъ кievскихъ. По предположенію историка, апостоль для этого воспользовался экспедиціей херсонесскихъ купцовъ на сѣверъ и присоединился къ ней, по другимъ же рассказамъ, апостоль въ Херсонесѣ сѣлъ на скинское судно и отплылъ въ Синопъ.

Въ одномъ апокрифическомъ сказаніи значитъ, что херсонесцы въ память посѣщенія ихъ города апостоломъ Андреемъ «сотвориша андреевъ алфавитаръ», а въ Степенной книгѣ приведено нижеслѣдующее сказаніе: святой Андрей восхотѣ изъ Херсониса шествовати въ словенскую землю и

зомъ впервые прямыя торговыя сношенія между Херсонесомъ и Римомъ. Весьма возможно, что призывъ Сильвана на помощь городу и составлялъ цѣль того удачнаго посольства, о которомъ упоминаетъ вышеприведеная надпись.

По словамъ А. Л. Бертъе Деллагарда, надпись эта указываетъ, что въ Херсонесѣ въ то время пребывали римскія власти и войско, которое положило конецъ «слишкомъ явному стремленію Херсонеса къ свободѣ». Во всякомъ случаѣ, зависимость города отъ Рима стала сильнѣе. Признаки ея появляются, между прочимъ, въ фактѣ изображенія на херсонесскихъ монетахъ портретовъ императоровъ, хотя «правда, подъ видомъ боговъ». Такъ, на золотыхъ и мѣдныхъ монетахъ Херсонеса появляется голова Аполлона, напоминающая головы императоровъ до Веспасіана (79 г.). Чеканка же съ годами херсонесской эры временно прекращается. Въ числѣ монетъ, найденныхъ при раскопкахъ, есть одна, чеканенная въ Херсонесѣ въ 67 г. Въ дѣтской же гробницѣ найдена, между прочимъ, большая бронзовая монета Нерона.

Къ борьбѣ Херсонеса съ варварами въ эту эпоху относится, можетъ быть, надгроб-

приде къ морю близъ града Херсоня и баша ту на берегу у моря камень велій, на немъ же стоя святыи Андрей, моляся Богу, и благослови море Понтское. На камени же томъ воглубленно вообразишася нозѣ святого Андрея, яко на воску, пже и донынѣ видимо есть, егда же море зыбляшеся на камень, и наливахуся воображенныя стопы святого Андрея, иногда же и отъ дождевнаго наводненія наліяхуся. И ту прихожаху мнози чловѣцы, и мазахуся тою водою, иже на камени въ стопахъ святого Андрея, и многоразличнымъ болѣзнямъ исцѣленіе получаху.

ный памятникъ приблизительно I-го вѣка по Р. Х., посвященный нѣкому Ксанѳу, сыну Лагорина, «котораго убилъ завистливый Арей въ бою за отечество».

Памятниковъ, относящихся ко времени царствованія первыхъ преемниковъ Нерона, императоровъ *Гальбы*, *Оттона* и *Вителія*, въ Херсонесѣ не найдено.

Веспасіанъ (69—79).

Къ царствованію императора Веспасіана относится надпись на подножіи статуи въ честь Секста Ветулена Цереалиса, императорскаго легата, намѣстника Мэзіи и пропретора. Въ Херсонесѣ найдены и монеты, чеканенныя въ этомъ городѣ въ 75 г.

По мнѣнію профессора Кулаковскаго, при Веспасіанѣ въ Херсонесѣ находился въ теченіе нѣкотораго времени отрядъ римской арміи; вѣроятно о немъ свидѣлствуютъ, найденные у Ай-Тодора кирпичи съ клеймами матросовъ эскадры равеннскаго флота.

Дальнѣйшее подчиненіе Херсонеса Риму подвергается постояннымъ видоизмѣненіямъ. То римскіе императоры содержатъ въ Херсонесѣ сильный гарнизонъ, и тогда городъ находится въ полной зависимости отъ Рима, то, наоборотъ, внутреннія дѣла имперіи требуютъ сосредоточенія въ ней войскъ, и изъ Херсонеса выводится римскій гарнизонъ. Тогда немедленно же появляются босфорскіе цари съ ихъ притязаніями на Херсонесъ, и римлянамъ черезъ нѣкоторое время приходится опять устанавливать въ городѣ свое значеніе.

Титъ (79—81).

При императорѣ Титѣ римская власть ослабѣваетъ. Херсонесъ пользуется вновь полной свободой и чеканитъ монеты съ годами своей эры. Въ развалинахъ найдены такія монеты: мѣдная 79 г. и золотая 80 г. по Р. Х.

Домитіанъ (81—96).

Церковная лѣтопись.

Въ теченіе царствованія Домитіана римскія войска были снова выведены изъ Херсонеса и всего сѣвернаго побережья Понта, такъ какъ присутствіе ихъ потребовалось на другихъ окраинахъ имперіи. Благодаря этому, мы встрѣчаемъ въ Херсонесѣ памятники времени Домитіана, свидѣтельствующіе съ одной стороны о владычествѣ Рима, а съ другой—о независимости Херсонеса отъ имперіи. Къ числу первыхъ относится найденная близъ Севастополя надпись на мраморномъ пьедесталѣ статуи, которую городъ поставилъ «Сексту Октавію Фронтону, легату и пропретору императора Домитіана, кесаря, бога, Августа Германскаго». Это лицо было правителемъ Мэзіи и, очевидно, оказало городу важныя услуги. Надпись относится приблизительно къ 92 г. и доказываетъ, какъ говоритъ академикъ Латышевъ, что Херсонесъ находился еще при Домитіанѣ въ полной зависимости отъ римскихъ правителей Мэзіи.

Съ другой стороны, однако, въ Херсонесѣ оживляется чеканка монетъ. Въ развалинахъ найденъ золотой статеръ, на

Въ 92 г. сослана была въ Херсонесъ Флавія Домитилла, племянница императоровъ Тита и Домитіана, принявшая христіанство отъ св. Климента. Ее до смерти (96 г.) держали въ Херсонесѣ въ заточеніи въ тяжелыхъ оковахъ.

Въ 94 г. сосланъ былъ на заточеніе въ Херсонесъ св. Климентъ, папа римскій, ученикъ апостола Петра. Иные источники, въ томъ числѣ и Дюбуа-де-Монпере, смѣшиваютъ двухъ одноименныхъ святыхъ и ошибочно говорятъ о св. Климентѣ, епископѣ Анцыры. Многіе же относятъ ссылку св. Климента къ царствованію императора Траяна.

Императоръ поставилъ на письменномъ докладѣ о томъ, что Климентъ упорствуетъ въ проповѣди христіанства, такое рѣшеніе: пусть Климентъ или принесетъ жертву отеческимъ богамъ, или удалится изъ Рима на вѣчную ссылку за море въ какой-нибудь пустынный городъ изъ прилежащихъ къ Херсонесу. Климентъ избралъ ссылку и былъ отправленъ на кораблѣ въ Херсонесъ и оттуда на мраморную каменоломню, находившуюся, по мнѣнію иныхъ,

Св. Климентъ.

коемъ Херсонесъ величаетъ себя царствующимъ городомъ, облеченнымъ царскими правами. Этотъ же титулъ встрѣчается и въ надписяхъ. Если вспомнить, говоритъ А. Л. Бертье Делагардь, что въ римское время чеканка золота, даже съ изображеніемъ императора, была дозволена въ видѣ единственнаго исключенія только въ Босфорѣ, то нельзя не придти къ выводу, что херсонесскіе статеры, на которыхъ нѣтъ даже и намековъ ни на Римъ, ни на императора, указываютъ на такую долю совершенной свободы, о которой и помыслить не смѣли города, пользовавшіеся отъ римлянъ элевѳеріей.

Въ числѣ прочихъ есть монеты съ обозначеніемъ годовъ херсонесской эры, соответствующихъ 87 и 96 гг. по Р. Х.

Къ 95 или 96 г. относятся чеканенныя въ Херсонесѣ мѣдныя монеты исключительно большихъ размѣровъ. На нихъ значится 120-й годъ херсонесской эры, изображены головы Аполлона и Артемиды и помѣщена надпись въ честь «священнаго мира». Къ этой же эпохѣ относится найденная при раскопкахъ монета босфорскаго царя Рескупориса I (71—92).

Удаленіемъ римскихъ гарнизоновъ и флота при До-

въ Инкерманѣ, въ 7-ми верстахъ отъ Херсонеса; другіе же указываютъ на мѣстность близъ Казачьей бухты и ея островокъ. Съ этого времени Херсонесъ, въ теченіе столѣтій, служилъ римскимъ и византійскимъ императорамъ вѣрнымъ и удобнымъ пунктомъ для высылки политическихъ узниковъ и людей, навлекшихъ на себя царскую ненависть или боязнь.

При отправленіи св. Климента изъ Рима, многіе христіане обрели себя на добровольное изгнаніе съ нимъ. По прибытіи же въ инкерманскія каменоломни, «святой Климентъ въ пустыню прилежащую херсунстѣмъ градѣ оземствова, здѣ паче двоятысящю хрестіанъ обрѣте многы лѣты осужены соуще». Эти 2.000 христіанъ были, по замѣчанію церковнаго историка, частью сосланные изъ Рима на каменныя работы тесанія и обработки камней для доставленія ихъ во внутренніе города имперіи, а частью туземные жители.

Св. Климентъ произвелъ много чудесъ и евангельская его проповѣдь пошла очень успѣшно: «вся люди херсонскаго острова на 300 поприщъ научи вѣрѣ Христовѣ». Преданіе указываетъ источникъ, послужившій св. Клименту для чудеснаго добытія воды.

митіанъ немедленно же воспользовались босфорскіе цари, которые, вѣроятно, вновь покорили Херсонесъ подъ свое владычество.

Не прошло года со времени его ссылки, какъ уже, по словамъ Метафраста, писателя X-го вѣка, настроилось до 75-ти христіанскихъ общинъ и церквей; «всѣ же идолы сокрушены быша и вся рощеня, глаголемая святая, за тридцать верстъ округняя искоренена и потреблена быша, и церкви идольскія раззори, ихъ же бѣше числомъ 80».

Многіе изъ инкерманскихъ храмовъ въ скалѣ и до сихъ поръ приписываются св. Клименту. Слѣдовало бы, замѣчаетъ В. Григоровичъ, искать въ пещерныхъ храмахъ этихъ показаній.

Съ этого времени начинаются въ Херсонесѣ гоненія противъ христіанъ.

Памятниковъ, относящихся ко времени царствованія премника Домитіана, императора *Нервы* (96—98), въ Херсонесѣ не найдено.

Траянъ (98—117).

Церковная лѣтопись.

Между 101 и 110 гг. въ Херсонесѣ стоялъ, по словамъ Муральта, XI-й римскій легионъ, присланный для борьбы съ сарматами.

Въ развалинахъ Херсонеса найдена золотая монета, чеканенная въ Херсонесѣ въ 107-мъ году. Также серебряная и большая бронзовая мо-

Въ 100 или 101-мъ году прибылъ въ Херсонесъ игемонъ Анфидіонъ (Анфидіанъ, Авфидіанъ), посланный императоромъ Траяномъ для прекращенія проповѣди св. Климента. Онъ предалъ многихъ христіанъ мученіямъ, а самого Климента посадилъ (25-го ноября) въ лодку и затѣмъ, при-

неты Траяна; послѣдняя—въ дѣтской гробницѣ.

вязавъ ему на шею желѣзный якорь, бросилъ его въ море, противъ берега Херсонеса. Христіане на берегу рыдали. Съ Климентомъ были и ученики его Корнилій и Фивъ. Преданіе связываетъ съ этою мученическою кончиною повѣсть о разныхъ чудесахъ. Тѣло св. Климента было въ слѣдствіи выброшено нетлѣннымъ на берегъ и торжественно перенесено въ херсонесскій храмъ во имя 12-ти Апостоловъ (по другимъ источникамъ — св. Софіи, а по третьимъ—св. Климента), гдѣ оно и покоилось до IX-го (или X-го) вѣка. Храмъ этотъ, говоритъ Кёне, вѣроятно, находился налѣво отъ большой улицы, пересѣкавшей у севастопольской гавани. Мощамъ св. Климента приписывались въ Херсонесѣ многочисленныя чудеса. Посему, замѣчаетъ древнее повѣствованіе, у херсонесцевъ нѣтъ ереси и эллинства, ибо тамъ, на память мученика, совершаются знаменія и чудеса, руководящія всѣхъ къ познанію и ясно направляющія къ истинѣ.

Преданіе говоритъ еще и о какомъ-то подводномъ храмѣ св. Климента на островѣ. Въ житіяхъ св. Меодія и Константина также говорится о «мраморной хранилѣ среди моря», гдѣ найдено было тѣло св. Климента. Храмъ этотъ

по временамъ показывался въ морѣ (при мелководьѣ?). Всѣ между нами любящіе благочестіе, говорится въ житіи св. Ефрема, жители деревень и граждане Херсонеса, приходили смотрѣть на это чудо.

Адрианъ (117—138).

Въ царствованіе императора Адриана римское войско было еще разъ отозвано съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря. Флегонъ Траллійскій рассказываетъ, что Адрианъ, уводя римское войско, подчинилъ Херсонесъ босфорскому царству, гдѣ имъ назначенъ былъ царемъ Котисъ II (129—131).

Въ 134 г. упоминается о Херсонесѣ въ отчетѣ, представленномъ императору Адриану Флавіемъ Арріаномъ, римскимъ правителемъ Каппадокіи, извѣстнымъ географомъ, совершившимъ путешествіе по Черному морю. Упоминаетъ о Херсонесѣ и другой писатель этого времени—Діонисій. Въ этомъ же 134 году, судя по надгробному памятнику, найденному въ Херсонесѣ, здѣсь еще стоялъ гарнизонъ изъ солдатъ I-й киликійской когорты, расположенной въ Нижней Мэзии. Но въ концѣ царствованія Адриана Херсонесъ пользовался уже безусловно широкой дѣйствительной свободой. Подтвержденіе такого взгляда А. Л. Бертье Делагардь усматриваетъ какъ въ эпитафическихкихъ памятникахъ, такъ и въ находкѣ въ развалинахъ города золотой монеты, чеканенной въ Херсонесѣ въ 134 г. Это послѣдній извѣстный намъ статеръ съ годомъ херсонесской эры. Найдена также и серебряная монета Адриана, а также золотая индикація современнаго царя босфорскаго, Савромата I (93—123), съ портретомъ Адриана, и мѣдныя монеты, какъ Савромата, такъ и его преемника, Котиса II (123—131). Наконецъ недавно найдена серебряная монета города Амиса съ бюстомъ императора Адриана, 130 г. по Р. X.

Антонинъ (138—161).

Свободное состояніе Херсонеса продолжается и въ началѣ царствованія императора Антонина, когда римскій гарнизонъ былъ, повидимому, совершенно выведенъ изъ Херсонеса. Послѣдствіемъ этого являются обычные переговоры съ Босфоромъ. Херсонесцы стараются заключить договоръ о союзѣ съ босфорскимъ царемъ Реметалкомъ (131—154). Для этого дважды посылаютъ къ нему посольства, увѣнчавшіяся оба раза удачей. Цѣлю перваго посольства было заключеніе съ царемъ Босфора военнаго союза противъ неизвѣстнаго врага. Если въ то время, говоритъ историкъ, Херсонесъ былъ совершенно независимъ отъ Рима, а босфорскій царь стремился освободиться отъ него, то естественно, что эти оба сосѣднія государства постарались сообща защитить свою независимость. Впрочемъ, союзъ могъ быть заключенъ и не противъ Рима, а противъ готовъ, покорившихъ аланъ и появившихся въ Крыму, на смѣну ихъ, въ срединѣ II-го вѣка.

Однако римляне своевременно вмѣшались въ это дѣло и помѣшали Херсонесу сойтись съ Босфоромъ. Послѣдствіемъ было новое полное подчиненіе Херсонеса Риму. Городъ и на этотъ разъ не сразу помирился со своимъ положеніемъ и, повидимому, дѣлалъ неоднократно попытки освободиться.

Аристонъ. Объ одной изъ такихъ попытокъ, быть можетъ, свидѣтельствуется декретъ, изданный въ честь Аристона, сына Атина, въ ознаменованіе удачнаго исполненія имъ посольствъ изъ Херсонеса въ Римъ и къ босфорскому царю Реметалку. Городъ отблагодарилъ посла высокой наградой. Ему поставили сначала бронзовый бюстъ, потомъ цѣлую статую, изваянную художникомъ Кифисодотомъ. Въ высѣченномъ на мраморномъ пьедесталѣ статуи декретъ города Херсонеса восквѣляются шестилѣтнія посольства Аристона въ Римъ «о свободѣ».

Если Аристону пришлось цѣлыхъ шесть лѣтъ хлопотать объ этой свободѣ, говоритъ академикъ Латышевъ, то можно несомнѣнно заключить, что римляне очень не желали даровать ее херсонесцамъ. Въ всякаго сомнѣнія, замѣчаетъ со своей стороны А. Л. Бертье Делагардь, что ходатайство Аристона успѣхомъ не увѣнчалось, а Аристону поставлено въ заслугу лишь то, что онъ шесть лѣтъ хлопоталъ. Очень возможно, что херсонесцы вынудили римлянъ вновь пресѣчь

ихъ стремленія къ безусловной свободѣ; во всякомъ случаѣ, заключая союзъ съ Реметалкомъ, царемъ босфорскимъ, Аристонъ являлся въ роли представителя еще независимаго Херсонеса.

За смертью Аристона посольство осталось, по всей вѣроятности, безъ всякаго результата. Тогда херсонесцы обратились за помощью къ своей метрополи, Гераклеѣ, которая, внявъ ихъ просьбамъ, въ свою очередь отправила къ императору Антонину посольство. Высѣченный на мраморѣ декретъ Херсонеса изъясняетъ благодарность гражданской общинѣ «перваго въ Понтѣ города—Гераклеѣ—понтійской метрополи Херсонеса», за заступничество отцовъ гераклейцевъ въ пользу Херсонеса передъ императоромъ Антониномъ, котораго декретъ величаетъ богомъ и владыкой. Объ успѣшномъ результатѣ этого ходатайства гераклейцы, по словамъ декрета, извѣстили Херсонесъ черезъ пословъ: «знатнѣйшихъ мужей» Гераклида Менесеева и Прокла Мемнонова.

Декретъ этотъ, говоритъ историкъ, доказываетъ, что еще во II-мъ вѣкѣ по Р. Х., нѣсколько столѣтій спустя послѣ основанія Херсонеса, живо сохранялась память о родствѣ его съ Гераклеей, къ которой херсонесцы всегда питали чувства дѣтей къ родителямъ. Хотя декретъ не упоминаетъ прямо, въ чемъ заключались «милостиво дарованныя императоромъ благодѣянія», но, по мнѣнію Латышева, дѣло идетъ именно о желанной херсонесцами «свободѣ». Аристонъ занималъ еще и разныя другія должности, какъ-то: былъ продикомъ, номофилакомъ, дамйургомъ, жрецомъ, управляющимъ городской казною. Въ послѣдней должности онъ привелъ въ ясность финансовое положеніе города.

Къ этому же времени относится, вѣроятно, и надпись, къ сожалѣнію, совершенно попорченная, съ упоминаніемъ о великихъ заслугахъ какого-то гражданина, котораго сенатъ и народъ херсонесскій наградили золотымъ вѣнцомъ съ бронзовой статуей. Насколько позволяетъ судить надпись на обломкахъ подножія его статуи, гражданинъ этотъ находился внѣ города; по возвращеніи же въ Херсонесъ, онъ засталъ городъ подъ властью какого-то «тирана», притѣснявшаго гражданъ. Во главѣ противной партіи, этотъ гражданинъ произвелъ революцію, съумѣвъ вдохновить согражданъ и изгнать тирана. Все это произошло безъ пролитія крови. Избранный затѣмъ въ должность завѣдующаго финансами республики,

онъ усердно озаботился возобновленіемъ укрѣпленій и защитой города, а во время наступившаго голода принесъ городу большую помощь. Послѣ сего гражданинъ этотъ былъ отправленъ посломъ въ Римъ ходатайствовать о свободѣ города, что, повидимому, и увѣнчалось успѣхомъ. Однако, воспользовавшись отсутствіемъ гражданина, сторонники тирана снова позвали его, и тиранъ осадилъ городъ съ большимъ войскомъ; но гражданинъ нашъ, вернувшись во-время, заставилъ, съ помощью знатнѣйшихъ херсонесцевъ, тирана удалиться, причемъ, повидимому, удалось захватить въ плѣнъ и дѣтей тирана.

О посольствахъ въ Римъ говоритъ и другая надпись, сохранившаяся на пьедесталѣ статуи, поставленной Херсонесомъ Демократу, сыну Аристогена. Въ надписи говорится о его многократныхъ путешествіяхъ въ Римъ, на свой счетъ, въ качествѣ посла отъ Херсонеса. Онъ занималъ многія общественныя должности, былъ прекраснымъ гражданиномъ и славился краснорѣчіемъ. Городской совѣтъ и народъ почтили его «вѣчнымъ провозглашеніемъ» и статуей.

Къ эпохѣ императора Антонина относится еще декретъ о дарованіи проксеніи и разныхъ привилегій гражданину гор. Синопа Г. Каію Евтихіану Навклару за разныя услуги. Замѣчательна судьба этого декрета, разбитаго на двое въ древности, при какомъ-либо варварскомъ разгромѣ Херсонеса, и восстановленнаго, благодаря счастливой находкѣ обѣихъ частей плиты, одной въ Херсонесѣ, въ 1893 г., другой на берегу Волги, въ развалинахъ древней столицы татарскихъ хановъ, Сараѣ, 70 лѣтъ ранѣе, въ 1822 году.

Набѣги скивовъ вновь вынудили Антонина прислать войска въ побережные крымскіе кастеллы. Тогда Херсонесъ снова освобождается отъ босфорскаго вліянія и въ немъ помѣщается сильный римскій гарнизонъ. Городъ дѣлается главнымъ центромъ римской военной оккупации въ Крыму и главной квартирой высшаго начальника черноморскихъ гарнизоновъ. Этотъ сановникъ, облеченный званіемъ военнаго трибуна, былъ начальникомъ и сухопутныхъ войскъ, и морской эскадры. Одна надпись упоминаетъ о слѣдующихъ главныхъ начальникахъ крымскаго оккупационнаго корпуса: Аррій Алкивиадъ и, послѣ него, въ 185 г., Атилій Приміанъ, Гней Плавтъ (сынъ Гнея) и Папірія Феликсъ Феррунтіанъ, носившій титулъ главнокомандующаго понтійскимъ оккупационнымъ корпусомъ въ Скиніи и Таврикѣ.

Территориальные предѣлы власти этого главнокомандующаго еще не вполне выяснены и трудно рѣшить, находились ли римскіе отряды Крыма и Кавказа подъ одной командой, или на Кавказѣ командовалъ особый офицеръ. По свидѣтельству Юсіфа Флавія, казалось бы, что управленіе всѣми этими войсками было сосредоточено въ Херсонесѣ, хотя очевидно, говоритъ М. И. Ростовцевъ, что въ это время Кавказъ, въ военномъ отношеніи, зависѣлъ скорѣе отъ пропретора Нижней Мэзіи. Другіе источники указываютъ на то, что отрядъ крымскаго оккупационнаго корпуса стоялъ не только на таврическомъ полуостровѣ, въ предѣлахъ херсонесской области, но, можетъ быть, и въ босфорскомъ царствѣ, и въ Ольвіи. Херсонесскій гарнизонъ состоялъ изъ легіонеровъ и вспомогательныхъ войскъ. Они присланы были изъ мэзіискихъ армій, а именно: сначала изъ I-го италійскаго легіона, а затѣмъ и XI-го Клавдіева легіона. Офицеры этихъ войскъ отъ поры до поры смѣнялись. Начальникомъ собственно херсонесскаго гарнизона упоминается въ 185 г. центурій Валерій Максимъ. Прислана была въ Крымъ и эскадра, состоявшая изъ судовъ равеннскаго флота, подъ начальствомъ триерарха, который подчиненъ былъ также главному начальнику крымскаго корпуса въ Херсонесѣ.

Въ Херсонесѣ найдены: надпись, упоминающая о трибунѣ I-го италійскаго легіона и о триерархѣ мэзіискаго флота, и надгробный памятникъ, воздвигнутый своему брату легіонеромъ I-го македонскаго легіона Л. Юліемъ Валентомъ. Этотъ легіонъ стоялъ въ Мэзии, по словамъ Латышева, очень долго, именно съ 10 г. по Р. Х. (съ небольшимъ промежуткомъ отъ 62 до 71 гг.) до царствованія Септимія Севера (193—211), при которомъ легіонъ былъ переведенъ въ Дакію, но затѣмъ снова возвращенъ въ Мэзію, въ концѣ III-го вѣка, при Авреліанѣ. Содержаніе римскаго гарнизона дорого стоило Херсонесу. На этотъ предметъ установленъ былъ особый поголовный налогъ, взиманіе котораго стояло въ зависимости отъ распоряженій трибуна и центуріона. Это была подать городская, часть коей поступала на содержаніе войска, и римскіе солдаты взимали ее съ обитателей сами, непосредственно. Такой сборъ податей нерѣдко давалъ поводъ къ излишнимъ взысканіямъ и къ насиліямъ солдатъ, на которыхъ жители приносили жалобы, доходившія до императоровъ.

Между Херсонесомъ и Θεодосіей римляне основали (въ

Ай-Тодорѣ) укрѣпленіе и военный портъ, недавно обнаруженный М. И. Ростовцевымъ. Умиравшіе на этомъ посту солдаты переносились для похоронъ въ Херсонесъ или Феодосію.

Вообще римскія войска имѣли для Херсонеса то важное значеніе, что удалили отъ города вѣчно грозящихъ его спокойствію варваровъ. Рѣшительная помощь, оказанная императоромъ Антониномъ Ольвіи противъ скивовъ, и пораженіе ихъ имѣло благотворныя послѣдствія и для Херсонеса. Въ послѣднемъ снова начинается торговля съ варварами, хотя уже не въ прежнихъ размѣрахъ, но все же Херсонесъ служить посредникомъ для торговыхъ сношеній Европы съ мало-азиатскимъ побережьемъ. Городъ пользуется благосостояніемъ; народонаселеніе его увеличивается, увеличивается и общее довольство горожанъ. Однако съ политической стороны Херсонесъ, по замѣчанію Брандиса, вполнѣ опустился до степени римскаго провинціального города, занятаго римскимъ гарнизономъ, и римскіе офицеры исполняли здѣсь тѣ должности, которыя въ свободныхъ городахъ должны были быть заняты избранными магистратами.

Въ Херсонесѣ найдены двѣ или три монеты Антонина и, между прочимъ, въ дѣтской гробницѣ, большая бронзовая монета этого царствованія.

Маркъ Аврелій (161—180), Луцій Веръ и Коммодъ (180—193).

При этихъ императорахъ римское вліяніе продолжаетъ усиливаться.

Надпись 185 г. гласитъ о постановкѣ какого-то памятника начальникомъ римской эскадры въ честь императора Коммода. Городъ оказывается такимъ образомъ въ прямомъ подчиненіи пропретору Нижней Мэзіи.

О Херсонесѣ упоминается въ извѣстной географіи Клавдія Птолемея, современника императора Марка Аврелія.

Къ этому же времени относится, повидимому, и надгробный памятникъ трубача XI-го Клавдіева легіона, Аврелія Сальвиана, найденный въ Херсонесѣ въ 1824 г. Другой памятникъ той же эпохи стоялъ надъ могилою Аврелія Виктора, солдата I-го италійскаго легіона (между 150 и 200 гг.). Въ

дѣтской могилѣ найдена большая бронзовая монета императора Марка Аврелія.

Памятниковъ, относящихся къ кратковременнымъ царствованіямъ императоровъ *Пертинакса*, *Дидія Юліана* и другихъ (193), въ Херсонесѣ не найдено.

Септимій Северъ (193—211).

Къ сему царствованію относится большая надпись, высѣченная на мраморѣ на двухъ языкахъ: греческомъ и латинскомъ, содержащая переписку херсонесцевъ съ римскимъ правителемъ о нарушеніи существовавшихъ въ Херсонесѣ правилъ о пошлинахъ съ увеселительныхъ домовъ. Здѣсь упоминаются имена трибуновъ: Атилія Приміана и Валерія Максима и бывшего трибуна Аррія Алкивіада. Изъ этого памятника мы узнаемъ, что Херсонесъ въ это время продолжалъ находиться въ составѣ римской провинціи Нижней Мэзіи, въ подчиненіи у пропретора этой области, и что городъ былъ занятъ римской военной командой, подъ начальствомъ трибуна. Эти римскія войска своимъ поведеніемъ продолжали вызывать частыя жалобы горожанъ императору. Надпись подтверждаетъ также тотъ фактъ, что въ римскія времена въ числѣ верховныхъ магистратовъ Херсонеса были архонты, къ которымъ перешла власть, прежде принадлежавшая такъ называемымъ царямъ.

Въ началѣ III-го вѣка Херсонесъ, повидимому, перестаетъ чеканить свою собственную монету.

При раскопкахъ найдены: серебряная монета Септимія Севера и монеты серебряная и мѣдная жены императора, Юліи Домны.

Въ Херсонесѣ найдены также монеты послѣдующихъ императоровъ: *Каракаллы* и *Геты* (211—212)—серебряная; *Каракаллы* (212—217)—серебряная, и между ними монета, оправленная въ золотой медальонъ; *Макрина* (217—218)—монетъ не найдено; *Эліогабала* (218—222)—одна серебряная; *Александра Севера* (222—235)—нѣсколько серебряныхъ монетъ, въ томъ числѣ съ портретомъ жены императора, Юліи Мезы; *Максимиана I* (235—237) — нѣсколько серебряныхъ; *Гордіана I и II*, *Максима* и другихъ (237—238) — мо-

нетъ не найдено; *Гордіана III* (238—244) и *Юлія Филиппа* (244—249)—нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ и, между прочимъ, мѣдная монета города Неаполя македонскаго, съ бюстомъ императора; *Деція* (249—251) — двѣ серебряныя; *Галла* (151—253) — серебряная; *Волузія*, *Гостилия*, *Валерія* и другихъ (251—260)—монетъ не найдено; *Галліена* (260—268)—одна серебряная; *тридцати тирановъ* — одна монета; *Клавдія II* (268—270)—мѣдная монета; *Квинтиліана*, *Авреліана* и другихъ (270—276)—монетъ не найдено; *Проба* (276—282) — мѣдная монета; *Кара*, *Карина* и *Нумерія* (282—284)—монетъ не найдено.

Найдены также монеты современныхъ босфорскихъ царей, а именно: Рескупориса II (211—228)—около десятка монетъ; Котиса III (228—233)—одна монета; Рескупориса III (233—234)—монета съ датой; Инниѳимея (234—239) и Рескупориса IV (239—261)—по одной мѣдной монетѣ; Фарзанса (253—254)—одна золотая индикація.

Диоклетіанъ (284—305).

Церковная гѣтописъ.

Въ царствованіе Диоклетіана херсонесцы оказали военную помощь императору, какъ объ этомъ повѣствуетъ императоръ Константинъ Порфирородный. Годъ, когда это событіе происходило, въ точности не установлено. Различные историки называютъ 282, 284, 292, 304, 310 и 311 года.

Протевономъ (правителемъ) и «носителемъ вѣнца» въ Херсонесѣ былъ въ то время Θεμισъ, сынъ Θεμισа. (Званіе «протевоны» принято переводить словомъ правитель, хотя О. В. Юргевичъ полагалъ, что это не титулъ правителя Хер-

Въ 300 г. прибыли въ Херсонесъ два миссіонера, посланные іерусалимскимъ патріархомъ Эрмономъ, Василевъ или Василій и Ефремъ. Они нашли въ Херсонесѣ закоренѣлыхъ язычниковъ. Св. Василій, котораго патріархъ назначилъ на санъ епископа Скиѳіи и Херсонеса, избралъ для себя поприщемъ Херсонесъ. Ефремъ же «оставляя херсониты св. Василию, иде въ скиѳы, окрестъ Дуная жительствовавшыя». По прибытіи въ Херсонесъ, наполненный идолами и приносящій жертвы языческимъ бо-

Св. св.
Василій
Ефремъ

сонеса, а означаетъ вообще вельможу).

Царь босфорскій Савромать IV, сынъ Рескупориса V, собравъ большое войско сарматовъ, оссовъ и другихъ обитателей береговъ Меотійскаго озера (Азовскаго моря), двинулся на римлянъ. Савромать завоевалъ страну лазовъ и область Понтики до рѣки Галиса и овладѣлъ постепенно римскими городами. Неправильное чтеніе имени этого царя дало поводъ нѣкоторымъ древнимъ писателямъ, а за ними и современнымъ, упоминать о вождѣ варварскихъ племенъ, Крисконорѣ, сынѣ Ороса, а Константинъ Багрянородный называетъ царя Савромата IV сыномъ Крисконора. Другіе историки упоминаютъ о сарматскомъ князѣ Крисконорѣ или Крисѣ.

О нападеніи сарматовъ на римскія владѣнія сѣвернаго побережья Чернаго моря имѣются свѣдѣнія у историковъ Вописка (IV в.) и Зосима (V в.).

Діоклетіанъ послалъ противъ Савромата войско подъ предводительствомъ трибуна Констанція Хлора, вполнѣнствіи императора, отца великаго Константина. Констанцій встрѣтилъ непріятели у рѣки Галиса, но оказался слишкомъ слабымъ, чтобы помѣшать врагу переправиться черезъ рѣку. Въ эту критическую минуту, по совѣту Констанція, Діоклетіанъ отправилъ пословъ въ Херсонесъ просить о помощи.

Протевономъ и «носителемъ вѣнца» въ Херсонесѣ былъ Христъ, сынъ Папія. Горожане выслушали пословъ императора и рѣшились помочь ему. Они собрали войска, вооруженныя луками, вызвавъ ратниковъ изъ подчиненныхъ

гамъ, Василиій началъ проповѣдывать христіанство. Херсонесцы, по наущенію обитавшихъ въ городѣ евреевъ, обругали проповѣдника, избили его, грозили умертвить и изгнали изъ города. Василиій удалился въ пещеру на горѣ Паренонѣ, гдѣ стоялъ древній храмъ: «и идолъ нѣкія дѣвицы, еллинскія богини». Здѣсь Василиій прославился чудесами. Между прочимъ, у нѣкоего «князя» херсонесскаго умеръ сынъ и былъ похороненъ внѣ города. Сжалившись надъ горемъ родителей, Василиій пришелъ къ гробницѣ «и бывшу камени отъ гроба отвалену, вниде внутрь» и воскресилъ мертваго. Тогда Василиія торжественно повели въ городъ, «и крестился князь той со всѣмъ домомъ своимъ и мнози отъ народа. И растапіе церковь Христова (въ Херсонесѣ), а еллинская капища помалу упраздняхуся».

городу укрѣплений, заготовили военныя колесницы, приспособили въ нихъ «хироболистры» (метательные снаряды) и двинулись къ Пантикапеѣ. Здѣсь они прибѣгли къ хитрости. Большая часть войска укрылась въ засадѣ, а незначительное количество воиновъ подступило къ городу. Весь день они вели осаду его стѣнъ и, наконецъ, обратились въ притворное бѣгство, оставивъ свои колесницы съ хироболистрами. Жители Пантикапеи поддались на обманъ и кинулись преслѣдовать врага. Херсонесцы отступали медленно и отстрѣливались, пока не заманили враговъ до скрытыхъ войскъ въ засадѣ. Здѣсь босфорцы были со всѣхъ сторонъ окружены и перебиты. Тогда херсонесцы побѣдоносно вступили въ Пантикапею, гдѣ захватили въ плѣнъ жену и семейство какъ самого Савромата, такъ и его воиновъ. Всѣ остальные босфорскія крѣпости на берегахъ Азовскаго моря подчинились побѣдителямъ и признали власть римскихъ императоровъ. Границы херсонесскихъ владѣній внутри Крымскаго полуострова были доведены до Чатыръ-Дага.

Херсонесцы обошлись съ пантикапейцами мягко и убили только вооруженныхъ.

Завладѣвъ Пантикапеей, протевонъ Христь, спустя нѣсколько дней, предложилъ плѣннымъ семействамъ босфорцевъ, какъ цѣну ихъ свободы, отправить отъ себя посольство въ Азію, къ Савромату, дабы уговорить его заключить миръ съ имперіей, въ присутствіи херсонесскихъ делегатовъ. Отъ Савромата требовалось, чтобы онъ возвратилъ всѣ завоеванныя имъ мѣстности и прислалъ бы отвѣтное посольство для окончательнаго заключенія мира. По заключеніи же мира между Савроматомъ и Римомъ, Христь обязывался вывести херсонесцевъ изъ Пантикапеи. Если же Савроматъ задумалъ бы хитрить или обманомъ запереть херсонесцевъ въ Пантикапеѣ и осадить ихъ въ этомъ городѣ, то Христь угрожалъ въ отместку поголовнымъ избіеніемъ всѣхъ жителей Пантикапеи отъ мала до велика. «Какая будетъ выгода Савромату, если погибнуть и его семья, и городъ?»

Жены Савромата и босфорцевъ успѣшили исполнить предложеніе херсонесцевъ. Къ Савромату вмѣстѣ съ пятью послами Херсонеса посланы были и пять босфорцевъ. Савроматъ, который находился тогда на берегу рѣки Гались, узнавъ, въ чемъ дѣло, весьма опечалился и предложилъ посламъ херсонесцевъ отдохнуть отъ дороги нѣсколько дней. Затѣмъ ему

пришлось волею-неволею принять поставленные ему Христомъ условія. Съ выраженіемъ своего согласія, онъ отправилъ пять херсонесскихъ депутатовъ въ станъ Констанція. Послы за-стали этого полководца въ очень удрученномъ состояніи, ибо Савромату уже удалось вынудить у Констанція обѣщаніе уплатить большую дань и возвратить часть завоеванной имъ территоріи. Легко представить себѣ, говоритъ историкъ, радость Констанція при выслушаніи вѣсти о побѣдѣ херсонесцевъ и о принятыхъ Савроматомъ условіяхъ мира. Рѣшено было потребовать у Савромата еще и уплату военныхъ издержекъ, въ видѣ выкупа за возвратъ ему Пантикапеи и всѣхъ взятыхъ херсонесцами плѣнныхъ и семействъ босфорянъ. Савроматъ попробовалъ было хитрить, но Констанцій и херсонесцы настояли на своемъ, и босфорскому царю пришлось, скрѣпя сердце, согласиться на всѣ условія побѣдителей. Тогда Констанцій отправилъ къ нему трехъ изъ херсонесскихъ пословъ, а двухъ удержалъ у себя. Савроматъ присоединилъ къ херсонесцамъ и своихъ людей, и всѣ они выѣхали изъ земли лазовъ въ Пантикапею, Савроматъ же съ войскомъ слѣдовалъ за ними. Затѣмъ, херсонесцы передали городъ босфорцамъ, возвратили имъ плѣнныхъ, а сами мирно отступили въ свои владѣнія. Констанцій же вернулся въ Римъ, взявъ съ собою 2-хъ херсонесскихъ пословъ. Императоръ Діоклетіанъ радушно принялъ пословъ, горячо благодарилъ ихъ за помощь и обѣщаль исполнить все, чего бы они не пожелали себѣ и городу. Послы просили, чтобы императоръ далъ имъ «вѣрную свободу», т. е. призналъ независимость Херсонеса и освободилъ городъ отъ уплаты податей. Все это имъ было даровано. (По другому источнику, освобожденіе Херсонеса отъ податей состоялось въ 322 г.). Послы были богато одарены и отпущены обратно въ Херсонесъ.

Весь вышеприведенный разсказъ Константина Порфиророднаго встрѣчаетъ полное недовѣріе со стороны историковъ. Такъ, Момзенъ называетъ его «херсонесскими прибаутками», а Брандисъ восклицаетъ: «все это не исторія и не заслуживаетъ повторенія!»

Успѣшныя войны съ Босфоромъ сильно, однако, возвысили могущество Херсонеса.

При раскопкахъ найдено нѣсколько монетъ Діоклетіана, а также и современныхъ ему босфорскихъ царей. А именно:

Θεωρса (278 — 308) — нѣсколько монетъ; Рескупориса V (262—275) — одна монета и Радамсада (308 — 322)—одна монета (313 года?).

Изъ эпохи преемниковъ Діоклетіана найдены въ Херсонесѣ монеты императора *Максиміана* (286—305), *Констанція Хлора* (292 [305]—307)—мѣдныя монеты; *Галерія, Севера, Максимина II* (292—313)—ни одной; *Лицинія отта* (307—324) —десятокъ монетъ; *Лицинія сына*—одна монета.

Константинъ I Великій (307—337).

Церковная лѣтопись.

Въ 327 г. (322, 332) херсонесцы, по разсказу императора Константина Порфиророднаго, оказали военную помощь императору Константину Великому. Разные народы начали тѣснить дунайскія владѣнія императора, главнымъ образомъ яцыги и готы. Къ нимъ на помощь двинулся съ береговъ Азовскаго моря и сарматскій царь Раузимодъ. Императоръ выступилъ лично въ походъ и, помня объ услугѣ, оказанной херсонесцами отцу его, Констанцію, отправилъ пословъ въ Херсонесъ просить о помощи.

Въ то время протевонномъ и «носителемъ вѣнца» въ Херсонесѣ былъ Діогенъ, сынъ Діогена. Онъ охотно исполнилъ просьбу императора. Построены были боевыя колесницы съ хироболистрами,

Въ 310 г. (319) на св. Василия внезапно напали херсонесцы, схватили его, связали ему ноги веревками и повлекли по улицамъ Херсонеса до мѣста, «идѣ же христіане (вполнѣдствіи) поставише столбъ и на немъ крестъ». Здѣсь св. Василій скончался (7-го марта). Тѣло его было вытащено за городскія ворота и брошено. Надъ мертвымъ тѣломъ совершались чудеса, пока христіане тайно не похоронили его.

Въ 310 г., вслѣдъ за смертью Василия, прибыли въ Херсонесъ три епископа, святые Евгеній, Елпидій и Агафодоръ, приглашенные патріархомъ іерусалимскимъ Эрмонномъ. Ихъ труды и евангелическая проповѣдь увѣнчались большимъ успѣхомъ. Но и на нихъ въ 311 г. вооружились «жиды и еллины» и

сюжетомъ для трагедіи на англійскомъ языкѣ, авторъ которой (сэръ Л. Моррисъ) относитъ дѣло къ 970 г. по Р. Х.!

Въ Херсонесѣ найдены мѣдныя монеты императора Θεодосія въ большомъ количествѣ. Такъ, въ періодъ 1900—1902 гг. ихъ подобрано около 75. Найдены также монеты съ портретомъ дочери Θεодосія Эліи Флакциллы, и монеты императора Валентиніана II (383—392).

Послѣ смерти Θεодосія Великаго Херсонесъ подпадаетъ подъ власть Византійской имперіи.

Херсонесъ къ концу IV-го столѣтія достигъ значенія перwokласснаго города на Таврическомъ полуостровѣ. Власть его простиралась и на Босфоръ и на малоазіатское побережье. Херсонесу принадлежали нѣсколько городовъ и деревень, съ многочисленнымъ промышленнымъ населеніемъ. Его владѣнія, согласно исчисленію нѣмецкаго историка, обнимали площадь, равную королевству Саксоніи. Въ общемъ, херсонесская республика была въ эту пору самымъ могущественнымъ государствомъ въ Тавридѣ. Древнее имя города, Херсонесъ, въ III-мъ вѣкѣ замѣняется названіемъ Херсонъ. По замѣчанію изслѣдователя, матросы - бѣлоруссы на Днѣпрѣ и теперь говорятъ: Керсонъ.

Къ I-му вѣку по Р. Х., Херсонесъ широко обстроился и представлялъ красивый и чистый городъ. Плиній старшій, писавшій около 77 г., восхваляетъ Херсонесъ, какъ городъ благоустроенный, отличающійся своимъ блестящимъ видомъ. Населеніе его, по исчисленію Дюбуа де-Монпере, достигало до 50.000 человекъ. Страбонъ и Плиній упоминаютъ о могущественныхъ городскихъ стѣнахъ, охватывавшихъ пространство въ 5 миль. Длина ихъ исчисляется въ 5.000 римскихъ шаговъ. Стѣны эти снабжены были, какъ мы знаемъ, нѣсколькими воротами и башнями и окружали весь городъ и гавань. Кромѣ того, по срединѣ Херсонеса находилась, по описанію Помпонія Мела (писавшаго около 43 г. по Р. Х.), крѣпкая цитадель, защищавшая гавань. Къ этому укрѣпленію, говоритъ изслѣдователь, шла дорога отъ дома Ламеха, пересѣкавшая у площади Агасиклета главную улицу, идущую отъ сѣвернаго конца города. Вообще стѣны и укрѣпленія города играли видную роль и постоянно ремонтировались, такъ какъ приходилось постоянно защищать городъ отъ натиска враговъ. Въ уцѣлѣвшемъ благодарственномъ декретѣ города восхваляется нѣкій гражданинъ, соорудившій

Благоустройство города.

на собственные средства часть городской стѣны. Внутри стѣнъ городъ былъ тѣсно застроенъ; домовъ въ немъ было, по словамъ Дюбуа де Монпере, не менѣе 5.000. Въ городѣ было также много площадей и улицъ, украшенныхъ красивыми зданіями и статуями знаменитыхъ гражданъ изъ мрамора и бронзы. Городъ былъ раздѣленъ на 4 квартала, изъ коихъ, по разказу историка, сѣверный — занимало скинское племя сатарховъ, а греки и тавры занимали южный кварталъ и берегъ моря. Часть города, прилегавшая къ городской стѣнѣ, омываемой моремъ, называлась Суза, что наводило Юргевича на мысль: не была ли Суза персидскимъ купеческимъ кварталомъ, такъ какъ вообще о пребываніи персовъ на крымскихъ берегахъ свидѣлствуютъ и другія имена.

Окрестности города.

Окрестности Херсонеса были покрыты виноградными плантаціями, доставлявшими жителямъ хорошее вино. Историкъ насчитываетъ вокругъ города отъ 200 до 300 прекрасныхъ дачъ и фермъ, нѣсколько замковъ, двѣнадцать городскихъ помѣстій. Только въ водѣ, замѣчаетъ Мансветовъ, чувствовался недостатокъ. Поселившись на скалистомъ берегу моря, въ странѣ бѣдной текучею водою, херсонесцы по необходимости должны были позаботиться о прорытіи колодцевъ и устройствѣ водопроводныхъ трубъ. Нѣсколько цистернъ и до сихъ поръ сохранилось въ чертѣ города, но главный резервуаръ, изъ котораго херсонесцы получали воду, находился въ $7\frac{1}{2}$ верстахъ отъ нынѣшнихъ развалинъ Херсонеса.

Къ востоку отъ города стояло на мысѣ укрѣпленіе «Діофантъ». Далѣе находился принадлежащій Херсонесу портъ Ктенунтъ. Съ запада, владѣнія города доходили до гавани Символовъ.

Религія.

Въ городѣ было нѣсколько храмовъ и, въ томъ числѣ, извѣстный намъ старинный храмъ богини Дѣвы, въ которомъ, во времена Страбона, стояла въ неприкосновенности древняя статуя этой богини. Въ римское время существовалъ, между прочимъ, храмъ Эскулапа, какъ о томъ свидѣлствуетъ обломокъ мраморной доски, на которой награвированъ псифизмъ (постановленіе) въ честь неизвѣстнаго гражданина, оказавшаго услуги городу. Херсонесскій сенатъ и народъ даруютъ ему въ награду «права гостепріимства, въѣзда и выѣзда моремъ въ мирное и военное время, безъ разграбленія; право приобрѣтенія земли и жилья ему и его

потомству, и другія выгоды, присвоенныя гражданамъ Херсонеса отъ рожденія. Психизмъ же этотъ постановлено начертать на колоннѣ изъ бѣлаго камня въ храмѣ Эскулапа». Сохранилась и другая надпись I-го вѣка, высѣченная на мраморной плитѣ, въ честь одной бывшей жрицы.

Въ первомъ вѣкѣ Херсонесъ продолжаетъ пользоваться **Торговля.** всѣмъ значеніемъ крупнаго торговаго центра. Онъ является посредникомъ между варварскими народами сѣвера и южными странами. Херсонесъ ведетъ торговлю со всѣмъ міромъ, съ Европой, Азіей и, можетъ быть, отчасти и съ Африкой: Египтомъ и Киреной. Ближайшимъ мѣстомъ торговли была, конечно, Греція, изъ разныхъ пунктовъ коей привозились въ Херсонесъ керамическія издѣлія, расписныя вазы, статуетки. Затѣмъ—греческія колоніи на Черномъ морѣ, каковы Винонія, Паелагонія и Понтъ. Происходилъ также оживленный обмѣнъ произведеній съ Милетомъ, Кизикомъ, славившимся мраморными вещами, Гераклеей, Амастридой, Синопомъ и Трапезундомъ. Однимъ изъ крупнѣйшихъ пунктовъ для обмѣна продуктовъ съ Персіей, арабами и турками, была Византія. Другимъ важнымъ мѣстомъ торговли Херсонеса было Босфорское царство. Оттуда, взамѣнъ соли и расписныхъ вазъ, которыя выдѣлывались и въ самомъ Херсонесѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, существовала фабрика тончайшихъ глиняныхъ издѣлій танагрскаго типа, доставлялись въ Херсонесъ кавказскіе рабы, вино, скотъ на убой, овощи. Торговля Херсонеса производилась и съ Танаисомъ на Дону (впослѣдствіи цвѣтущая венеціанская Тана) и съ западнымъ побережьемъ Чернаго моря до Дуная, куда вывозился строевой лѣсъ и вообще дерево, а также вино, зерно, ленъ и т. п. Оживленная торговля шла съ Ольвіей, Тирасомъ, Истромъ, Каллатисомъ, Одессусомъ и др., и съ болгарами на Дунаѣ.

Однимъ изъ главныхъ торговыхъ направленій Херсонеса былъ сѣверъ. Сѣверныя варварскія кочующія племена приходили обмѣнивать свои продукты въ Херсонесъ на предметы роскоши; завелась торговля со скивами, сарматами, готами, гуннами. Съ сѣвера и изъ степныхъ областей привозились разныя шкуры и мѣха, медь и воскъ, пурпуровыя и шелковыя ткани, шерстяная и шелковая пряжа, шелковые пояса, различныя женскія украшенія, полотна и полотняныя издѣлія, составлявшія предметы постоянной оживленной торговли. Херсонесъ былъ центромъ торговли доро-

гими соболями, излюбленнымъ мѣхомъ варварскихъ князей сѣвера. Изъ Индіи привозились перецъ и шкуры пантеръ. Торговля хлѣбомъ по прежнему процвѣтала, какъ объ этомъ свидѣтельствуемъ найденная при раскопкахъ надпись. Эта торговля служила большою подмогою для Рима, давая возможность, когда требовалось, понижать цѣну на хлѣбъ. Херсонесъ являлся также главнымъ рынкомъ по продажѣ рыбы; особенно богата рыбою была ближайшая къ Херсонесу гавань Символовъ. Херсонесцы ловили рыбу и въ устьяхъ Днѣпра. О сильномъ развитіи рыболовства въ Херсонесѣ говорятъ и монеты этого города, на которыхъ изображены различные типы рыбъ.

Продавалась и соленая рыба, изысканное блюдо древняго міра. Промыселъ соленія разнаго рода рыбы перенесенъ былъ сюда изъ Гераклеи и игралъ въ Херсонесѣ большую роль. Для этого необходимо было большое количество соли, которая и добывалась херсонесцами изъ окрестныхъ соляныхъ озеръ. Въ добываніи этой соли херсонесцы были особенно искусны. Соль служила также предметомъ торговли Херсонеса; ею нагружались корабли, уходившіе во всехъ направленіяхъ. Однако въ римское время выдающееся торговое значеніе Херсонеса начинаетъ приходить къ концу. Уже во второмъ вѣкѣ Херсонесъ вынужденъ дѣлать свое торговое значеніе съ другими возрастающими колоніями. Торговля въ Херсонесѣ начинаетъ падать и ограничивается преимущественно обмѣномъ произведеній съ прибрежными городами Малой Азіи.

О торговыхъ сношеніяхъ говорятъ и монеты различныхъ колоній, встрѣчающіяся въ развалинахъ Херсонеса. Таковы, кромѣ тѣхъ колоній, о которыхъ упомянуто выше (стр. 26), еще монеты Амастріи, Тарента, Магнесіи, Діоскуріи, Никоіи, Далмаціи, Метапонта, Эгіи, Мартеи, Тіи и Византіи.

Управленіе и общественная жизнь.

Въ I-мъ вѣкѣ жители Херсонеса еще сохраняли древніе греческіе обычаи и продолжали говорить на дорическомъ діалектѣ. Но въ римское время чистота діалекта потерялась. Херсонесцы уже утратили, какъ говоритъ изслѣдователь, ясное представленіе о происхожденіи и образованіи нѣкоторыхъ словъ и употребляли извѣстныя дорическія формы «по наслышкѣ».

Что касается управленія города, то въ римское время сохранились прежнія городскія должности. Такъ, существуютъ по старому гимназіархи, дамiурги, продики и т. п. Въ концѣ II-го и въ началѣ III-го вв. мы встрѣчаемъ во главѣ прав-

ленія въ Херсонесѣ лицо, носившее титулъ стефанора и протевона. Эти верховные магистраты ежегодно смѣнялись. Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ, что должность эта была связана съ должностью верховнаго жреца Геракла. Въ качествѣ такихъ жрецовъ, протевонамъ присвоены были золотые вѣнцы, вслѣдствіе чего ихъ и называли стефанорами. Въ III-мъ в., въ числѣ главныхъ правителей города встрѣчаемъ имена Савроматовъ.

Уцѣлѣло нѣсколько пьедесталовъ статуи и списковъ должностныхъ лицъ II-го в. и декретовъ I-го в., о дарованіи проксеніи разнымъ лицамъ.

Ко II-му в. относится гравированный на мраморѣ декретъ въ честь нѣкоей Флавіи, дочери Ироксена, и жены Тита Флавія Пареннокла. Уцѣлѣло и нѣсколько надгробныхъ стѣлъ римскаго времени. На монетахъ Херсонеса II-го в. изображены Асклепій и Гигіея, о культѣ коихъ въ Херсонесѣ было уже упомянуто.

Въ III-мъ в. Херсонесъ перестаетъ чеканить свои собственные монеты, и въ употребленіе входятъ монеты римскія. Къ IV в. относится обнаруженная въ Херсонесѣ христіанская гробница, въ которой была найдена круглая бронзовая кадиланица на трехъ цѣпочкахъ.

Въ IV-мъ в. по Р. Х. начинается великое передвиженіе народовъ, время, исполненное опасности для греко-римскаго міра, и на первой очереди для Херсонеса.

Время
упадка
Херсо-
неса.

Съ первымъ распаденіемъ римской имперіи на Западную и Восточную (364 г.)—Херсонесъ сдѣлался частью послѣдней. Таврической полуостровъ, на границѣ Европы и Азіи, со своими богатыми торговыми городами и пастбищами былъ приманкой для варваровъ, и, благодаря этому, говоритъ историкъ, сдѣлался въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій мѣстомъ нашествій всевозможныхъ народовъ. Таковы прежде всего готы, которые завладѣли южнымъ берегомъ и поселились здѣсь, затѣмъ гунны. Позднѣе: хазары, печенѣги, руссы, куманы, монголы. Всѣ эти племена вторгались въ Крымъ, оставались здѣсь болѣе или менѣе продолжительное время и завладѣли всей равниной, обративъ плодородныя пашни херсонесцевъ въ пастбища для своихъ стадъ. Они разбойничали, убивали, грабили жителей и совершенно уничтожили до 500 поселеній, деревень и городовъ. Вообще эти варварскіе народы стали страшилищемъ Византіи, императоры коей все

менѣе и менѣе способны были оказывать защиту Херсонесу. Городу приходилось отбиваться своими силами, и строй государственной жизни Херсонеса былъ сильно поколебленъ. Тогда быстро уменьшились размѣры херсонесскихъ владѣній и городъ вскорѣ доведенъ былъ до прежнихъ предѣловъ, т.-е. до границъ небольшого полуострова между Балаклавой и Севастополемъ. Въ такомъ состояніи Херсонесъ продержался еще тысячелѣтіе, испытывая многіе удары судьбы и тяжелыя лишенія.

Это былъ единственный городъ на сѣверѣ, гдѣ сохранилась греческая, христіанская культура на границѣ варварскихъ степей. Сохраненіемъ своей независимости Херсонесъ много былъ обязанъ, конечно, своему природному защищенному положенію и искусственнымъ укрѣпленіямъ, съ которыми нападающимъ коннымъ народностямъ не легко было справиться. Важную роль играли также разладъ и взаимная зависть нападающихъ народовъ. Затѣмъ нѣкоторую защиту оказали городу и сами варвары, которые оцѣнили значеніе Херсонеса, какъ торговаго пункта, для своихъ цѣлей и не желали полного его разрушенія. Съ другой стороны нѣкоторые византійскіе императоры оказали городу дѣйствительное содѣйствіе, облегчили положеніе Херсонеса и даровали ему большія привилегіи. Наконецъ, граждане Херсонеса отличались выдержкой и доблестью. Военная ихъ сноровка была отличная и они были искусными стрѣлками. Много способствовали защитѣ города и таланты его управителей, а также и торговая дѣятельность, не прерывавшаяся и въ минуты затишья и доставлявшая гражданамъ и деньги, и помощь.

Всѣмъ этимъ причинамъ, говоритъ профессоръ Шнейдervirtъ, Херсонесъ главнѣйше обязанъ сохраненіемъ своего существованія, несмотря на такія страшныя нападенія, какія врядъ ли приходилось когда-либо выдерживать другому городу въ лѣтописяхъ исторіи.

ГЛАВА V.

Отъ V до конца X вѣка по Р. X. Византійское владычество.

Аркадій.—Θеодосій II.—Пульхерія и Маркіанъ.—Левъ II.—Зенонъ.—Надпись Зенона.—Анастасій I.—Юстинъ I.—Юстиніанъ I.—Юстинъ II.—Тиберій II.—Маврикій.—Надпись Евпатерія.—Константъ II.—Папа Мартинъ.—Константинъ III.—Юстиніанъ II.—Леонтій II.—Тиверій III.—Филиппикъ.—Левъ III.—Константинъ IV.—Левъ IV.—Константинъ V.—Никифоръ I.—Левъ V.—Михаилъ II.—Князь Бравалинъ.—Θеофилъ.—Михаилъ III.—Святые Кириллъ и Меѳодій.—Василій I и Константинъ VI.—Левъ VI.—Александръ.—Романъ I.—Константинъ VIII, Багрянородный.—Романъ II.—Никифоръ II.—Калокиръ.—Записки готскаго топарха.—Юаннъ Цимисхій.—Василій II.

Аркадій (395—408).

Исторія сохранила намъ очень мало свѣдѣній о первыхъ временахъ византійскаго владычества въ Херсонесѣ. Приходится довольствоваться случайными сообщеніями хроникъ или отдѣльными данными, обнаруженными раскопками.

Въ Херсонесѣ найдено довольно много монетъ царствованія императора Аркадія. Такъ, въ 1902 г. ихъ подобрано около 25-ти экземпляровъ. Попадаютъ также монеты съ изображеніемъ жены императора, Эліи Евдокіи, и монеты брата Аркадія, императора Гонорія, въ довольно большомъ количествѣ, въ томъ числѣ найдена и золотая монета.

Θеодосій II (408—450).

При Θеодосіи II Византіи пришлось пострадать отъ дикаго нашествія гунновъ, подъ предводительствомъ Атиллы. Вар-

вары, тѣснѣвшіе имперію со всѣхъ сторонъ, обрушились и на Таврической полуостровъ, гдѣ, по словамъ Прокопія, историка VI-го в., гунны въ 434 г. вытѣснили сарматовъ, обитавшихъ по сосѣдству съ Херсонесомъ, и наводнили всю область отъ Босфора до Херсонеса.

Въ 438 г. на Константинопольскомъ соборѣ присутствовалъ десятый епископъ херсонесскій Лонгинъ.

Монеты Феодосія II встрѣчаются въ Херсонесѣ рѣдко. Въ числѣ ихъ попадаются и монеты съ портретомъ жены императора, Аеенады Евдокіи.

Пульхерія и Маркіанъ (450—457).

Въ 451 г. на актахъ Халкедонскаго вселенскаго собора, гдѣ, между прочимъ, постановлено было подчинить херсонесскую епархію, пользовавшуюся до этого времени полною независимостью, константинопольскому патріарху, значится подпись херсонесскаго епископа Лонгина.

Левъ I (457—474).

Тотъ же херсонесскій епископъ Лонгинъ значится въ числѣ участниковъ Константинопольскаго собора 459 г.

Въ 460 г. (по другимъ свѣдѣніямъ 452 г.) сосланы были на заточеніе въ Херсонесъ епископъ (или патріархъ) томитанскій Александръ и епископъ александрійскій Тимофей Элурій, «упорный и горячій еретикъ». Онъ былъ отданъ подъ судъ епископовъ за разныя незаконныя дѣйствія и сначала сосланъ въ Гангру, но такъ какъ онъ здѣсь сталъ развивать смуту и собирать противозаконныя сборища, то императоръ перевелъ его въ Херсонесъ (по инымъ свѣдѣніямъ въ 477 г.).

Въ нескончаемой борьбѣ съ варварами, притѣснѣвшими имперію, Левъ I не могъ защитить босфорскаго царства. Въ 474 г. гунны завладѣли Пантикапеей и начали тѣснить готовъ. Затѣмъ они напали на Херсонесъ, долго держали его въ осадѣ, и, хотя взять города не смогли, однако, причинили ему много вреда и отобрали у херсонесцевъ большую часть ихъ завоеваній въ Крыму.

Монеты Льва I попадаютъ въ Херсонесѣ въ большомъ количествѣ. Такъ, въ періодъ 1900 — 1902 гг. таковыхъ найдено около 80 экземпляровъ. Попадались и монеты съ портретомъ жены императора, Элии Верины.

Памятниковъ съ именемъ императора *Василиска* (475—477) въ Херсонесѣ не найдено.

Зенонъ (474 — 491),

Непрерывная борьба съ варварами, длившаяся въ теченіе столѣтій, совершенно истощила Херсонесъ. За все это время городъ ужасно пострадалъ и положеніе гражданъ было бѣдственнымъ. Они испытывали жесточайшую нужду и лишь кое-какъ могли отстаивать свое существованіе. Обитателямъ Херсонеса приходилось безпрестанно биться на жизнь или на смерть. Всѣ окрестности города были разорены, жители настолько обѣднѣли, что не имѣли средствъ возобновить свои стѣны. Городу грозило окончательно быть завоеваннымъ варварами.

Тогда, въ 474 г., херсонесцы обратились съ усиленною просьбою о помощи къ императору Зенону. Императоръ, находившійся въ постоянной войнѣ съ готами и относившійся вообще очень заботливо къ укрѣпленію окраинъ имперіи, внялъ этой просьбѣ и помогъ Херсонесу возстановить свои стѣны.

О помощи, оказанной Зенономъ Херсонесу, гласитъ надпись, найденная Палласомъ въ 1794 г. и долго служившая предметомъ ученаго спора. Она была издана 18 разъ.

Надпись
императора
Зенона.

Нѣкоторые ученые оспаривали принадлежность надписи именно Херсонесу и приписывали ее городу Солуни, въ пользу чего, по словамъ А. Л. Бертъе Делагарда, главнымъ доводомъ служило ошибочное утвержденіе французскаго писателя Кузинери, что онъ видѣлъ эту самую надпись въ 1793 г. въ Салоникахъ, гдѣ онъ состоялъ французскимъ консуломъ.

Вопросъ, повидимому, рѣшенъ нынѣ въ смыслѣ херсонесскаго происхожденія этого памятника. Надпись гласитъ, что Зенонъ, кесарь благочестивый, побѣдитель, трофееносный, величайшій, присночтимый, даровалъ выдачу денегъ, собираемыхъ изъ мытницъ херсонесскаго управленія преданныхъ царскому дому баллистаріевъ (т.-е. воиновъ, завѣдывавшихъ

метательными машинами) на возобновленіе стѣнъ. Надъ постройкой же вновь башни, на которой помѣщена была надпись особенно потрудился въ 512 г. «свѣтлѣйшій комить» и извѣстный полководецъ Діогенъ, который посланъ былъ, повидимому, для оказанія помощи городамъ, пострадавшимъ въ сентябрѣ 480 г. отъ сильнаго сорокадневнаго землетрясенія. Въ числѣ значительно потерпѣвшихъ городовъ Діогеномъ выдано было пособіе и Херсонесу.

Другіе относятъ постройку вышеназванной башни къ 476 г., а нѣкоторые историки полагаютъ, что башня, о которой гласитъ надпись, есть та самая, которую Палласъ видѣлъ у Карантинной бухты въ 1794 г., и которая тогда имѣла еще довольно сносный видъ.

Вообще Зенонъ старался сохранить добрыя отношенія съ Херсонесомъ и подтвердилъ привилегіи, данныя городу Діоклетіаномъ и Константиномъ.

Въ царствованіе Зенона, въ 477 г. находившійся въ ссылкѣ въ Херсонесѣ епископъ Тимофей получилъ прощеніе и вернулся обратно въ Александрію. Упомянется еще о нѣкомъ философѣ Аристидѣ, укрывавшемся въ Херсонесѣ отъ мщенія императора Зенона.

Въ Херсонесѣ изрѣдка попадаются мѣдныя монеты этого царствованія.

Анастасій I (491—518).

Гораздо чаще встрѣчаются мѣдныя монеты преемника Зенона, императора Анастасія. Такъ, за время 1900—1902 гг., таковыхъ найдено свыше 40 экземпляровъ.

Къ числу отрывочныхъ свѣдѣній объ описываемой эпохѣ принадлежитъ указаніе на то, что въ V-мъ в. проживалъ въ Херсонесѣ извѣстный писатель церкви Іоаннъ-Кассіанъ, скиѣ, уроженецъ Херсонеса, ревностный обличитель несторіанъ. Также свидѣтельство безыменнаго автора Перипла Понта Евксинскаго, приписываемаго Арріану, жившему въ V-мъ в. по Р. Х., о томъ, что въ Херсонесѣ въ это время были «пристань и хорошія гавани». Наконецъ о Херсонесѣ упоминаетъ и другой географъ этой эпохи, Стефанъ Византійскій.

Изъ вещественныхъ памятниковъ этого времени, найденныхъ при раскопкахъ, къ V-му в. относятся глиняныя лам-

почки и обломок мраморной статуетки Добраго Пастыря, служившей лѣпнымъ украшеніемъ стѣны какого-то зданія.

Къ V-му в. (или къ концу IV-го в.) принадлежитъ открытый въ 1902 г. внѣ херсонесскихъ городскихъ стѣнъ, на холмѣ, у Карантинной бухты, крестообразный храмъ съ двойными стѣнами. Храмъ этотъ находится въ разстояніи полуверсты отъ города, «что само по себѣ знаменательно», замѣчаетъ изслѣдователь, «въ виду извѣстнаго по исторіи безпокойнаго состоянія города отъ окружавшихъ его варваровъ». Храмъ окруженъ усыпальницами и оградой, а вся прилегающая мѣстность составляла часть херсонесскаго некрополя. Подъ храмомъ найдены гробницы-катакомбы, соединенныя между собою подземнымъ корридормъ. Полъ храма покрытъ прекрасной разноцвѣтной мозаикой, на которой изображены: вазы, животныя, плоды и т. п. Въ цементѣ стѣны найдены монеты IV-го в. и монеты Юстиніана (VI-го в.). На стѣнахъ сохранились обрывки фресокъ съ греческими и древне-грузинскими надписями. Въ послѣднихъ упоминается «рабъ Божій Мхитаръ».

По предположенію академика Кондакова, церковь эта представляетъ часовню, служившую усыпальницей знатной фамиліи. Часовня устроена была въ самомъ видномъ мѣстѣ херсонесскаго некрополя, освященномъ какими-либо драгоценными останками ¹⁾.

Ко времени V-го и VI-го столѣтій относится также катакомба, найденная въ Херсонесѣ въ 1896 г. Въ ней были три ниши, а у входа лежали: надгробный крестъ и обломокъ мраморной плиты—иконы, съ врѣзаннымъ изображеніемъ Спасителя, спасающаго апостола Петра отъ потопленія. По опредѣленію Мишона, обломокъ этотъ принадлежалъ алтарной преградѣ храма, построеннаго, по предположенію академика Латышева, во имя апостоловъ Петра и Павла.

Юстинъ I (518—527).

При этомъ императорѣ гунны окончательно завладѣли сначала страной между Херсонесомъ и Пантикапеей, а затѣмъ и всѣмъ Таврическимъ полуостровомъ. Одному только

¹⁾ См. дополнительную замѣтку въ концѣ книги.

Херсонесу удалось сохранить свою политическую независимость, благодаря ряду причинъ, о которыхъ мы уже упоминали.

Защищать Таврической полуостровъ оружіемъ императору не было никакой возможности. Имперіи пришлось отказаться отъ этой окраины и войти съ гуннами въ мирныя сношенія.

Византійская дипломатія, по обычаю, тотчасъ же постаралась извлечь возможные выгоды изъ новаго сосѣдства Херсонеса. Въ эту эпоху персы стали тѣснить иберійцевъ, и Юстинъ намѣревался воспользоваться гуннами въ помощь иберійцамъ. Съ этою цѣлью императоръ снарядилъ посольство къ гуннскому племени утургуровъ, обитавшему въ 22-хъ дневномъ разстояніи отъ Херсонеса. Посольство это проѣхало черезъ Херсонесъ въ 523 г. (Ламанскій считаетъ утургуровъ—вѣтвью болгарскаго племени).

Монетъ императора Юстина въ Херсонесѣ не найдено.

Юстиніанъ I (527—565).

Добрыя отношенія Византіи съ гуннами продолжались не долго. При Юстиніанѣ I гунны сперва напали на Пантикапею и ограбили ее, а затѣмъ, въ 536 г., племена кутригуровъ и утургуровъ двинулись на Херсонесъ и осадили его. Городъ былъ сильно поврежденъ; укрѣпленія снова пришли, по словамъ Прокопія, въ совершенное разореніе, и жители вынуждены были еще разъ просить защиты у византійскаго императора. Юстиніанъ помогъ Херсонесу вновь окрѣпнуть и основательно возобновить свои стѣны и, кромѣ того, помѣстилъ въ Херсонесъ византійскій гарнизонъ. Іорнандъ, писавшій въ 552 г. говоритъ, что въ его время подлѣ самого Херсонеса поселилось гуннское племя аулзіагры, которые «въ теченіе лѣта кочуютъ въ своихъ обширныхъ степяхъ, останавливаясь по временамъ для накармливанія скота на пастбищахъ; на зиму же возвращаются къ своимъ зимовкамъ на берегахъ Понта».

Для охраны границъ имперіи отъ этихъ варваровъ, Юстиніанъ, вынужденный съ оружіемъ въ рукахъ ограждать имперію со всѣхъ сторонъ, прибѣгалъ также къ различнымъ хитростямъ, вооружая, посредствомъ подкупа, варваровъ однихъ на другихъ. Такъ, съ цѣлью отвлечь гунновъ отъ Херсонеса, императоръ въ 551 г. возбудилъ междоусоб-

ную войну между гуннами утургурами и готами съ одной стороны и гуннами-кутригурами и гепидами съ другой. Кромѣ того, для защиты края, Юстиніанъ построилъ крѣпости Алу-стонъ (Алушта) съ сильными стѣнами и башнями и Горзу-биты (Гурзуфъ).

Императоръ, повидимому, рѣшилъ сохранить для Ви-зантіи только восточный берегъ Крыма, западную же часть полуострова онъ совершенно предоставилъ готамъ и гуннамъ. Такъ, онъ отдалъ мѣстность Дори вблизи Херсонеса одному готскому племени, постоянному храброму союзнику имперіи.

Благодаря энергичному покровительству Юстиніана, Херсонесъ скоро оправился отъ тяжелыхъ послѣдствій постоянныхъ битвъ и понесенныхъ городомъ потерь во время передвиженія народовъ. Населеніе опять возрасло и общее благо-состояніе увеличилось. Городъ снова обстроился и сталъ при-ходить въ цвѣтущее состояніе. Херсонесъ въ эту эпоху являлся важнымъ стратегическимъ пунктомъ для византій-ской имперіи. Изъ него можно было вліять на различныя ко-чующія народности, которыя безпрестанно смѣняли одна другую въ степяхъ южной Россіи, и вести съ ними «хитро-сплетенныя козни византійской дипломатики». Со всѣми окрест-ными народами (гуннскаго и готскаго происхожденія) Ви-зантія поддерживала постоянныя сношенія.

Не менѣе важное значеніе имѣлъ Херсонесъ и какъ круп-ный торговый центръ. Городъ, какъ мы знаемъ, издавна слу-жилъ рынкомъ, гдѣ греческіе купцы обмѣнивали свои товары на произведенія сѣверныхъ варваровъ. По свидѣтельству Юр-нанда, въ Херсонесѣ былъ въ его время большой рынокъ, куда доставлялись даже азіатскія издѣлія.

Но если Юстиніану и удалось снова поднять торговое значеніе Херсонеса, то оно не могло быть прочно. Городу трудно было удержаться на извѣстной высотѣ при постоянныхъ набѣгахъ варваровъ. Сосѣднія области, съ Пантика-пеей во главѣ, вели отчаянную борьбу за существованіе, то попадая подъ власть варваровъ, то снова отходя къ Ви-зантіи. Но, столь частые переходы изъ рукъ въ руки такого важнаго торговаго пункта и земледѣльческой колоніи, попадавшихъ то во власть пастушескихъ кочевниковъ, каковы были гунны, то наемныхъ солдатъ, какъ императорскія войска, не могли, говоритъ историкъ, не имѣть весьма пагубнаго дѣйствія на остатки греческой цивилизаціи, уцѣлѣвшіе въ

Херсонесѣ. Усилившееся варварство жителей окрестныхъ областей повліяло на торговлю, нѣкогда процвѣтавшую въ сосѣднихъ странахъ и теперь почти исключительно сосредоточенную въ Херсонесѣ. Орды хищныхъ кочевниковъ, никогда долго не останавливавшихся на одномъ мѣстѣ, не имѣли достаточно средствъ, чтобы покупать привозные предметы роскоши, и, съ своей стороны, почти ничего не продавали, такъ что языкъ и обычаи грековъ, преобладавшіе до тѣхъ поръ на берегахъ Чернаго моря, съ того времени начали сильно упадать. Греческіе города подвергались тяжкимъ ударамъ, а завоеванія аваровъ окончательно ограничили сферу римскаго вліянія и вмѣстѣ съ нимъ районъ торговли и цивилизаціи грековъ—предѣлами Босфора и Херсонеса.

Въ 553 г., на пятомъ вселенскомъ соборѣ въ Константинополѣ присутствовалъ одиннадцатый херсонесскій епископъ Стефанъ. Преемникомъ его упоминается Ефремъ.

Въ развалинахъ попадаются мѣдныя монеты Юстиніана I въ очень большомъ количествѣ. Такъ, въ 1900 г. ихъ найдено свыше 150 экземпляровъ, нѣсколькихъ типовъ.

Съ этого царствованія возобновляется, прекратившаяся съ III-го в., чеканка мѣдныхъ монетъ, предназначенныхъ спеціально для Херсонеса. На нихъ изображены бюстъ императора и монограмма съ именемъ города Херсонеса. По мнѣнію К. К. Косцюшко-Валюжинича, монета эта чеканилась однако не въ Херсонесѣ, а въ Константинополѣ.

Юстинъ II (565—578).

При Юстинѣ II сѣверныя области имперіи сильно пострадали отъ страшнаго нашествія аваровъ. Въ это же царствованіе, въ 574 г. (или при преемникѣ Юстина II въ 579) прибыло въ Херсонесъ изъ Синопа посольство, отправленное императоромъ, съ Валентиномъ во главѣ, къ туркамъ, появившимся на границѣ босфорской области. Посольство должно было отправиться изъ Херсонеса, вдоль южнаго берега Крыма и черезъ городъ Фуллы, находившійся близъ Херсонеса, «вѣроятно, тогда принадлежавшій готамъ», пройти далѣе, по направленію къ Босфору. Но именно въ то время, какъ посольство вело переговоры съ турецкимъ властителемъ Турксакомъ (или Турксаомъ), послѣдній завоевалъ Босфоръ;

въ 575 г. (579, 581, 582) турки во множествѣ ворвались въ Крымъ и подъ начальствомъ Бокхана начали осаду Херсонеса. Взять города туркамъ не удалось, и они скоро удалились. Однако Финлей, ссылаясь на Менандра, утверждаетъ, что турецкая армія взяла Херсонесъ и нѣкоторое время держалась въ немъ.

Монетъ императора Юстина II въ Херсонесѣ не найдено.

Тиберій II (578—582).

Къ этому царствованію приурочивается, согласно одному источнику, рассказъ лѣтописи Нестора о походѣ новгородскаго князя Бравалина на Херсонесъ и Сурожъ. Эпизодъ этотъ, который обыкновенно относятъ къ X-му вѣку, подробно разсказанъ ниже.

Монетъ императора Тиберія II въ Херсонесѣ не найдено.

Маврикій (582—602).

Ко времени императора Маврикія, а именно къ 590 г. относится, повидимому, надпись, начертанная на плитѣ изъ бѣлаго мрамора, найденной въ Тамани Сумароковымъ, въ 1803 г. Надпись гласитъ, что «сверхъ прочихъ великихъ и дивныхъ дѣяній и сіе славное на Босфорѣ кесарское зданіе возобновилъ Маврикій, благочестивѣйшій и богохранимый нашъ владыко, чрезъ собственнаго своего раба Евпатерія, славнѣйшаго стратилата и дука херсонесскаго».

Надпись
Евпатерія.

Впрочемъ, отъ имени императора сохранилось лишь нѣсколько буквъ и потому имя это читалось разными учеными различно. Иные относили надпись ко времени Маврикія, другіе къ царствованію Исаака II Ангела (1185—1203). Кѣне предполагалъ, что Евпатерій могъ быть правителемъ Херсонеса во время удачно отбитой осады турокъ въ 575 г., т.-е. при Юстинѣ II. Однако, чтеніе имени императора Маврикія, повидимому, вѣрнѣе. Терминъ «дуксъ», говоритъ академикъ Латышевъ, весьма часто встрѣчается въ византийской администраціи и обозначаетъ опредѣленныхъ должностныхъ лицъ. Подъ начальствомъ дуковъ находились военныя силы, расквартированныя по границамъ имперіи для ихъ

охраны. Евпатерій состоялъ въ рангѣ стратилата и занималъ должность дука въ Херсонесѣ. Профессоръ Кулаковскій высказалъ предположеніе, что въ описываемой надписи стояло имя не византійскаго императора, а какого-либо варварскаго босфорскаго царя. Если же, говоритъ названный ученый, въ надписи читать имя императора Маврикія, то она дастъ намъ прямое свидѣтельство, что въ 590 г. въ Херсонесѣ былъ византійскій дуксъ, который самостоятельно распоряжался отъ имени императора и на азіатскомъ берегу Босфора Киммерійскаго. Херсонесъ не былъ взятъ турками и въ теченіе всего VII-го вѣка оставался въ прежнихъ отношеніяхъ къ Византіи.

При императорѣ Маврикіи для Херсонеса снова началась обильная чеканка мѣдной монеты, прекращенная послѣ Юстиніана I. На этихъ монетахъ изображены: императоръ, жена его и святой, въ которомъ Кѣне видѣлъ св. Евгенія. Въ Херсонесѣ ежегодно попадаетъ нѣсколько монетъ этого царствованія; встрѣчаются и крупныя монеты, всѣ одного типа во многихъ вариантахъ.

Къ эпохѣ IV-го—VI-го вв. относится найденное при раскопкахъ 1904 г. терракотовое блюдо съ выдавленнымъ на немъ изображеніемъ безбородаго Спасителя (?) и голубей. Къ V-му же или VI-му вв. принадлежитъ вскрытая въ 1896 г. катакомба, въ коей, при разныхъ монетахъ, оказался у входа каменный надгробный крестъ съ надписью: памятникъ святой мученицы Анастасіи. Эта святая могла пострадать при одномъ изъ преслѣдованій христіанъ въ Херсонесѣ, хотя противъ того есть вѣскія возраженія. Возможно, говоритъ Латышевъ, что Анастасія была не мѣстная мученица, а одна изъ чтимыхъ всѣми христіанами. Въ V-мъ в. ея мощи были перенесены въ Константинополь. При постоянныхъ сношеніяхъ Херсонеса со столицею восточной имперіи вполне возможно, что и въ Херсонесѣ стали усердно чтить эту святую мученицу.

Къ VI-му или VII-му вв. относится большой надгробный крестъ съ надписью объ упокоеніи пресвитеровъ Стефана, Стефана и Христофора. Къ тому же времени принадлежатъ и нѣкоторые другіе церковные памятники. Такъ, въ 1898 г. найдена каменная форма для отливки металлическихъ амулетовъ, широко распространенныхъ у древнихъ христіанъ.

Въ 1896 и въ 1898 гг. найдены глиняныя печати съ изображеніемъ св. Фоки на одной, служившія, вѣроятно, для

тисненія церковныхъ хлѣбовъ, назначенныхъ къ продажѣ богомольцамъ. Въ Херсонесѣ въ раннія византійскія времена существовалъ нищепріемный домъ (богадѣльня), находившійся подъ покровительствомъ св. Фоки. При этомъ домѣ, по предположенію Латышева, могла находиться церковь во имя св. Фоки. При херсонесской богадѣльнѣ могъ существовать и обычай, встрѣчаемый въ другихъ мѣстахъ, гдѣ почитался св. Фока, — отдѣлять при каждой трапезѣ часть пищи или питья въ честь самого Фоки. Пища эта затѣмъ продавалась, а вырученныя деньги шли на благотворительность.

Къ VI-му—VII-му вв. относится и мѣдный крестъ съ насѣчками и изображениями Вознесенія и Преображенія.

Въ началѣ VII-го столѣтія въ Крыму появляются хазары, которые покорили аваръ, заняли степную часть Таврическаго полуострова и начали нападать на Херсонесъ.

При раскопкахъ въ Херсонесѣ встрѣтились единичныя монеты императора *Фоки* (602—610) и его преемника *Гераклія I* (610—641). Монетъ *Гераклія-Константина* (641) не встрѣчено.

Константинъ II (641—668).

Въ 653 г. (или 654), по свидѣтельству источниковъ, признаваемыхъ нѣкоторыми учеными «сомнительными», императоръ сослалъ въ Херсонесъ римскаго папу **Папа Мартинъ.** *Мартина I* за сопротивление, оказанное папой императору, и за публичное осужденіе указа Константина объ еретикахъ моноелитахъ. По разсказу житій св. Мартина и преподобнаго Максима Исповѣдника, папа «всажденъ бысть въ корабль и въ заточеніе посланъ въ Херсонъ». Ссылка эта являлась смягченіемъ первоначальнаго наказанія, вслѣдствіе заступничества патріарха Павла.

Сохранились письма папы Мартина, въ которыхъ онъ жалуется на свое бѣдственное существованіе въ Херсонесѣ. Онъ пишетъ, что въ странѣ голодъ и большая нужда; часто совершенно нѣтъ хлѣба, и жители остаются безъ хлѣба до привоза его изъ другихъ странъ. За пшеницу приходится платить крайне дорого. Изъ Херсонеса же иностранные корабли вывозятъ только соль.

Папа, говоритъ Васильевскій, можетъ быть, и съ нѣкото-

рымъ преувеличиваніемъ жаловался на свое печальное положеніе. Херсонесъ находился тогда въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Для насъ еще любопытнѣе, говорить тотъ же историкъ, сообщеніе папы Мартина о томъ, что въ этой области обитали все язычники и люди, перешедшіе къ языческимъ обычаямъ. Здѣсь, быть можетъ, подразумѣваются сосѣдніе готы? Мартинъ умеръ въ Херсонесѣ въ 655 г. (или 654), 14-го апрѣля (по другимъ источникамъ 16-го сентября, или 16-го ноября), и погребенъ былъ на кладбищѣ, внѣ стѣнъ города Херсонеса, въ одной стадіи отъ него, въ церкви Приснодѣвы Маріи, называемой Влахернской. «И бѣ гробъ его славенъ» чудесами. Впрочемъ, какъ мы уже упоминали, нѣкоторые изслѣдователи относятся ко всему разсказу о ссылкѣ папы Мартина въ Херсонесъ крайне недовѣрчиво.

Монетъ императора Константина II въ Херсонесѣ не найдено.

Константинъ III ¹⁾ Погонать (668—685).

Въ 669 г. хазары вытѣснили гунновъ изъ ближайшаго сосѣдства съ Херсонесомъ и начали распространять свою власть надъ восточною частью Крыма.

Въ 692 г. на Трульскомъ соборѣ участвовалъ херсонесскій епископъ Георгій I, который подписался такъ: «Георгій, недостойный епископъ Херсона Доранскаго» (или Дорантскаго). Впрочемъ, послѣднее слово, можетъ быть, и не относится до Херсонеса, такъ какъ здѣсь возможенъ пропускъ имени другого епископа. Если же относится, то изъ этого слѣдовало бы, что предѣлы приморской готской области Дори, между Херсонесомъ и Босфоромъ, были раздвинуты до самаго Херсонеса включительно. Этотъ городъ даже называется готскимъ городомъ у Епифанія, писателя IX-го столѣтія.

Въ Херсонесѣ найдено нѣсколько мѣдныхъ монетъ императора Константина III.

¹⁾ Нѣкоторые хронографы къ счету императоровъ, носившихъ имя Константина, прибавляютъ еще двухъ, царствовавшихъ весьма кратковременно въ срединѣ VII-го в. По такому исчисленію, Константинъ Погонать является не III-мъ, а V-мъ, и такъ далѣе для слѣдующихъ Константиновъ. Это слѣдуетъ имѣть въ виду, такъ какъ различные историкъ придерживаются то одного, то другого исчисленія.

Юстиніанъ II (685—695).

Царствованіе этого императора, прерванное временнымъ его отстраненіемъ отъ престола, особенно тяжело отразилось на судьбѣ Херсонеса. Типичный деспотъ изъ той серіи развратныхъ изверговъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ на византійскомъ престолѣ въ концѣ VII-го и началѣ VIII-го вв., Юстиніанъ довелъ свои жестокости въ Константинополѣ до того, что въ 695 г. былъ сверженъ съ престола и схваченъ патриціемъ Леонтіемъ, провозгласившимъ себя императоромъ.

Леонтій II (695—698).

Первымъ дѣломъ новаго императора было отрѣзать Юстиніану посреди гипподрома оконечность носа и языка и сослать бывшаго императора въ Херсонесъ. Однако, три года спустя (698), Леонтій самъ подвергся лишенію носа. Критское войско возстало противъ него и провозгласило императоромъ Тиверія - Апсимара.

Тиверій III Апсимаръ (698—705).

Въ это царствованіе, въ 702 г., хазары окончательно покорили готовъ и утвердились въ восточной части Крыма. Они образовали большое упорядоченное царство между Чернымъ и Каспійскимъ морями и хотя при первомъ нападении на Крымъ не тронули Херсонеса, однако вскорѣ подчинили себѣ этотъ городъ. Хазарскій хаганъ (хаканъ, каганъ) поселился въ укрѣпленіи Дори, на границѣ поселенія готовъ.

Въ 703 г. (по лѣтописи Теофана—696, у Ведрова—694) Юстиніанъ II, который со времени восшествія на престолъ Тиверія-Апсимара сталъ выражать надежду снова завладѣть престоломъ, началъ возмущать херсонесцевъ въ свою пользу и организовать въ этомъ городѣ свою партію. Однако, горожане ему не помогли, а рѣшились выдать его Тиверію живымъ или мертвымъ, такъ какъ, съ одной стороны, херсонесцы боялись гнѣва Тиверія, а съ другой — они ненави-

дѣли Юстиніана, и во время его заточенія обращались съ нимъ дурно и преслѣдовали его бранью и насмѣшками надъ его отсѣченнымъ носомъ. Епископъ же херсонесскій Георгій II не хотѣлъ или не могъ успокоить умы горожанъ.

Узнавъ о намѣреніи херсонесцевъ, Юстиніану удалось во-время бѣжать изъ города, сначала къ готамъ въ Дори, а затѣмъ въ Хазарію, гдѣ Юстиніанъ женился на дочери хагана, окрещенной Теодорой.

Въ 705 г. упоминается о проживавшемъ въ Херсонесѣ хазарскомъ сановникѣ, носившемъ титулъ тудуна, т. е. намѣстника.

Юстиніану не долго пришлось жить у хазаръ. Онъ вынужденъ былъ бѣжать въ Фанагорію. Но и здѣсь положеніе его стало чрезвычайно опаснымъ, такъ какъ хаганъ легко поддался вліянію константинопольскаго золота. Юстиніанъ бѣжалъ въ рабочемъ баркасѣ и прибылъ въ херсонесскія владѣнія, въ гавань Символовъ. Откуда онъ «тайно послалъ въ Херсонесъ и вызвалъ къ себѣ своихъ приверженцевъ. Васвакурія (Варасбакуръ) и брата его, и Сальвана, и Стефана, и Моропавла съ Теофиломъ». Съ помощью этихъ лицъ и вмѣстѣ съ ними Юстиніанъ отправился въ путь моремъ. Не бывъ признаннымъ, «миновалъ херсонесскій маякъ», переплылъ Каркинитскій заливъ и направился къ устьямъ Днѣпра (по другимъ источникамъ— Дуная), гдѣ находился болгарскій царь Тервелъ. Съ помощью этого царя, въ 705 г. Юстиніанъ снова воцарился въ Константинополѣ.

Юстиніанъ II. (Вторично, 705—711).

Въ 709 г. былъ ослѣпленъ и сосланъ въ Херсонесъ архіепископъ равеннскій Феликсъ, за мнимый бунтъ.

Воцарившись вторично, Юстиніанъ немедленно же началъ кровавую расправу со своими противниками. Выждавъ удобную минуту, онъ спеціально занялся мщеніемъ херсонесцамъ.

Дошедшія до насъ объ этихъ событіяхъ свѣдѣнія, представляющія, какъ говоритъ историкъ, «наборъ какого-то баснословія», повѣствуютъ, что Юстиніанъ, памятуя отношеніе къ нему херсонесцевъ, послалъ въ 710 г. (а по Теофану въ 703) противъ Херсонеса флотъ, вооруживъ сколько могъ, на счетъ жителей и знати Константинополя, большихъ и малыхъ кораблей, «всякаго рода, и быстрыхъ, и трехпалуб-

ныхъ, и огненосныхъ, и рыбачьихъ, и даже плотовъ», подъ начальствомъ патриціевъ Мавра-Беза и Стефана-Асмета (свирѣпаго), съ приказаніемъ умертвить всѣхъ жителей городовъ, подчиненныхъ Херсонесу и Пантикапеевъ, и сосѣднихъ мѣстностей и разорить городъ Херсонесъ до тла. На флотѣ находились также: назначенный новымъ правителемъ Херсонеса, оруженосецъ Илья или Элій, съ титуломъ архонта и, подъ его надзоромъ, патрицій армянинъ Варданъ (Барданъ). Варданъ имѣлъ неосторожность хвастаться предсказаніемъ астролога, пророчившаго ему царскій вѣнецъ. За это онъ былъ въ 701 г. сосланъ Тиверіемъ-Апсимаромъ въ Кефалонію, а теперь, въ 710 г., переведенъ Юстиніаномъ въ Херсонесъ,— обстоятельство, изъ котораго, замѣчаетъ историкъ, можно вывести заключеніе, что пребываніе на греческихъ островахъ считалось болѣе приятнымъ, чѣмъ жизнь въ Херсонесѣ. Историки исчисляють войско, посланное Юстиніаномъ противъ Херсонеса, въ 100.000 человекъ.

Херсонесъ просилъ помощи у хазарскаго хагана. Тотъ еще не осмѣлился тогда ввести въ городъ войска, однако, прислалъ туда своего тудуна. Но этотъ сановникъ не могъ спасти Херсонеса. Когда появился императорскій флотъ, часть жителей бѣжала въ городъ. Императорское войско завладѣло Херсонесомъ безъ сопротивленія и начало истреблять всѣхъ, оставшихся въ немъ жителей. «исключая отроковъ и дѣтей», которыхъ пощадили и взяли въ рабство. Изъ оставшихся въ живыхъ — 42 сенатора, въ томъ числѣ тудунъ, протевоны Дикосъ и Зоиль, «первый гражданинъ по положенію и по роду», были закованы въ цѣпи и съ женами и дѣтьми посланы къ императору. Семерыхъ (по другимъ источникамъ гораздо больше) главныхъ виновниковъ Стефанъ-Асметъ велѣлъ изжарить на медленномъ огнѣ. Они привязаны были за ноги къ желѣзному шесту (или къ деревяннымъ столбамъ) головою внизъ и въ такомъ положеніи сожжены. По разсказу же Теофана, всѣ сорокъ два благородныхъ мужа съ тудуномъ и Зоиломъ были сожжены. Другіе двадцать были связаны и брошены въ барку, которую наполнили камнями и потопили въ морѣ. Городъ былъ разоренъ. Горше была участь Херсонеса, чѣмъ участь Виолеема, говоритъ Константинъ Манассесъ, историкъ XII-го вѣка; въ послѣднемъ избили только маленькихъ дѣтей, а въ Херсонесѣ убивали и мужчинъ, и женщинъ.

Но описанная нами кровавая расправа не удовлетворила Юстиниана. Онъ разгнѣвался за то, что спасли отроковъ и приказалъ немедленно доставить ихъ въ Константинополь. Тогда Стефанъ отплылъ обратно, оставивъ Илью намѣстникомъ въ Херсонесѣ. Это было въ октябрѣ. На возвратномъ пути флотъ былъ разбитъ сильною бурей на западномъ берегу Чернаго моря, подлѣ Амастриса. Адмиралъ и 73.000 его подчиненныхъ погибли въ волвахъ и съ ними большая часть херсонесскихъ плѣнныхъ. Преданіе гласитъ, что волны выбрасывали трупы погибшихъ плѣнныхъ у береговъ Гераклеи, родоначальницы Херсонеса.

«Изъ всего этого баснословія», говоритъ А. Л. Бертье Делгардъ, «мы извлекаемъ свѣдѣнія о существованіи ранѣе первой экспедиціи Юстиниана правителя города, которымъ былъ хазарскій тудунъ или протополить Зоиль, быть можетъ оба вмѣстѣ, одинъ отъ хазаръ, другой отъ Византіи; ихъ обоимъ заковали и отвезли въ Константинополь; оставивъ вмѣсто ихъ Илью».

Юстинианъ вовсе не опечалился гибелью флота, онъ даже радовался и, «въ этой высочайшей степени сумасшествія», съ громкими угрозами велѣлъ снарядить новый флотъ и послалъ вторично Стефана-Асмета съ войскомъ и «къ немалому изумленію читателя», замѣчаетъ критикъ, «съ тѣми же самыми правителями». Приказано было не оставить въ Херсонесѣ живой души и обратить мѣсто нахождения города въ пустыню и по ней прогуляться съ плугомъ. «Велѣно было не оставить даже слѣдовъ стѣнъ и уничтожить даже тѣ мѣста, гдѣ сваливались нечистоты». Оставшіеся въ живыхъ, сбѣжавшіеся и возвратившіеся въ городъ жители Херсонеса и его крѣпости, были въ ужасѣ. Они рѣшились защищаться на смерть. Съ этою цѣлью херсонесцы, подъ руководствомъ перешедшаго на сторону Херсонеса оруженосца Илии и Вардана, наскоро исправили свои стѣны и послали просить помощи у хазаръ. Хаганъ прислалъ небольшое войско.

Узнавъ объ этомъ и желая выиграть время, Юстинианъ послалъ въ Херсонесъ сперва 300 еракійскихъ воиновъ, подъ начальствомъ своего канцлера логогета Георгія, по прозванію «сиріянина», столичнаго градоначальника и главнаго счетчика Іоанна и начальника конницы Христофора. Имъ поручено было установить порядокъ въ Херсонесѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, извиниться передъ хаганомъ, шуриномъ императора, и возста-

новить въ прежнихъ должностяхъ тудуна и Зоила, коимъ императоръ даровалъ свободу. Одновременно освобожденъ былъ отъ плѣна и Диносъ, котораго императоръ послалъ обратно въ Херсонесъ, съ порученіемъ помогать своимъ участіемъ посольству, посланному къ хазарямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, посламу поручено было требовать отъ хагана, чтобы онъ принудилъ херсонесцевъ выдать императору Илію и Вардана, какъ государственныхъ измѣнниковъ, и привести ихъ плѣнниками въ Константинополь.

Однако, по прибытіи экспедиціи Сироса въ Херсонесъ, горожане впустили къ себѣ однихъ начальниковъ, а затѣмъ заперли городскія ворота, схватили пословъ Георгія, Сироса и Іоанна и умертвили ихъ мечомъ. Хазары же окружили греческихъ солдатъ внѣ стѣнъ города и повели ихъ къ своему хагану, вмѣстѣ съ тудуномъ, Христофоромъ и Зоиломъ. Но, по пути тудунъ умеръ, и на его могилѣ хазары умертвили и принесли въ жертву Христофора и его 300 солдатъ. Затѣмъ херсонесцы и сосѣдніе города «изгладили имя Юстиніана съ крѣпостей» и провозгласили императоромъ, взамѣнъ Юстиніана, Илію (Элія), но тотъ отказался. Тогда херсонесцы предложили корону Вардану, давъ ему имя Филиппика (Филипписа, Филепика). Узнавъ это, взбѣшенный Юстиніанъ собственноручно умертвилъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей Иліи, а мать ихъ отдалъ на поруганіе негру.

Между тѣмъ флотъ, подъ начальствомъ патриція Мавра-Бѣза приплылъ къ Херсонесу. Византійскія войска привезли съ собой осадныя машины и тараны. Велѣно было совершенно срыть городъ и «какъ можно чаще увѣдомлять о своихъ успѣхахъ». Началась осада. Башня, называемая Центеріонъ (Чентенарезіумъ, Кентинаризійская) уже была разрушена. Упала и другая башня, Синагра (Сіагра). Варданъ отправился за помощью къ хагану. Хазарскій отрядъ, подъ начальствомъ тудуна, явился на помощь осажденнымъ, разбилъ императорскія войска, вошелъ въ Херсонесъ и вынудилъ Мавра-Бѣза прекратить осаду.

Тогда, страшась той безчеловѣчной расправы, которая его ожидала со стороны Юстиніана, византійское войско измѣнило Юстиніану, провозгласило императоромъ Вардана-Филиппика и просило хагана прислать къ нимъ въ станъ новаго императора. Хаганъ сначала потребовалъ отъ войска торжественной присяги новому императору и обѣщанія, что

«каждый человекъ заплатитъ ему по монетѣ», и затѣмъ уже Филиппикъ и Мавръ съ соединенными войсками и херсонесцами, «разъяренными какъ тигръ и волки», сѣли на корабли и поплыли къ Константинополю, гдѣ Юстиніанъ былъ свергнутъ съ престола, схваченъ и казненъ (711 г.).

Въ развалинахъ Херсонеса встрѣчено нѣсколько единичныхъ монетъ Юстиніана II, чеканенныхъ для Херсонеса.

Памятниковъ царствованія императоровъ *Леонтія II* и *Тиверія III* (711) въ Херсонесѣ не найдено.

Филиппикъ (711—713).

Преемникъ Юстиніана, Филиппикъ, возобновилъ прежнія льготы Херсонеса: свободу отъ налоговъ, беспошлинное право торговли, обѣщаніе уплаты со стороны императора, въ качествѣ союзника, ежегодной субсидіи Херсонесу, состоящей изъ тетивъ для луковъ, желѣза, масла, дерева для военныхъ машинъ и припасовъ на 1.000 человекъ. Прежняя уплата десяти пудовъ золота теперь поднята была до 12 пудовъ.

Въ эту эпоху многочисленныя греческія колоніи, процвѣтавшія на Таврическомъ полуостровѣ и на восточномъ и сѣверномъ берегахъ Чернаго моря, были почти все покинуты. Большая часть ихъ покорилась хазарамъ, орды которыхъ занимали всю страну вдоль побережья моря. Хазары могли бы окончательно завладѣть и Херсонесомъ, если бы настойчиво пожелали этого, но, говорить Васильевскій, хаганъ предпочиталъ, повидимому, всякимъ такого рода пріобрѣтеніямъ дружественныя отношенія къ имперіи, съ которою онъ имѣлъ одного и того же главнаго врага, въ лицѣ халифа мусульманскаго. Хазары ограничились установленіемъ протектората надъ Херсонесомъ въ лицѣ хагана, неизвѣстно, замѣчаетъ историкъ, по желанію ли самихъ херсонесцевъ или путемъ насилія и давленія. Во всякомъ случаѣ начинаются очень близкія сношенія Херсонеса съ хазарами, которые, въ теченіе VIII и IX вв., являются главнымъ господствующимъ народомъ въ Крыму. Византійскіе императоры и ихъ намѣстникъ въ Херсонесѣ старались поддерживать съ нѣкоторыми хазарскими племенами дружескія сношенія. Со своей стороны, ха-

зары возвратили Херсонесу его вольность, вполне оцѣнивая значеніе этого города, какъ важнаго торговаго пункта.

Городъ, лишенный плодоносныхъ полей и хлѣбнаго рынка, теперь существовалъ только иностранной торговлей. Херсонесскія суда по прежнему обмѣнивали въ Константинополѣ и другихъ морскихъ городахъ имперіи шкуры, воскъ и соленую рыбу сосѣднихъ мѣстностей на необходимые предметы потребленія и роскоши городской жизни. Можно задуматься, говорить историкъ, надъ тѣмъ фактомъ, что, не смотря на климатъ, который представлялъ съ самаго основанія Херсонеса непобѣдимыя препятствія къ воспріятію этой колоніей особенностей греческой общественной жизни, и отнималъ прелести у искусства и народной литературы грековъ, не смотря на то, что греческіе храмы, театры и агора должны были носить характеръ чужеземныхъ обычаевъ для жителей Херсонеса, въ странѣ которыхъ суровые вѣтры и мрачныя тучи не допускаютъ жизни внѣ стѣнъ дома, не смотря на всѣ эти условія, Херсонесъ до такого поздняго періода исторіи сохранилъ свои греческія общественныя учрежденія и свое независимое гражданское управленіе. Тѣмъ не менѣе, это было такъ, и мы знаемъ изъ свидѣтельства Константина Багрянороднаго, что Херсонесъ уберегъ свою независимость до половины X-го вѣка, хотя городъ и состоялъ подъ покровительствомъ имперіи.

Такимъ образомъ этотъ послѣдній центръ греческой культуры на Черномъ морѣ счастливо устоялъ и вскорѣ, благодаря могущественному покровительству дружественныхъ ему хазаръ, совершенно освободился отъ главенства Византіи и дѣлается вольнымъ городомъ. Тогда, по словамъ историка, для Херсонеса настаетъ новая эпоха расцвѣта и силы.

Памятниковъ царствованій императоровъ *Анастасія II* (713—716) и *Теодосія III* (716—717) въ Херсонесѣ не найдено.

Левъ III (717—741).

Ко времени этого императора относятся найденныя въ Херсонесѣ серебряныя монеты халифа династіи Омаядовъ, Хешама (728—729).

Константинъ IV Копронимъ (741—775).

Въ царствованіе этого императора, яраго иконоборца, въ числѣ христіанъ, замученныхъ и сосланныхъ на заточеніе, былъ отправленъ въ Херсонесъ, по лишеніи ноздрей, нѣкто затворникъ Софонія (или сосѣенскій). Въ Херсонесѣ его хотѣли убить, но онъ бѣжалъ въ Хазарію, гдѣ сталъ епископомъ.

Въ 745 г. упоминается о дѣятельномъ покровительствѣ, оказанномъ Херсонесу дочерью хазарскаго хагана. Ириной, выданной за императора Константина IV.

Въ житіи св. Стефана Новаго, одного изъ вождей монашеской оппозиціи противъ иконоборства и преобразованій въ этомъ смыслѣ Константина IV, говорится, что во время иконоборства (около 756 г.) черноморскія области крѣпко отстаивали православіе и защищали ученіе патріарха Германа. «Ниже есть страна евксинопонта, глаголемаго Зикхія же и Херсона», въ которой еще сохранилось православіе и гдѣ можно было православнымъ искать убѣжище отъ «гоненія дракона».

Въ развалинахъ Херсонеса монетъ императора Константина IV не найдено, но встрѣтилась серебряная монета современнаго халифа династіи Омаядовъ. Мервана II (748—749).

Левъ IV Хазаринъ (775—780).

Въ 776 г. (по Теофану въ 768), императоръ сослалъ въ Херсонесъ «подъ стражу и для безопасности», брата своего, Никифора Кесаря, сына Константина IV Копронима, котораго оклеветали, какъ заговорщика.

Монетъ императора Льва IV въ Херсонесѣ не найдено.

Константинъ V (780—797).

Около 785 г. хазары разбиваютъ готовъ и отчасти прибрѣтаютъ верховное господство надъ Готіей, угрожая и Херсонесу. Но затѣмъ, говоритъ церковная лѣтопись «начаша козары помалу навикати христіанской вѣрѣ отъ сосѣдовъ своихъ херсонянъ». Есть упоминаніе о херсонесскомъ епи-

скогѣ Іоаннѣ, старавшемся освободить городъ отъ гнета хазарь.

Въ 787 г., послѣ возстановленія иконопочитанія въ греческой церкви, наступили смуты; многіе преслѣдуемые и недовольные епископы, монахи, пресвитеры и, конечно, другіе мірскіе люди находили себѣ убѣжище въ Херсонесѣ.

Въ житіи преподобнаго Феодора Студита, вождя строго монашеской партіи, повѣствуется о заточеніи этого святого въ Солунь, вмѣстѣ съ одиннадцатью изъ главнѣйшихъ его сторонниковъ, за обличеніе императора Константина V въ дурномъ поведеніи. Въ Солуни Феодоръ скоро приобрѣлъ громкую извѣстность. «Слышавше же о семъ херсонестіи и восфорстіи пресвитеры и иноци како великій Феодоръ и съ нимъ сущіи непоколебими умомъ пребыша, сопротивльшеся беззаконію цареву и колико пострадаша, сожалѣша о семъ зѣло и подражавше имъ, такожде проповѣдаша царя беззаконія сотворша и церкви чужда, чесо ради и изгнаніе мнози отъ нихъ пострадаша, а блаженный Феодоръ самъ въ заточеніи сый къ другимъ за тожде изгнаннымъ писаше».

Къ 790 г. иные историки относятъ разсказъ о походѣ новгородскаго князя Бравалина на Херсонесъ и Сурожь. Объ этомъ подробнѣе сказано ниже.

Феофанъ, писавшій около 790 г., упоминаетъ объ извѣстныхъ намъ большихъ башняхъ Херсонеса.

Начиная съ 795 г., по словамъ житія святаго Феодора Студійскаго, былъ въ Херсонесѣ епископъ, глубоко чтившій этого святаго угодника.

Монетъ императора Константина V въ Херсонесѣ не найдено.

Не найдено также и памятниковъ царствованія преемницы Константина, императрицы *Ирины* (797—802).

Къ VIII в. относятся найденные при раскопкахъ мѣдные кресты—энколпіоны съ изображеніемъ Богородицы, евангелистовъ и распятія.

Никифоръ I Логоетъ (802—811).

Въ царствованіе императора Никифора, по церковному преданію, море окончательно покрыло «мраморную храмину» св. Климента, нѣкогда построенную на берегу, но затѣмъ

постепенно залитую волнами и лишь по временамъ показывающуюся изъ воды. Со временъ же императора Никифора храмъ въ теченіе 50 лѣтъ оставался совершенно погруженнымъ въ море. Чудо ежегоднаго появленія этого храма подробно описано въ житіи св. Климента. О прекращеніи этого явленія епископъ херсонесскій Георгій «возвѣсти цареградскому патріарху. Патріархъ же посла въ Херсонъ Софейскій соборъ и придоша въ Херсонъ и ту собрашася со епископомъ Георгіемъ и со всѣмъ причтомъ и со многими людьми и изыдоша на брегъ моря. Въ нощи же, всѣдше въ кораблицы и идоша на море». Плаваніе увѣнчалось успѣхомъ: чудеснымъ образомъ удалось найти главу и мощи св. Климента и «положиша я въ Херсонѣ со мноюю честію. Другіе же источники относятъ обрѣтеніе мощей св. Климента ко времени пребыванія въ Херсонесѣ св. св. Кирилла и Меѳодія (861 г.), какъ о томъ сказано ниже.

Монетъ царствованія Никифора I въ Херсонесѣ не найдено.

Ставръ (811) и Михаилъ I (811—813).

Въ развалинахъ Херсонеса встрѣтились серебряныя монеты этой эпохи эмира аглебитскаго Ибрагима I (803 г.) и халифовъ династїи Аббасидовъ Амика (809 г.) и Мамуна (811—817).

Левъ V Армянинъ (813—820).

Къ этому царствованію относится надгробная плита 819 г. нѣкоей монахини Елены. Въ развалинахъ попадаются и единичныя монеты Льва V.

Михаилъ II (820—829).

Къ его времени относится надгробная надпись 821 г. жены нѣкоего Антонія.

**Князь
Бравалинъ.**

Къ концу первой четверти IX-го вѣка, около 825 г., носитъ профессоръ Голубинскій «приблизительнымъ образомъ» рассказъ, записанный въ концѣ рукописнаго житія

св. Стефана, архієпископа Сурожскаго, о нашествіи русской рати на Херсонесъ и Сурожъ. Этотъ разсказъ заключаетъ, по мнѣнію Васильевскаго, подлинную историческую основу событія, дѣйствительно происшедшаго. Разсказъ повѣствуетъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти св. Стефана (795) изъ Новгорода пришелъ въ Крымъ князь славянскій или русскій Бравалинъ или Бравлинъ, съ сильной ратью (въ иныхъ спискахъ: «князь бранливъ и силенъ зѣло»), завоевалъ всю греческую землю отъ Херсонеса до Керчи и осадилъ Сурожъ. Взявъ этотъ городъ, Бравалинъ ограбилъ въ немъ храмъ св. Софіи, гдѣ находился гробъ св. Стефана, но пораженный чудеснымъ заступничествомъ святого принялъ христіанство, крестился и повелѣлъ возвратить «все, елико пограбихомъ священныя съсоуды церковныя Корсоуни и въ Корчи». Священники потребовали, чтобы онъ возвратилъ на свободу «елико отъ Корсуни до Корча, что еси взялъ плѣнники моужи и жены и дѣти». Все это было въ точности исполнено.

Событіе это отнесено по одной редакціи новгородской лѣтописи къ 582 г., другіе источники ставятъ 790 г., третьи—852 г. Въ Степенной книгѣ: «И прежде Рюрикава пришествія держава словенскаго языка воинствоваху на многія страны и на селунскій градъ и на Херсонъ и на прочихъ тамо». Васильевскій приурочивалъ это нашествіе къ первой половинѣ X-го в. Наконецъ, иные историки относятъ его къ походу св. Владиміра въ 988 г.

Мы имѣемъ дѣло, говоритъ историкъ, съ обычнымъ тому времени разбойничьимъ походомъ русскихъ въ Черное море, при чемъ русскіе вторглись и опустошили херсонесскую область. Легенда о походѣ на Херсонесъ сохранилась въ Новгородѣ, и Герберштейнъ (въ XVI в.), ссылаясь на новгородскія лѣтописи, разсказываетъ, что новгородцы 7 лѣтъ сряду осаждали Херсонесъ. Теорія эта вызываетъ, однако, у другихъ историковъ сильныя сомнѣнія. «Неизвѣстные воители», говоритъ Голубинскій, «не только взяли Сурожъ, но и Херсонесъ и Керчь! Великую нужно имѣть вѣру, чтобы не находить невозможнымъ усвоить подобные блестящіе подвиги новгородцамъ начала IX-го в.»

Монетъ царствованія императора Михаила II въ Херсонесѣ не найдено, но попались серебряныя монеты этого времени эмира тагеридскаго Талха (824—825).

Θеофилъ (829—842).

Въ 831 г. (у другихъ 835, 837, 838, 840, у Ведрова 884) хаганъ хазарскій обратился къ императору съ просьбой прислать ему опытнаго строителя для укрѣпленія его столицы, Саркела на Дону, противъ печенѣговъ, надвигавшихся въ то время съ береговъ Волги на Донъ.

Императоръ отправилъ изъ Константинополя въ Херсонесъ брата своей жены спаварокандидата Петрона, по прозванію Каматера (трудолюбивый), съ кораблями, въ числѣ коихъ были и паелагонскіе корабли, причемъ одною изъ цѣлей этой экспедиціи было укрѣпить опять власть имперіи въ Херсонесѣ. Прибывъ въ Херсонесъ, Петронъ оставилъ здѣсь свои длинные корабли, и на широкихъ плоскодонныхъ лодкахъ византійскіе инженеры отправились въ Меотиду, набравъ въ Херсонесѣ каменщиковъ и матеріалъ для постройки. Хотя херсонесцы въ этомъ и помогли Петрону, однако, между ними очевидно произошли недоразумѣнія, такъ какъ Петронъ говорилъ императору Θеофилу: если хочешь дѣйствительно властвовать надъ городомъ Херсонесомъ и принадлежащей ему областью, то поставь здѣсь своего намѣстника, а не довѣряй ихъ посадникамъ и архонтамъ, ибо, замѣчаетъ Константинъ Багрянородный, до императора Θеофила въ Херсонесѣ не было стратега, посылаемаго изъ Византіи, а всѣмъ завѣдывалъ посадникъ съ такъ называемыми отцами города. Словомъ, Петронъ совѣтовалъ не довѣрять Херсонесу и положить конецъ его самостоятельности. Θеофилъ одобрилъ предложенный ему планъ и, взамѣнъ избираемаго херсонесцами протевона, назначилъ въ 833 г. (или 839) самого Петрона, какъ человѣка, хорошо знакомаго съ мѣстностью, протоспаваріемъ, первымъ стратегомъ и каталаномъ Херсонеса. Всѣмъ мѣстнымъ должностнымъ лицамъ и граждалямъ Херсонеса вмѣнено было полное повиновеніе императорскому намѣстнику. Образована была особая херсонесская область (ѳема) изъ разныхъ греческихъ городовъ Тавриды, включая и города Босфора, и Херсонесу дано первенство надъ прочими греческими поселеніями побережья Чернаго моря, находившимися въ Крыму и Зихии до р. Кубани. О херсонесской ѳемѣ и о политическомъ устройствѣ Херсонеса въ IX и X вв. подроб-

нѣе сказано ниже. Съ этихъ поръ Херсонесъ потерялъ свободу и управляется уже византійскими стратегами.

Профессоръ Успенскій полагаетъ, что вышеприведенный рассказъ о постройкѣ Саркела приводитъ факты въ искаженномъ видѣ. На самомъ же дѣлѣ византійцы построили Саркель для себя, гдѣ-то на нижнемъ Донѣ, съ цѣлью восстановить тамъ свою власть и, кромѣ того, покрѣпче держать въ рукахъ Херсонесъ. Эти соображенія, можетъ быть, и дали поводъ къ обостренію отношеній между Петрономъ и херсонесцами. По сообщенію Константина Багрянороднаго, существовало постоянное морское сообщеніе между Херсонесомъ и Саркеломъ. Суда входили въ устья Дона и подымались по рѣкѣ до Саркела. Византійцы содержали наемныя аланскія полчища, которыя ограждали Саркель и Херсонесъ отъ хазарь.

Титулъ стратега, присвоенный Петрону, былъ общимъ титуломъ всѣхъ византійскихъ управителей провинцій. Они облечены были властью какъ военною, такъ и гражданскою, и носили чины протоспаварія, спаварія или спаварокандидата, смотря по значенію провинціи.

Петроній, вскорѣ по прибытіи въ Херсонесъ, началъ чеканить въ этомъ городѣ монету.

Но, спрашиваетъ историкъ, почему же Херсонесъ такъ спокойно отнесся къ этой реформѣ и что собственно вызвало ее? Помышлялъ ли Херсонесъ отдѣлиться отъ имперіи? Но, повидимому, городъ въ то время не могъ надѣяться на постороннюю помощь. Отношенія Херсонеса къ хазарамъ въ эту пору охладѣли и тому причиной были, можетъ быть, печенѣги, оказывавшіе все большее и большее давленіе на хазарь.

Византійскіе управители въ Херсонесѣ часто смѣнялись императорами, которые боялись, чтобы долгое пребываніе на мѣстѣ не снискало стратегу популярности среди гражданъ, что могло быть употреблено стратегомъ во зло для политическихъ цѣлей. Херсонесскіе стратеги не получали отъ императоровъ никакого жалованья, но имъ предоставлено было добывать его изъ доходовъ своей провинціи. Управление Херсонесомъ византійцами было довольно плохое. Въ городѣ было нѣсколько возстаній, и Херсонесъ по временамъ отпадалъ отъ имперіи. Впрочемъ, центральное византійское правительство не особенно заботилось о судьбѣ этой торговой колоніи, которую

трудно было защищать отъ нападеній сосѣднихъ степныхъ варваровъ.

Въ 839 г. встрѣчается упоминаніе о томъ, что босфорская епархія была подчинена херсонесскому митрополиту. При Теофилѣ сосланъ былъ въ Херсонесъ монахъ, преподобный Іосифъ пѣснопѣвецъ, «за дерзновенное явѣ обличеніе ериси». Въ Херсонесѣ св. Іосифъ оставался до смерти Теофила «во оузахъ и озлобленіи. По смерти же того, призванъ бысть въ Царградъ Теодорою царицей, съ сыномъ Михаиломъ воцарившеюся»¹⁾).

Въ 842 г., со смертью императора Теофила, прекратилось, вѣроятно, въ Херсонесѣ и правленіе его зятя Петрона.

Монеты императора Теофила въ Херсонесѣ не найдено, но встрѣтились одновременныя монеты эмира тагеридскаго Абдуллаха (823—855).

Михаиль III (842—867).

Къ царствованію императора Михаила относится надгробная плита, помѣченная 851 г., въ которой жена нѣкоего Антонія «проситъ о молитвѣ за блаженнаго». Надпись эта, говоритъ Юргевичъ, доказываетъ совершенный упадокъ греческой ортографіи въ Херсонесѣ, который представлялъ въ эту эпоху «глухой, запущенный городъ, своего рода крѣпость и мѣсто ссылки». Епископомъ былъ тамъ Георгій II.

Святые
Кирилль
и Меводій.

Въ январѣ (30-го или 26-го) 861 г. (856, 858, 860, 862) въ Херсонесъ пріѣхали братья Кирилль (Константинъ) философъ и Меводій, посланные патриархомъ константинопольскимъ Фотіемъ (другіе называютъ св. Игнатія) для проповѣди Евангелія хазарамъ. Кирилль и Меводій остались въ Херсонесѣ нѣкоторое время (по сообщенію одного изслѣдователя болѣе 2-хъ лѣтъ, но такое долгое пребываніе въ Херсонесѣ не выдерживаетъ, по мнѣнію В. И. Ламанскаго, критики). Въ Херсонесѣ Кирилль и Меводій обучились

¹⁾ Свѣдѣнія эти сообщаетъ исключительно Миней Четъя. Въ „Русскихъ Древностяхъ“ (IV, 9) императоръ Теофилъ ошибочно называется Теофаномъ. Преподобнаго Іосифа пѣснопѣвца, пострадавшаго при Теофилѣ, не слѣдуетъ смѣшивать съ одноименнымъ святымъ Іосифомъ, также пѣснопѣвцемъ, братомъ св. Теодора Студита, скончавшагося, какъ значится у Болландистовъ, въ 824 г.

сарматскому и славянскому языкамъ. Сохранилось преданіе, «вполнѣ правдоподобное», что Кириллъ выучился въ Херсонесѣ и хазарскому языку. Въ біографіи св. Кирилла есть мѣсто, которое иные считаютъ, впрочемъ, позднѣйшей вставкой, гдѣ говорится, что онъ въ Херсонесѣ «обрѣтъ евангеліи и псалтири, роушкыми письмены писано и челоуѣка обрѣтъ, глаголюща тоу бесѣдоу и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи приѣмъ своей бесѣдѣ, прикладая различіи письменъ. Вьскорѣ начять чисти и сказовати и мнози ся ему дивляху». Этотъ руссъ, научившій Кирилла своему языку, можетъ быть, случайно находился въ Херсонесѣ (городѣ, называвшемся у русскихъ—Корсунъ), а можетъ быть, принадлежалъ къ числу постоянно проживающихъ въ Херсонесѣ пришельцевъ варяго-русовъ, коихъ въ эту эпоху было въ Херсонесѣ много. «Россій» же языкъ, которому научился Кириллъ въ Херсонесѣ, былъ, по предположенію Пастрика, языкъ германскихъ росовъ или варинговъ (варяговъ), основателей русскаго государства. Въ одномъ хронографѣ XV-го вѣка значится, что грамота русская «явилася въ Корсунѣ русину, отъ него же научися философъ Константинъ».

Шафарикъ, а за нимъ и Васильевскій полагали, что подъ евангеліемъ съ русскими письменами, видѣнными Кирилломъ въ Херсонесѣ, имѣется въ виду извѣстный готскій переводъ евангелія и псалтыря епископа Ульфилы. Того же мнѣнія о готской библии держится и Мальшевскій. Это «странное» отождествленіе русскихъ и готскихъ письменъ совершенно однако, опровергается Ламанскимъ.

Вообще же извѣстіе объ этомъ русскомъ евангеліи есть, по словамъ Григоровича, сказаніе западныхъ славянъ. По мнѣнію названнаго изслѣдователя, Кириллъ научился въ Херсонесѣ глаголическому письму.

Въ Херсонесѣ Кириллъ могъ, во всякомъ случаѣ, познакомиться и съ готскими рунами. Здѣсь же, по словамъ одного житія, онъ «научился жидовстѣй бесѣды и книгамъ» и перевелъ 8 частей грамматики, «неизвѣстно съ какого и на какой языкъ и для кого», замѣчаетъ критикъ. По мнѣнію же Ламанскаго—съ еврейскаго. Въ Херсонесѣ, говоритъ изслѣдователь, была возможность ближе ознакомиться съ еврейскимъ языкомъ, потому что здѣсь, какъ и въ другихъ торговыхъ городахъ сѣверо-черноморскаго побережья, издавна проживало не мало евреевъ. Одновременно Кириллъ научился также

языку «самарянскому», при помощи нѣкоего, проживавшаго въ Херсонесѣ самарянина, котораго, а равно и сына его, Кирилль обратилъ въ христіанство. «Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль научиться двумъ семитическимъ, двумъ германскимъ и одному тюркскому языкамъ, изъ нихъ двумъ мертвымъ и двумъ новымъ—подвигъ, непосильный никакому гениальному человѣку, безъ допущенія тутъ чуда», замѣчаетъ изслѣдователь.

Въ 862 г. (9 марта или 30 декабря) въ бытность свою въ Херсонесѣ, Кириллу удалось отыскать мощи св. Климента. Описание этого событія составило предметъ особаго письменнаго сочиненія Кирилла на греческомъ языкѣ, извѣстнаго въ славянской письменности въ переводномъ «словѣ» объ обрѣтеніи мощей преславнаго Климента. Слово это сказано было Кирилломъ въ день памяти обрѣтенія, 30 января, и, какъ замѣчаетъ Голубинскій, вѣроятно, въ Константинополь, но не въ Херсонесѣ. Другіе же изслѣдователи сомнѣваются въ принадлежности этого слова св. Кириллу и полагаютъ, что оно принадлежитъ какому либо жителю города Херсонеса и произнесено именно въ этомъ городѣ.

Въ такъ называемой итальянской легендѣ о перенесеніи мощей св. Климента разсказывается, что Кирилль допытывался у жителей Херсонеса, гдѣ погребенъ Климентъ и гдѣ былъ по сосѣдству на взморьѣ древній храмъ этого святаго, но жители ничего не могли ему сказать, ссылаясь на то, что они не уроженцы города, а всѣ пришельцы отъ разныхъ народовъ. Къ тому же, Херсонесъ много пострадалъ отъ частыхъ вторженій варваровъ, вслѣдствіе чего не только запустѣли окрестности города, но и большая часть той страны была опустошена и сдѣлалась необитаемою. Божественное откровеніе указало затѣмъ Кириллу мѣсто мощей Климента. И вотъ, повѣствуютъ авторы Русскихъ Древностей, вступивши въ корабль, пускаются въ дорогу философъ съ епископомъ и клиромъ. Плыва съ молитвами, они прибыли къ острову, на которомъ, полагали, находилось тѣло святаго мученика. При блескѣ свѣтильниковъ, обходя островъ повсюду, стали рыть старательно, и въ холмѣ надъ развалинами мощи были найдены и при нихъ самый якорь, съ которымъ мученикъ былъ брошенъ въ Понтъ. Тогда святой мужъ, неся надъ головой ковчегъ съ мощами, въ сопровожденіи большой толпы, отнесъ его къ кораблю, а затѣмъ перевезъ съ пѣснопѣніями

въ метрополию. Когда они приближались къ городу, правитель его вышелъ на встрѣчу. Мощи положили въ церковь св. Созонта, которая была близъ города, затѣмъ отнесли въ церковь св. Леонтія, а отсюда, взявши ковчегъ со святыми мощами, обошли городъ и пришедши къ главной церкви, положили въ ней съ честью».

Графъ И. Толстой и Н. П. Кондаковъ полагаютъ, что мощи св. Климента найдены были, согласно вышеприведенному повѣствованію, на маленькомъ островкѣ въ Казачьей бухтѣ, въ 12 верстахъ отъ Херсонеса.

По другому разсказу, обрѣтеніе мощей св. Климента произошло въ 867 г. при такихъ обстоятельствахъ: нѣкій Филиппъ изъ Херсонеса прибылъ въ Римъ и разсказалъ Льву, епископу Остіи, что храмъ, въ которомъ былъ погребенъ св. Климентъ, подвергся разрушенію, а гробъ съ тѣломъ святого унесенъ моремъ. Тогда Георгій II, епископъ херсонесскій, во главѣ крестнаго хода, произвелъ раскопку и нашелъ тѣло святого, вмѣстѣ съ якоремъ, съ которымъ св. Климентъ былъ брошенъ въ море. Наконецъ, въ житіи св. Климента разсказывается, что святые Меводій и Константинъ, прибывъ въ Херсонесъ, уговорили епископа Георгія искать мощи св. Климента. Георгій сначала отправился въ Константинополь испросить разрѣшеніе императора и благословеніе патріарха. «Царь же и патріархъ послаша съ нимъ (въ Херсонесъ) мужи нарочитые и весь клиросъ святыя Софіи». Затѣмъ, ночью, море чудодѣйственно отступило и обнаружило храмъ съ мощами св. Климента. Онѣ были внесены на корабль и положены въ городѣ «въ церкви апостольстѣй».

Въ такъ называемомъ паннонскомъ житіи св. Кирилла повѣствуется, что во время пребыванія его въ Херсонесѣ, къ одному изъ близкихъ къ Херсонесу христіанскому городу (въ которомъ иные изслѣдователи видятъ Сурожъ) подошелъ хазарскій воевода съ войскомъ и началъ осаду. Но Кириллъ вышелъ къ нему съ дружиной и убѣдилъ его креститься. Хазары удалились, не сдѣлавъ вреда городу. На обратномъ же пути въ Херсонесъ на Кирилла напали угры, но и ихъ ему удалось успокоить, и они пропустили его съ дружиною обратно въ городъ.

Вскорѣ послѣ этого Кириллъ и Меводій покинули Херсонесъ и отправились черезъ соседнюю фульскую область въ Хазарію (по направленію къ Азовскому морю). Преданіе гла-

ситъ, что братья взяли съ собой часть мощей св. Климента. Цѣль этой поѣздки была проповѣдывать евангеліе у хазаръ. Въ Фуллахъ, или у хазаръ, Кириллъ, по свидѣтельству церковнаго историка, срубилъ большой священный дубъ хазаръ. По инымъ же свѣдѣніямъ, св. Кириллъ помогъ Херсонесу освободиться отъ владычества хазаръ и выдержать ихъ осаду. У хазаръ Кириллъ и Меѳодій оставили священниковъ, пришедшихъ съ ними изъ Херсонеса, куда сами возвратились съ благодарственнымъ письмомъ отъ хагана къ греческому императору. Въ эпоху поѣздки св. Кирилла въ Хазарію, патриархъ Фотій сослалъ въ Херсонесъ Митрофана, предстоятеля смирской епархіи, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

Церковная лѣтопись повѣствуетъ, что послѣ проповѣди св. св. Константина и Меѳодія «не малая часть хазаръ Христову вѣру пріяше: содружишася съ херсоняны и навыкоша отъ нихъ добрымъ нравомъ и честному христіаномъ подобающему житію и вселяхуся въ греки въ Таврицѣ и Херсонѣ, чесо ради нѣщии отъ космографовъ и Таврику и Херсонъ Хазарію или Козарію нарекоша, яко казары съ греки тамо смѣсишася». Христіанская община въ Хазаріи первоначально подчинена была херсонесскому епископу и получаетъ своего отдѣльнаго епископа впервые при патриархѣ Николаѣ Мистикѣ (901—915).

На возвратномъ пути въ Константинополь, Кириллъ и Меѳодій опять прошли черезъ Фуллы. (По одному свидѣтельству, въ это именно второе посѣщеніе фулльской области и былъ срубленъ священный дубъ). Затѣмъ братья снова были въ Херсонесѣ, гдѣ Кириллъ предсказалъ близкую смерть херсонесскаго епископа. Ужиная съ нимъ, Кириллъ попросилъ епископа сотворить ему молитву, какъ бы его отецъ сотворилъ ему, и затѣмъ сказалъ окружающимъ: «во истину ютрѣ отидеть отъ насъ къ Богу». Епископъ дѣйствительно умеръ на слѣдующій день.

По мнѣнію Ламанскаго, Кириллъ и Меѳодій посланы были проповѣдывать христіанство не въ Хазарію, а въ Россію, и отправились они въ Кіевъ. Херсонесъ съ начала VIII-го и до половины IX-го вѣка является, по словамъ историка, передовымъ постомъ византійской культуры и промышленности, а относительно Россіи Херсонесъ въ эту эпоху начинаетъ играть, выражаясь словами Будиловича, «роль культурнаго моста между Византійей и Русью». Херсонесъ могъ быть, по

замѣчанію историка, названъ, такъ сказать, самымъ преддверіемъ Руси, ибо хотя былъ не особенно близокъ къ ней, но составлялъ тогда для нея почти такой же неизбѣжный и такой же знакомый рынокъ, какой для нашихъ деревень составляютъ ближайшіе къ нимъ города, такъ какъ въ Херсонесѣ русскіе пріобрѣтали для себя всѣ произведенія европейско-азиатской цивилизованной промышленности. Изъ Херсонеса во времена древнихъ предковъ нашихъ былъ путь черезъ Россію къ варягамъ, а отъ варяговъ до Европы—моремъ.

Въ 867 г., простившись съ херсонесскимъ духовенствомъ, Кириллъ и Меѳодій отплыли въ Константинополь. Они увезли съ собою часть мощей св. Климента, которыя позднѣе доставили въ Римъ.

О пребываніи въ Херсонесѣ святыхъ Кирилла и Меѳодія уже въ концѣ IX-го вѣка составлено было въ Херсонесѣ, по увѣренію профессора Воронова, письменное повѣствованіе, пользовавшееся впослѣдствіи извѣстностью.

Въ концѣ царствованія императора Михаила III возобновилась въ Херсонесѣ чеканка монетъ, прерванная съ начала VII-го вѣка, со временъ императора Маврикія.

Въ Херсонесѣ попадаются довольно часто монеты съ изображеніями Михаила III и Василя I (866—867). Встрѣчены также и серебряныя монеты этой эпохи, халифовъ династїи Аббасидовъ Мутевеккила (853—857), Мутеса (867) и эмира тагеридскаго Мухамеда (860—870).

Василій I (867 — 868). Василій I и Константинъ VI (868—886).

Въ 868 г., св.св. Кириллъ и Меѳодій привезли въ Римъ мощи св. Климента. Папа Адрианъ II устроилъ торжественную встрѣчу мощамъ и Кириллу, «изыде самъ противу ему со всѣми гражданы, свѣща несуще» и помѣстилъ мощи въ церкви св. Марїи дель Фонте въ Римѣ, а по другимъ источникамъ въ церкви св. Климента, недалеко отъ Флавіанскаго театра, на мѣстѣ, гдѣ, какъ гласитъ преданіе, стоялъ домъ отца св. Климента. Татищевъ же замѣчаетъ, что «понеже въ Кіевѣ упоминается токмо глава Климентова, то можно вѣрить, что въ Римъ отвезено тѣло безъ главы», если только греки «не плутали; да и паписты вымышлять не скупы!»

Въ 869 г. упоминается въ Херсонесѣ все тотъ же епископъ Георгій II, послѣ котораго епископомъ былъ Павелъ.

Около 870 г. вблизи Херсонеса проживалъ въ ссылкѣ епископъ смиренскій Митрофанъ. Сохранилось письмо извѣстнаго ученаго Анастасія, ватиканскаго бібліотекаря, къ епископу велетрійскому Гаудеріку, въ которомъ Анастасій, со словъ Митрофана, передаетъ подробности о пребываніи въ Херсонесѣ св. Климента.

Въ эту эпоху хазарь начинаютъ сильно тѣснить печенѣги, которые къ началу X-го столѣтія передвинулись и сильно укрѣпились между рѣками Дономъ и Дунаемъ и Чернымъ моремъ.

Въ Херсонесѣ весьма часто встрѣчаются монеты Василія I. При этомъ императоръ въ городѣ чеканилась мѣдная монета съ монограммами императора и города Херсонеса и съ крестомъ. Онѣ встрѣчаются въ большомъ количествѣ. Такъ, съ 1890 по 1902 гг. (т.-е. за 13 лѣтъ) ихъ найдено свыше 700. Эта херсонесская монета выпускалась со времени Василія I до Василія II и Константина съ нѣкоторыми перерывами, не чеканная, а литая въ самой грубой формѣ. Выдѣлана она, по словамъ К. К. Косцюшко-Валюжинича, несомнѣнно на мѣстѣ. Эта монета, говоритъ Косцюшко, вытѣсняетъ всякую другую и прямо поражаетъ своимъ обиліемъ, тогда какъ византійскихъ монетъ встрѣчается вообще мало.

Часто встрѣчаются также монеты Василія I и сына его Константина VI. Въ числѣ прочихъ попалось и нѣсколько золотыхъ монетъ этихъ императоровъ.

Левъ VI (886—912).

Во время несчастной войны, которую Левъ VI велъ съ болгарами, херсонесцы воспользовались затруднительнымъ положеніемъ императора и въ 891 г. (или 892) возстали противъ него и умертвили императорскаго правителя, стратега Симеона, сына Іоны. По догадкѣ одного изслѣдователя, херсонесцы послали Льву VI во время его войны съ болгарами, вспомогательное войско подъ начальствомъ этого Симеона, но послѣдній дурно управлялъ своимъ войскомъ и война закончилась пораженіемъ его. Тогда херсонесцы умертвили Симеона. Въ уставѣ императора Льва Херсонесъ упо-

минается въ числѣ епархій сарматской провинці Зихіи (Чихіи).

При императорѣ Львѣ VI въ Херсонесѣ чеканилась мѣдная монета съ бюстомъ императора и крестомъ. Она часто попадаетъ при раскопкахъ; также и свинцовыя монеты этого царствованія. Извѣстенъ, какъ большая рѣдкость, экземпляръ серебряной монеты Льва VI; встрѣтилась и золотая монета этого царствованія. Попадаютъ довольно часто, какъ мѣдныя, такъ и свинцовыя монеты Льва VI и брата его Александра.

Къ IX-му вѣку относится, повидимому, и мозаичный полъ небольшого храма, открытый въ Херсонесѣ въ 1889 г. На мозаикѣ изображены византійскіе рисунки: птицы, виноградъ, листья и т. п.

Александръ (911—919).

Къ царствованію императора Александра относится письмо патріарха Николая Мистика (912—921), написанное во время его вторичнаго патріархата и адресованное къ епископу херсонесскому. Въ этомъ письмѣ патріархъ хвалитъ епископа за его заботы о просвѣщеніи свѣтомъ христіанства какого-то народа «обманутаго и едва не уловленнаго злымъ демономъ изъ нѣдръ благочестія». Патріархъ предлагаетъ епископу Херсонеса избрать достойное лицо въ епископы для этого народа и прислать его въ Константинополь для просвѣщенія. По предположенію Ю. А. Кулаковскаго, рѣчь идетъ объ аланахъ.

При императорѣ Александрѣ мѣдныя монеты, чеканенныя для Херсонеса, носятъ только монограммы. При раскопкахъ попадаютъ довольно часто какъ мѣдныя монеты этого царствованія, такъ и свинцовыя. Кѣне предполагалъ, что эти свинцовыя монеты чеканились во время болгарской войны по необходимости, за недостаткомъ въ Херсонесѣ мѣди.

Романъ I (919—945).

Въ 934 г. угры воевали съ Царьградомъ, причемъ ими взята была крѣпость Беленджеръ (Беленджеръ, Болонджоръ). Нѣкоторые изслѣдователи полагали, что эта крѣпость находилась въ херсонесской области, но это, повидимому, неправильно.

Въ 944 г. херсонесцы послали гонца къ императору съ вѣстью, что «се идутъ Русь безъ числа корабль; покрыли суть море корабли». Это была извѣстная экспедиція князя Игоря на Византію, кончившаяся тяжелымъ для Игоря договоромъ 945 г., по коему русскій князь, между прочимъ, обязался въ самостоятельной статьѣ «о корсунстѣй странѣ» не тревожить жителей Херсонеса и принадлежащихъ этой колоніи городовъ и защищать «власть корсунскую и елико есть городовъ» подъ этой властью отъ набѣговъ загадочныхъ черныхъ болгаръ или голбаръ. «А о сихъ, оже то приходятъ чернїи болгаре и воюють въ странѣ корсунстѣй и велимъ князю рускому да ихъ не поусчаеть пакостить странѣ той». Въ запрещенїи князьямъ русскимъ воевать корсунскую страну историки усматриваютъ слѣдъ очень стараго договора грековъ съ русскими, или скивами, относящагося чуть ли не до времени царя Миридата и Діофанта. Что касается черныхъ болгаръ, то они представляли, повидимому, для херсонесскихъ владѣній не меньшую опасность, чѣмъ русь. Вопросъ о черныхъ болгарахъ и ихъ вторженїяхъ въ херсонесскїя владѣнія представляется запутаннымъ, говоритъ Ламанскій, по причинѣ разночтенїй лѣтописей и отсутствїя точныхъ указанїй на географическое положеніе Черной Болгарїи. По опредѣленїю названнаго ученаго, Черная Болгарїя—это восточная часть древней Болгарїи, населенная преимущественно гунно-болгарскими племенами котраговъ или кутургуровъ и прилегающая къ низовьямъ рѣкъ Волги и Кубани. До 945 г. Черная Болгарїя состояла подъ властью русскаго князя.

Въ договорѣ Игоря говорится также: «аще обрящутъ русь корсуняны рыбы ловяци въ устьѣ Днѣпра, да не творятъ имъ зла никоего же». По предположенїю историка, устья Днѣпра представляли такое изобилїе рыбы, что херсонесцы возбудили зависть варяго-руссавъ, вслѣдствїе чего Византіи пришлось включить въ договоръ специальный пунктъ, защищающій права Херсонеса на эту ловлю. Пришлось предусматривать безпрестанныя стычки херсонесцевъ съ русскими рыболовами.

Арабскій писатель Масъ-Уди († 947) упоминаетъ, между прочимъ, о существовавшемъ въ его время на берегу Понта городѣ Моснатѣ, въ которомъ греки отбивались отъ нападенїй русскихъ флотилїй и другихъ народовъ. Куникъ предполагалъ, что подъ именемъ Мосната могъ значиться Херсонесъ.

Къ царствованію Романа I относится, судя по монетамъ, найденнымъ подъ алтарной плитой, большая базилика, открытая въ Херсонесѣ графомъ А. С. Уваровымъ, съ прекраснымъ мозаичнымъ поломъ, перенесеннымъ въ Императорскій Эрмитажъ. На мраморныхъ колоннахъ храма начертаны были имена гражданъ, сдѣлавшихъ пожертвованія на возведеніе этихъ колоннъ.

При Романѣ I для Херсонеса чеканились мѣдныя монеты, на которыхъ помѣщена монограмма императора въ видѣ якоря. Монеты Романа I попадаютъ въ раскопкахъ Херсонеса въ большомъ изобиліи. Такъ, съ 1890 по 1902 г. ихъ найдено свыше тысячи. Найдена также и одновременная серебряная монета халифа династіи Аббасидовъ Муктедира (922 г.). Возможно, замѣчаетъ академикъ Фрэнъ, что монета эта привезена была сначала на Волгу извѣстнымъ посольствомъ Ибнъ-Фоцлана къ болгарамъ, а оттуда занесена купцами или хазарами въ Херсонесъ.

Константинъ VIII Багрянородный (945—959).

Этотъ императоръ посвятилъ Херсонесу особую главу (последнюю, 53-ю) своего извѣстнаго сочиненія о народахъ, писаннаго въ видѣ наставленія сыну своему Роману II и извѣстное подъ названіемъ «*De administrando imperio*». Отъ названной главы уцѣлѣли, къ сожалѣнію, только части. О способахъ управленія Херсонесомъ говорится также и въ другомъ сочиненіи этого вѣнценоснаго писателя «*О вемахъ*». Къ сожалѣнію, до насъ дошелъ лишь отрывокъ главы (двѣнадцатой) этого второго сочиненія, которая была посвящена Херсонесу.

Какъ мы видѣли, Херсонесъ со времени императора Теофила стоялъ во главѣ провинціи (вемы), коей городъ придалъ свое имя. Это была двѣнадцатая вема имперіи; ей принадлежала и вся босфорская область. Константинъ Багрянородный говоритъ, что границей Херсонеса и Босфора служилъ знаменитый валъ Асандра, но это, по мнѣнію Ласкина, ошибочно. Херсонесская вема обнимала всю южную часть Крыма съ городами и поселеніями, каковая мѣстность носила, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, названіе «Климаты». Согласно описанію Константина Багрянороднаго «между Херсонесомъ и

Босфоромъ разстояніе 300 миль; тутъ лежатъ города Климатовъ».

Херсонесъ въ это время составлялъ предметъ особой заботливости для византійскихъ императоровъ, старавшихся удержать этотъ сѣверный пограничный пунктъ имперіи за собой. Изъ книги Константина VІІІ видно, насколько озабочивало императоровъ процвѣтаніе Херсонеса. Константинъ рекомендуетъ настойчиво сохранять власть надъ этимъ городомъ и способствовать его торговой дѣятельности. Императоръ совѣтуетъ также снискать себѣ дружбу херсонесцевъ, обмѣниваться съ городомъ посольствами, посылать туда агентовъ и осыпать городъ щедротами. При Константинѣ VІІІ постоянного византійскаго гарнизона въ Херсонесѣ не было, а городъ для своей защиты нанималъ войско изъ сосѣднихъ печенѣговъ, алановъ и хазарь.

Интересна замѣтка императора Константина Порфиророднаго о томъ, какъ слѣдуетъ поступить въ случаѣ возмущенія херсонесцевъ или неповиновенія ихъ власти императора. Въ такомъ случаѣ, какъ только дойдетъ до Константинополя вѣсть о возмущеніи, слѣдуетъ захватить сколько возможно херсонесскихъ кораблей, находящихся близъ Константинополя, и, конфисковавъ ихъ грузъ, возвратитъ ихъ въ городъ. Находящіеся на корабляхъ матросы и пассажиры должны быть закованы и посажены въ темницы. Затѣмъ, немедленно, посылаются три царскихъ чиновника къ побережью Арменіи, Пафлагоніи и «округа Вукелларіевъ», съ цѣлью захватить возможно большее число херсонесскихъ торговыхъ кораблей, которые всѣ съ ихъ грузами также доставляются въ Константинополь. Экипажъ и пассажировъ сковываютъ и сажаютъ въ общественныя тюрьмы. Кромѣ того, эти царскіе чиновники наблюдаютъ, чтобы въ Херсонесъ не отправлялись корабли изъ Пафлагоніи, Вукелларіи и окраинъ Понта, дабы пресѣчь доставленіе городу хлѣба, вина и вообще какихъ либо припасовъ или предметовъ. Наконецъ, стратегу предписывается уменьшить на 10 литровъ отпускаемое Херсонесу изъ государственныхъ доходовъ содержаніе и уменьшить на 2 литра сумму, получаемую городомъ Херсонесомъ изъ Константинополя, «по условію». По исполненіи всего этого, императорскій стратегъ долженъ выѣхать изъ Херсонеса и поселиться въ другомъ мѣстѣ.

Въ отношеніи церковнаго устройства Херсонесъ принад-

лежалъ, какъ было сказано, къ епархіи Зихіи (Чихіи), но самъ служилъ мѣстопробываніемъ архіепископа, занимавшаго степень двадцать четвертаго въ имперіи. Его епископія граничила съ архіепископствомъ босфорскимъ. Впослѣдствіи херсонесское архіепископство было понижено на степень 58-го.

Въ теченіе конца IX-го и до середины X-го вѣка, византійскіе источники не даютъ свѣдѣній объ именахъ херсонесскихъ епископовъ. По словамъ же одного изслѣдователя, Каффа и Херсонесъ въ это время подпали подъ власть Рима и жители города стали католиками.

Въ Херсонесѣ и его окрестностяхъ было много церквей. Вообще древнія херсонесскія церкви представляютъ три главные типа: 1) обширныя базилики; это древнѣйшія произведенія церковнаго зодчества въ Херсонесѣ; 2) церкви меньшихъ размѣровъ, съ четырёхугольнымъ, почти квадратнымъ фундаментомъ, и 3) маленькія пещерныя церкви, высѣченныя въ скалахъ, съ небольшимъ помѣщеніемъ для алтаря и углубленіями въ боковыхъ стѣнахъ для погребеній. Большинство церквей въ Херсонесѣ было небольшихъ размѣровъ. Онѣ были богаты и изящно украшались драгоценностями, мраморомъ и мозаикой. Для постройки ихъ нерѣдко употребляли колонны и части прежнихъ языческихъ храмовъ. Мы уже упоминали о разныхъ, встрѣченныхъ при раскопкахъ, мраморныхъ колоннахъ, алтарныхъ преградахъ съ высѣченными на нихъ изображеніями, мозаиками и т. п.

Въ Херсонесѣ, какъ мы видѣли, постоянно выкапываются предметы религіознаго культа: иконы, кресты, мощехранилицы, кадила.

Торговое значеніе Херсонеса было по прежнему очень велико. Городъ велъ обширную правильную торговлю съ Греціей, Сиціей, Русью, портами Чернаго моря, хазарами и всѣмъ мусульманскимъ міромъ, неизмѣнно служа посредникомъ между Азіей и сѣверной Европой.

Въ Херсонесѣ по прежнему стекались всевозможные товары. Главными предметами торговли были скоть и медъ. Далѣе — ювелирныя издѣлія, разныя украшенія, пурпуровая одежда, дорогія матеріи, рѣдкія восточныя ткани и сукна, шелковые и льняные пояса, нашивки, заплата, мѣха и мѣховыя издѣлія, кожи барсовыя и пурпурныя, закуски, перецъ. Изъ Херсонеса вывозили и предметы церковной утвари. Императоръ

Константинъ VIII упоминаетъ, между прочимъ, и о пафлагонскихъ корабляхъ, которые привозили въ Херсонесъ, кромѣ другихъ товаровъ, вино и хлѣбъ, что заставляетъ предполагать постоянный торговый обмѣнъ между Херсонесомъ и пафлагонскими портами. Въ самомъ Херсонесѣ выдѣлывалась особая глиняная посуда съ поливою, украшенная различными цвѣтными изображеніями. Техника этой посуды «съ металлическимъ блескомъ» достигала иногда высокаго развитія. На изображеніяхъ наблюдается, по словамъ академика Кондакова, сліяніе византійскаго и восточнаго искусства. Херсонесскія глиняныя блюда во многомъ аналогичны съ персидскими. Эта посуда носитъ разныя христіанскія монограммы, кресты и византійскую орнаментику. Вообще въ этомъ херсонесскомъ дѣлѣ было «на половину столько же греческаго, сколько и восточныхъ элементовъ».

Точно также и бронзовыя акваманилы (рукомойники) церковнаго употребленія, въ видѣ грифовъ, львовъ, всадниковъ и т. д., найденные въ Кіевѣ, вывозились на Русь изъ Херсонеса, вмѣстѣ съ колоколами и прочею церковною утварью. Изъ Херсонеса вывозили и «корсунскіе» складные кресты—тѣльники, издѣлія VIII—XII вв. Иные изъ нихъ украшены серебряною инкрустаціею. «Множество тѣльныхъ крестиковъ X—XII стол., встрѣчаемыхъ въ кладахъ, въ ризницахъ Россіи и въ собраніяхъ, выдѣланные изъ различныхъ яшмъ, серпентина, въ золотой сканной оправѣ, также навѣрно, происходятъ изъ Херсонеса». Между прочимъ, всѣ извѣстныя своимъ грубымъ стилемъ массивныя мѣдныя кадила съ фигурами, находимыя на берегахъ Крыма, въ Θεодосіи, Судакѣ, Керчи и вообще по берегамъ Чернаго моря, были, по мнѣнію Кондакова, херсонесскими издѣліями.

Неизмѣнный важный предметъ торговли Херсонеса доставляла значительная рыбная ловля, производимая городомъ. Большую роль продолжала играть и соленая рыба. Соль, какъ мы видѣли, добывалась горожанами изъ гавани и озеръ, лежавшихъ за городомъ. Отъ Диѳпра до Херсонеса, говоритъ Константинъ Багрянородный, триста миль. По срединѣ находятся гавань и озера, въ которыхъ херсонесцы добываютъ соль. Исслѣдователи признаютъ эти озера въ нынѣшнихъ Геническихъ и Сивашѣ. Дѣятельная торговля происходила и съ сосѣдними печенѣгами, служившими посредниками между Херсонесомъ и сѣверными народностями.

Если бы херсонесцы, говорить императоръ Константинъ, не служили византійской имперіи, не ѣздили бы въ Константинополь для торга виномъ и кожами, которыя они добываютъ у печенѣговъ, и не получали бы произведеній изъ Амиса, Пафлагоніи, Вукелларіи и мѣсть, сосѣднихъ съ Арменіей—то херсонесцы не могли бы существовать.

Константинъ, между прочими, описываетъ окрестности Херсонеса и упоминаетъ о большомъ валѣ и каналѣ, пересѣкавшемъ всю сѣверную часть крымскаго полуострова. «Поперекъ Херсона, Климатовъ и Босфора, отъ Понта до Азовскаго моря, на разстояніи 1000 и болѣе миль, по этому каналу древніе переплывали море». Но, съ теченіемъ времени, каналъ засыпался и обросъ густымъ лѣсомъ, такъ что служить защитой Херсонесу это укрѣпленіе уже не могло. Теперь, замѣчаетъ Константинъ Багрянородный, существуютъ черезъ этотъ лѣсъ только двѣ дороги, по которымъ печенѣги отправляются въ Херсонесъ, Босфоръ и Климаты. Въ эту же эпоху есть упоминаніе о владѣніяхъ херсонесцевъ на устьяхъ Днѣпра, гдѣ у нихъ были города и гавани.

Въ это время непосредственными сосѣдями херсонесскихъ владѣній сдѣлались печенѣги, которые вытѣснили хазарь. Часть печенѣговъ поселилась по близости отъ Херсонеса, къ востоку отъ города, и окружила херсонесскія владѣнія со всѣхъ сторонъ. Печенѣги занимались хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и торговлею, а главнымъ образомъ совершали разбойничьи набѣги на сосѣднія русскія и византійскія владѣнія. Печенѣги слыли за отчаянный, дикій и вѣроломный народъ и составляли страшное и безпокойное сосѣдство для прилегающихъ городовъ. Они наводили страхъ и на Херсонесъ. Императоръ Константинъ пишетъ, что печенѣги находились въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ херсонесцами и поступали на службу, какъ къ херсонесцамъ, такъ и къ другимъ народамъ. Оплата ихъ комиссіонерскаго труда и службы производилась натурою, разными арабскими и палестинскими продуктами, нужными печенѣгамъ, смотря по тому, по какимъ условіямъ каждый херсонесець договариваетъ печенѣга. Будучи свободны и автономны, эти печенѣги не оказываютъ никакой услуги безъ платы. Константинъ совѣтуетъ всячески оберегать добрыя отношенія съ печенѣгами, а равно и съ аланами, такъ какъ эти народы, кочующіе близъ Херсонеса, могутъ оказать городу большую помощь въ защитѣ

окраинъ имперіи отъ хазаръ. Дружба съ этими варварами была для византійскихъ императоровъ безцѣнна еще и потому, что печенѣги служили въ Византіи вольнонаемными солдатами. Посему Константинъ наставляеть жить съ печенѣгами въ миру. Наоборотъ, вражда съ печенѣгами крайне опасна для имперіи. Варварамъ было легко вторгнуться въ херсонесскую область, совершенно разрушить и обезлюдить самый городъ Херсонесъ и Климаты и нанести Византіи неисчислимое зло.

Но не легко было Херсонесу постоянно держаться въ миру и въ дружбѣ съ такимъ сосѣдомъ и ограждать отъ печенѣговъ свою торговлю и области. Въ этихъ дипломатическихъ отношеніяхъ Херсонесу всячески помогали византійскіе императоры. Для поддержанія мира съ печенѣгами, Константинъ рекомендуетъ ежегодно посылать къ нимъ чиновника съ подарками и почестями «достойными императора». Въ особой главѣ, по адресу «посланниковъ царскихъ, отправляющихся изъ Херсонеса къ царю хазаръ, главѣ печенѣговъ или князю русскому», Константинъ подробно описываетъ, что долженъ дѣлать такой царскій чиновникъ. Мѣстомъ переговоровъ между Византіей и печенѣгами служилъ Херсонесъ. Посему царскій чиновникъ, по пріѣздѣ сюда, долженъ прежде всего заручиться заложниками отъ печенѣговъ и оставить ихъ въ Херсонесѣ подъ стражей, какъ ручательство за безопасность императорскихъ пословъ. Во время всего его посольства, царскаго чиновника будутъ осаждать просьбами о подаркахъ, такъ что и по возвращеніи въ Херсонесъ тѣ печенѣги, которые были къ нему приставлены для охраны на обратномъ пути, «требуютъ отъ него вознагражденія за трудъ свой и коней своихъ».

Впрочемъ, заѣздъ царскаго посланника къ печенѣгамъ въ Херсонесъ не обязателенъ. Константинъ говоритъ, что посольство можетъ прямо направиться въ устья Днѣпра и Днѣстра, минуя городъ. Печенѣги служили также посредниками и въ сношеніяхъ Херсонеса съ другими варварами.

Непосредственно за печенѣгами обитали хазары, которые въ эту эпоху жили въ мирѣ съ имперіей и Херсонесомъ. Изобиліе Тавриды, долговременная связь съ цвѣтущими городами Херсонесомъ и Константинополемъ, торговля и мирныя искусства Греціи усыпили, по замѣчанію историка, воинственный духъ въ хазарахъ. Но императоръ Константинъ ихъ все-таки боится. Онъ посвящаетъ особую главу тому случаю,

когда хазары, возымѣвъ враждебные замыслы противъ императора, направились бы на Херсонесъ. Тогда важную услугу имперіи могутъ оказать аланы, также обитавшіе по сосѣдству съ Херсонесомъ.

Если, говорить Константинъ, «владѣтель Аланіи не находитя въ мирѣ съ хазарами, а предпочитаетъ этому расположеніе императора Византіи», то аланы могутъ сдѣлать много зла хазарамъ, загородивъ имъ путь. Властитель аланъ можетъ парализовать своими набѣгами въ страну хазаръ, на ихъ столицу Саркель, всякія ихъ военныя предпріятія и держать ихъ въ постоянномъ страхѣ, не допуская ихъ до нападенія на Херсонесъ, и принудить ихъ къ миру. «Такимъ путемъ за Херсонесомъ и Климатами будетъ обезпеченъ долгій и прочный миръ».

Монеты Константина VIII встрѣчаются въ развалинахъ Херсонеса часто. Въ это царствованіе чеканится для Херсонеса мѣдная монета съ бюстомъ и монограммами Константина, а также и сына его Романа. Послѣднія монеты встрѣчаются въ развалинахъ Херсонеса особенно часто. Встрѣтились и серебряныя монеты этого времени, эмира бувейхидскаго Рукнъ-ель-Даула (949—974).

Романъ II (959—963).

Къ царствованію императора Романа II относятъ Вестбергъ извѣстное событіе, описываемое въ такъ называемыхъ запискахъ готскаго топарха, о которыхъ подробно сказано ниже.

Мѣдныя монеты, чеканенныя при Романѣ II для Херсонеса, носятъ бюстъ императора, монограмму и крестъ. Онѣ встрѣчаются въ Херсонесѣ очень часто. За время съ 1890 по 1902 гг., ихъ найдено свыше 400. Часто попадаются и монеты съ изображеніемъ Романа II и его сына Василія II; также монеты *Василія II и Константина IX* (963).

Никифоръ II Фока (963—969).

Этому императору пришлось вести долгую борьбу съ дикими народами, беспокоившими Херсонесъ: печенѣгами, аланами, хазарами, русскими и черными болгарамъ. Всѣ эти варварскіе народы постоянно нападали на Византію. Импе-

раторы въ отношеніи этихъ племенъ держались, какъ мы видѣли, политики заключать съ ними договоры и, пользуясь ихъ частыми внутренними смутами, вооружать ихъ другъ противъ друга, дабы отвлечь ихъ отъ нападенія на имперію. Договоры съ варварами велись при посредничествѣ Херсонеса.

Калокиръ. Такъ, въ 966 г., императоръ для противодѣйствія болгарамъ, обратился за помощію къ русскому князю Святославу. Для этой цѣли Никифоръ Фока, по словамъ историка Кедрина, избралъ протевона Калокира (Дельфина), сына херсонесскаго начальника, возвелъ его въ санъ патриція и отправилъ къ князю руссовъ, съ порученіемъ склонить его къ нападенію на Болгарію. Иные историки называютъ Калокира «сыномъ тогдашняго верховнаго магистрата Херсонеса». Калокиръ, облеченный, по инымъ свѣдѣніямъ, «титоломъ и властью катапана», хорошо зналъ обычай варваровъ, съ которыми Херсонесу приходилось быть въ сношеніяхъ, такъ какъ Херсонесъ постоянно служилъ, какъ мы видѣли, мѣстомъ отправленія для греческихъ посольствъ на сѣверъ. Что касается русскихъ, то, по замѣчанію Томашека, они были хорошо знакомы херсонесцамъ и не разъ уже ограбляли поселенія этого города.

Историкъ такъ возстановляетъ посольство Калокира въ Кіевъ: онъ выѣхалъ изъ Константинополя со свитой, многочисленной, богатой, блестящей, съ цѣлью поразить варваровъ. Съ нимъ были воины и монахи, священники, писцы и т. п. Взяты были съ собою и громадныя денежныя суммы, до 1500 фунтовъ золота (около 1 милліона рублей). Сначала Калокиръ поѣхалъ въ Херсонесъ, гдѣ, вѣроятно, пробылъ нѣкоторое время у отца, правителя города; потомъ моремъ направился къ устьямъ Днѣпра и поплылъ на баркахъ вверхъ по его теченію черезъ дикія и опасныя печенѣжскія степи. Отъ печенѣговъ пришлось, вѣроятно, отдѣлаться крупнымъ откупомъ за право проѣзда. Далѣе шелъ обычный торговый путь: острова, пороги и т. п.

Между прочимъ, ниже пороговъ находился «Крарійскій перевозъ», гдѣ проходилъ путь изъ Херсонеса въ Кіевъ. Константинъ VIII Багрянородный, описывая обычныя плаванія русскихъ въ Константинополь, говоритъ, что они «доходятъ до такъ называемаго Крарійскаго перевоза, или брода, гдѣ перевозятся херсонесцы изъ Руси и печенѣги въ Херсонесъ». Этотъ перевозъ, служившій обычнымъ путемъ

изъ страны печенѣговъ въ Херсонесъ, находился, по опредѣленію изслѣдователя, на узкомъ мѣстѣ Днѣпра, за мысомъ Кичкасомъ, повыше города Александровска и острова Хортицы (св. Григорія). Здѣсь херсонесскіе купцы, возвращаясь изъ Россіи, переправлялись черезъ рѣку.

Въ X-мъ вѣкѣ, говоритъ профессоръ Кулаковскій, существовала организованная и устроенная переправа ниже пороговъ. «Путь этотъ былъ хорошо извѣстенъ грекамъ и на столько часто посѣщался, что островъ, лежавшій ниже переправы, получилъ христіанское имя. Вѣроятно, тамъ была церковь, или по крайней мѣрѣ часовня, сооруженная почему-то въ честь св. Евверія, которую и поддерживали плававшіе по Днѣпру греческіе купцы». Святой Евверій, какъ мы знаемъ, скончался, согласно церковному преданію, на островѣ въ устьяхъ Днѣпра, въ первой четверти IV-го в.

Въ Кіевѣ Калокіру удалось уговорить Святослава заключить договоръ съ императоромъ, въ силу коего русскій князь обязывался завоевать Болгарію. Походъ начался въ 967 г., но затѣмъ Калокіръ измѣнилъ Византіи и далъ Святославу совѣтъ удержать завоеванную Болгарію для себя. Въ результатѣ произошла извѣстная война Святослава съ Византіей.

Къ царствованію императора Никифора, и именно къ январю мѣсяцу 963 г., относитъ Вестбергъ весьма извѣстное повѣствованіе, такъ называемыя «записки готскаго топарха». Долгое время приурочивали это свидѣтельство къ осадѣ Херсонеса св. Владиміромъ въ 988 г. Въ послѣдніе же годы нѣкоторые историки доказываютъ, что эти помѣтки врядъ ли имѣютъ отношеніе до осады Херсонеса. Куникъ и Васильевскій полагаютъ, что рѣчь въ нихъ идетъ о среднемъ Дунаѣ и о завоеваніи Святославомъ Болгаріи, а П. Н. Милюковъ переноситъ все дѣйствіе, описываемое въ этихъ запискахъ, въ Болгарію и относитъ ихъ къ 893—913 гг.

Записки эти сохранились въ отрывкахъ, писанныхъ на пустыхъ страницахъ сборника духовнаго содержанія. Писалъ ихъ императорскій военачальникъ, защищавшій какой-то городъ, по мнѣнію иныхъ изслѣдователей—Херсонесъ, отъ варваровъ. Содержаніе этихъ записокъ таково:

Непріятели заняли городъ и сначала вселили къ себѣ довѣріе жителей. Но потомъ они стали угнетать горожанъ. Вспыхнуло возстаніе и греки заняли разрушенное укрѣпленіе подъ названіемъ «Климаты». Здѣсь греки продержались до

Записки
готскаго
топарха.

тѣхъ поръ, пока непріятель не покинулъ города и не удался вовсе. Тогда началось новое заселеніе города. Однако жители скоро увидали, что безъ помощи варварскаго князя имъ невозможно обойтись. Они рѣшились подчиниться сосѣднему царю, властвовавшему на сѣверъ отъ Дуная, и съ этою цѣлью послали къ царю автора записокъ. Посольство совершило путешествіе, сопряженное съ большими трудностями, переправилось черезъ Днѣпръ зимою, по льду, и двинулось далѣе, по направленію къ «Маврокастроу», подъ жестокими сѣверными мятелями. Варварскій князь принялъ пословъ хорошо и не только утвердилъ автора записокъ во владѣніи на родинѣ, но поручилъ ему еще управленіе цѣлой сатрапіей въ странѣ варваровъ.

Относятся ли или нѣтъ вышеназванныя записки до исторіи Херсонеса остается спорнымъ и по сей день. Переходъ посольства черезъ Днѣпръ происходилъ, по предположенію Ю. А. Кулаковскаго, по Крарійской переправѣ.

При императорѣ Никифорѣ Фокѣ чеканилась для Херсонеса мѣдная монета съ монограммою императора. Въ развалинахъ Херсонеса эти монеты попадаются часто.

Іоаннъ Цимисхій (969—976).

Этимъ императоромъ заключенъ былъ извѣстный договоръ со Святославомъ въ 971 г., по коему русскій князь обязался охранять херсонесскую область, не покушаться на нее и не позволять кому-либо нападать на Херсонесъ.

При Іоаннѣ Цимисхій чеканилась для Херсонеса мѣдная монета съ монограммами императора. Подобныя монеты встрѣчаются при раскопкахъ. Между прочими попались и двѣ золотыя монеты этого царствованія. Найдена также въ Херсонесѣ и серебряная монета той же эпохи, саманитскаго эмира Мансура I (973—974).

Въ августѣ 975 г., когда императоръ Іоаннъ Цимисхій возвращался изъ побѣдоноснаго похода въ Сирію, явилась на небѣ, по словамъ историка Льва Діакона, «удивительная, необыкновенная и превышающая человѣческое понятіе комета». Она, между прочими бѣдствіями, предсказывала взятіе Херсонеса Владиміромъ.

ГЛАВА VI.

Отъ 989 по 1204 г.

Василій II и Константинъ IX.—Походъ св. Владиміра.—Осада.—Анастасъ.—Сватовство Владиміра.—Крещеніе.—Бракосочетаніе.—Возвращеніе Владиміра въ Кіевъ.—Послѣдствія похода.—Торговое и культурное развитіе Херсонеса въ X-мъ в.—Константинъ IX.—Романъ III.—Михаилъ V.—Исаакъ I.—Надпись Льва Аліата.—Константинъ XI.—Отравленіе Ростислава.—Михаилъ VII.—Никифоръ III.—Алексѣй I.—Блаженный Евстратій.—Іоаннъ II.—Мануиль I.—Андроникъ I.—Исаакъ II.—Алексѣй III.—Алексѣй V.

Василій II и Константинъ IX (975—1025).

Въ 989 г. происходитъ извѣстная осада Херсонеса русскими. Объ этомъ событіи имѣются лишь очень скудныя историческія данныя. Почти единственнымъ источникомъ служить лѣтопись Нестора, но къ ней нѣкоторые историки относятся съ недоувѣріемъ, указывая на то, что ни одинъ византійскій писатель не упоминаетъ объ осадѣ Херсонеса, за исключеніемъ только Льва Діакона, посвятившаго этому событію короткую замѣтку. Конечно, занятіе Херсонеса русскими было только временное, но оно несомнѣнно должно было имѣть крайне важное значеніе и не могло пройти безъ упоминанія со стороны историковъ.

Походъ св. Владиміра.

Лѣтопись Нестора относитъ походъ Владиміра къ 988 г. По Степенной книгѣ, гдѣ начало княженія Владиміра отмѣчено подъ 978 г., взятіе Херсонеса происходило въ «десятое лѣто самодержавства Владиміра».

Между тѣмъ историческая критика указываетъ на весну (не позже апрѣля) 989 г. Такъ, Левъ Діаконъ и арабскій писатель Аль-Макинъ описываютъ появившіеся въ Константинополѣ 7-го апрѣля этого года въ глухую ночь огненные

столбы на сѣверной части неба (по объясненію барона Розена, сѣверное сіяніе), которые «наводили страхъ на тѣхъ, кто ихъ видѣлъ». Въ этомъ явленіи Левъ Діаконъ усматриваетъ предзнаменованіе взятія Херсонеса тавро-скиѳами, то-есть, русскими. Со своей стороны, баронъ Розенъ полагаетъ, что взятіе Херсонеса произошло въ іюнѣ или іюлѣ 989 г.

Другіе историки повѣствуютъ о взятіи Херсонеса иначе. Такъ, походъ Владиміра на Херсонесъ случился, по словамъ Васильевскаго не до крещенія Владиміра въ 988 г., «а много позже того». Точный смыслъ вышеназванныхъ показаній Льва Діакона и Аль-Макина «подрываютъ въ корнѣ авторитетъ русскаго лѣтописнаго сказанія. Взятіе Херсонеса вовсе не находилось въ прямой связи съ крещеніемъ русскаго князя».

Вообще причины внезапнаго нападенія князя Владиміра на Херсонесъ мало выяснены, тѣмъ болѣе, что, по свидѣтельству нѣкоторыхъ историковъ, русскіе только-что оказали императорамъ Василию II и Константину IX важную услугу въ борьбѣ съ возмущившимся полководцемъ и претендентомъ на престолъ Вардой-Фокой. Владиміръ, согласно только-что заключенному съ императорами договору, выслалъ на помощь Византіи шеститысячный отрядъ. И вдругъ... не проходитъ нѣсколькихъ недѣль послѣ побѣды русскихъ надъ Вардой-Фокой, какъ отношенія съ Константинополемъ на столько испортились, что Владиміръ нападаетъ на Херсонесъ!

Высказано было предположеніе, что Херсонесъ оказалъ содѣйствіе хазарамъ противъ русскихъ, вслѣдствіе чего подвергся мщенію Владиміра.

По разсказу же Степенной книги, Владиміръ уже за цѣлый годъ до похода имѣлъ намѣреніе взять этотъ городъ и тамъ принять христіанство и для этого исподволь собиралъ войско. Вопросъ о томъ, когда была оказана Владиміромъ военная помощь императорамъ, до или послѣ взятія Херсонеса, разрѣшается историками различно. Тѣ, которые полагаютъ, что усмиреніе возстаній Варды-Фоки и другого мятежнаго полководца, Склира, происходило при участіи русскихъ войскъ до осады Херсонеса, останавливаются, какъ мы видѣли, передъ затрудненіемъ отыскать поводъ къ внезапному порванію добрыхъ отношеній съ Византіей со стороны Владиміра. Наоборотъ, другіе историки видятъ въ избранномъ Владиміромъ для похода на Херсонесъ времени доказательство обдуманности этого предпріятія. Оно совпадаетъ съ эпохой, когда

византійскіе императоры находились въ стѣсненномъ положеніи, благодаря ихъ борьбѣ съ Вардой-Фокой и Склиромъ. Послѣ же взятія Херсонеса и исполненія императорами всѣхъ требованій Владиміра, этотъ князь отправилъ противъ Варды-Фоки и его союзника, извѣстнаго намъ херсонесца Калокира-Дельфина вспомогательный русскій отрядъ, которымъ Калокиръ былъ схваченъ подлѣ Хрисополиса (Скутари) и посаженъ на колъ.

Во всякомъ случаѣ трудно, говоритъ историкъ, «сказать что-нибудь опредѣленное о походѣ Владиміра на Херсонесъ, какъ объ его датѣ, такъ и объ его цѣли и связи съ оказанною Владиміромъ помощью грекамъ». Имѣются пока только болѣе или менѣе сомнительныя, или болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія.

По сказанію лѣтописи, Владиміръ впервые заявляетъ о своемъ желаніи взять въ жены сестру императоровъ послѣ покоренія Херсонеса, а между тѣмъ, свѣдѣнія византійскихъ, арабскихъ и армянскихъ историковъ говорятъ, что съ начала 988 г. Владиміръ уже вступилъ въ переговоры съ императорами по этому вопросу. По другимъ свѣдѣніямъ, Владиміръ уже два года велъ эти переговоры. Повидимому, русскій князь непремѣнно желалъ вступить въ бракъ съ греческою царивною, такъ какъ этимъ онъ, по словамъ историка, приобрѣталъ доброжелательство грековъ и разомъ вводилъ Россію въ число цивилизованныхъ народовъ. Неуспѣхъ этого сватовства и былъ поводомъ быстрого движенія русскихъ войскъ на Херсонесъ.

Въ объясненіе такого внезапнаго возобновленія военныхъ дѣйствій со стороны русскаго князя послѣ недавно заключеннаго мирнаго договора, возможенъ, говоритъ баронъ Розенъ, только одинъ отвѣтъ: Херсонесъ былъ взятъ съ цѣлью принудить императора Василия къ исполненію какого-нибудь или какихъ-нибудь существенныхъ условій договора. За оказаніе помощи императору посылкою войскъ, Владиміръ долженъ былъ получить руку греческой царевны. Но, повидимому, до лѣта 989 г. священники и царевна еще не были отправлены къ Владиміру. Тогда Владиміръ рѣшился силою принудить императора къ исполненію этой части договора. Какъ бы то ни было, нападеніе русскихъ явилось настолько неожиданнымъ, что изъ Константинополя не успѣли выслать помощь и усилить гарнизонъ города.

*

Осада. Слова лѣтописца «и ста Володимеръ объ онъ полъ города на Лимени» привели историковъ къ выводу, что русскіе, привыкшіе пользоваться воднымъ путемъ для походовъ въ Византію, отправились къ Херсонесу по Днѣпру и Черному морю на судахъ. По разсказу лѣтописи Владиміръ остановился въ Стрѣлецкой бухтѣ, «дали града стрѣлице едино», и осадилъ городъ съ западной стороны. Въ житіи св. Владиміра разсказывается, что этотъ князь, «собравъ силу воинскую, поиде въ Туарикію (яже нынѣ Перекопомъ нарицается) и взя первѣе Кафу, градъ греческій; также прииде подъ Херсонъ, стольный земли тоя градъ, при брезѣ Еуксинскаго Понта стоящъ, при немже изрядное кораблемъ пристанище». Долго не могъ онъ взять города, не смотря на всѣ усилія, «бѣ бо крѣпокъ градъ и воинство въ немъ греческое мужественно противуборующееся бяше». Напрасны были угрозы Владиміра держать городъ въ осадѣ три года и не пощадить жителей: они не сдавались, «аще и тѣсноту въ градѣ терпяху», и изнемогали. Тогда «Володимеръ изряди воѣ свой и повелѣ приспу сыпати къ граду», чтобы съ высоты насыпи русскимъ удобнѣе было обстрѣливать осажденныхъ. Но пока русскіе насыпали землю, «курсуняне подѣкопавше стѣну градскую, крадуще сыплемую персть и ношаху собѣ въ градъ сыплюше посреди града; воины же присыпаху болѣ». Такимъ образомъ осада длилась по инымъ свѣдѣніямъ шесть мѣсяцевъ, по другимъ—три года.

Анастасъ. Наконецъ, Владиміру помогъ взять городъ «мужъ курсунянинъ» монахъ, или протопопъ Анастасъ (или Настасъ), который пустилъ въ русскій станъ стрѣлу, съ запиской слѣдующаго содержанія: «ищи отъ восточныя страны въ земли трубъ, имиже вода сладкая течеть во градъ, ты егда пресѣчеши и отимеши граду воду, удобъ покорятъ тебѣ жажду убѣждены». Стрѣлу съ писаніемъ греческимъ на ней принесли ко Владиміру, «и призванъ бысть греческаго языка толкователь». Услышавъ совѣтъ Анастаса, Владиміръ воззрѣлъ на небо и воскликнулъ: «если это сбудется—я непремѣнно крещусь!»

Въ похвалѣ Владиміру мниха Іакова (XI в.), по коему Владиміръ уже былъ окрещенъ при осадѣ Херсонеса, какъ о семъ будетъ сказано ниже, Владиміръ произноситъ такую молитву: «Господи Боже, сего у Тебе прошу, даси ми градъ, да приму ѱ и да приведу люди хрестьяны и попы на свою землю, да научатъ люди мои закону хрестьянскому!»

Средство, сообщенное Анастасомъ, оказалось успѣшнымъ. Иные изслѣдователи толкуютъ его записку, какъ указаніе на цистерну (или колодезь), которая находилась въ городѣ въ восточной его части и къ которой извнѣ, по трубамъ протекала вода; другіе усматриваютъ здѣсь колодцы или бассейны, находившіеся внѣ города, изъ которыхъ шла въ городъ вода. Во всякомъ случаѣ вода для питья доставлялась, повидимому, съ незапамятныхъ временъ изъ богатыхъ проточныхъ источниковъ къ юго-востоку отъ города, для чего проведены были подземныя трубы, на глубинѣ 4 футовъ ниже главнаго подъѣздного пути въ городъ. Когда русскіе докопались до трубы и пріостановили доступъ воды горожане стали терпѣть страшную жажду. Тогда Херсонесу пришлось сдаться. Владиміръ торжественно вступилъ въ него: «съ вельможами своими и съ воинствомъ и укрѣпи и уласка всѣхъ и самъ возрадовался радостію великою. Людямъ никоего же сотворивъ зла ни обиды».

Затѣмъ, «по взятіи Херсона и всей Таурикіи», Владиміръ **Сватовство Владиміра.** послалъ сказать греческимъ императорамъ: «се взяхъ славный градъ вашъ Херсонъ и всю землю таурикійскую», возьму и столицу вашу, если вы не отдадите за меня дѣвицы, сестры своей. Угроза эта привела императоровъ въ смятеніе. Послѣ долгаго ряда несчастій и пораженій, взятіе Херсонеса получило, по словамъ историка, особую важность потому, что совершенно неожиданно показало врага, и притомъ врага далеко не маловажнаго, тамъ, гдѣ недавно былъ союзникъ. Мысль о возможности новаго появленія русскихъ дружинъ передъ стѣнами Константинополя наводила ужасъ. Наконецъ, говорить баронъ Розенъ, можно было ожидать волненія среди русскаго вспомогательнаго корпуса. Пришлось согласиться на требованіе Владиміра. Однако, императоры поставили условіемъ, чтобы Владиміръ предварительно принялъ христіанство, возвратилъ имперіи Херсонесъ и другія взятія имъ греческія области и обязался послать на помощь Византіи вспомогательный отрядъ.

Все это было Владиміромъ обѣщано. При этомъ онъ объявилъ, что и безъ того уже пришелъ на Херсонесъ съ намѣреніемъ креститься, «потому, что ваша вѣра мнѣ люба». Со своей стороны, Владиміръ, между прочимъ, просилъ императоровъ прислать ему 4-хъ епископовъ, изъ коихъ одинъ предназначался для Новгорода.

Настоятельная нужда получить отъ Владиміра помощь противъ внутреннихъ бунтовщиковъ, а также желаніе возвратить Херсонесъ имперіи, вынудили императоровъ согласиться на желаніе Владиміра и исполнить условія, «на которыя», говоритъ историкъ, «императоръ годомъ раньше согласился подъ гнетомъ такой же крайней необходимости». снаряженіе царевны въ путь совершилось, по мнѣнію барона Розена, весьма скоро, а можетъ быть даже немедленно по полученіи роковой вѣсти о взятіи Херсонеса русскими.

Анна очень боялась: «это будетъ для меня рабствомъ у язычниковъ! Лучше мнѣ умереть здѣсь», говорила она. Но братья возражали ей: «ты послужишь для исполненія воли Божіей и приведенія всего русскаго народа въ христіанство. Ты спасаешь имперію отъ ужасной войны. Ты видишь, сколько зла уже сдѣлали намъ русскіе и знаешь, что насъ ожидаетъ, если ты не согласишься!» Ее съ трудомъ уговорили. Анна покинула Константинополь, какъ обреченная на смерть. Она, рыдая, простилась съ родными и, сопутствуемая священниками, игуменами и сановниками, прибыла въ Херсонесъ! *) Анна «достигшей ей Херсона, срѣтена бысть славно и въ палату царскую введена». Владиміръ принялъ ее съ большими почестями, а херсонесцы радостно привѣтствовали свою избавительницу.

Крещеніе Владиміра.

Случилось такъ, что за нѣсколько дней до пріѣзда, Анны Владиміръ заболѣлъ глазами и ослѣпъ. Это его испугало и онъ даже сталъ колебаться въ намѣреніи креститься, полагая, что болѣзнь глазъ есть наказаніе боговъ. Однако Анна уговорила его, «и абіе въ той часъ моляше епископа корсунскаго, яко да крестить его. Епископъ же, съ нимъ же священный его соборъ и царствующаго града презвитеры, иже придоша съ царевною и вси вкупѣ вся послѣдованія ко святому крещенію великаго князя Владиміра успѣшно совершаху. И благослови его епископъ, и сотвори ѿ оглашенна и нарече ему царское имя Василій. Потомъ же крести его. Егда-жъ влѣзшу ему во святую купель и абіе прозрѣ очима. Крести же ся въ церкви Святого Василія, и есть церкви та стоящи въ Корсуніи градѣ на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ **) дѣють

*) Это событіе прекрасно описано у Шлумбергера. Однако и у этого серьезнаго и добросовѣстнаго историка встрѣчаются такого рода курьезы. Владиміръ Святой называется: „*mégaduc varègue de Russie et de Moscou*“. („*Un Empereur Byzantin*“, р. 153). У Хилкова — Анна почему-то именуется Анной Ивановной.

**) Въ одной рукописи: *цртогъ*.

корсуняне; палата же Володимера съ края церкви стоит и до сего дня, а царицина палата за олтаремъ» (по другимъ свѣдѣніямъ — за церковью св. Якова). Такимъ образомъ у князя и его невѣсты было въ Херсонесѣ два особыхъ дворца.

Лѣтописецъ и сказаніе, о которомъ говорится ниже, о перенесеніи образа св. Николая изъ Херсонеса въ Зарайскъ, упоминаютъ о существованіи въ Херсонесѣ нѣсколькихъ церквей, а именно: деревянная церковь, построенная св. Владиміромъ, по благословенію митрополита Михаила, «на горѣ, иже ссыпаша корсуняне среди града, яже церкви стоит и до сего дня». За эту церковь одни историки считаютъ церковь св. Василія, другіе — церковь Іоанна Предтечи. Затѣмъ, церковь, построенная Владиміромъ въ память его бракосочетанія съ Анной, быть можетъ, та же вышеупомянутая церковь на «приспѣ». Далѣе церковь, выстроенная въ началѣ VI-го в.; церковь св. Апостоловъ; церкви св. Богородицы, св. Іакова и св. Софіи, служившая, по мнѣнію профессора Голубинскаго, кафедральнымъ храмомъ Херсонеса. Послѣднія три церкви, а равно и церковь св. Василія указываются различными источниками, какъ мѣсто крещенія Владиміра.

По сказанію лѣтописи, Владиміра крестилъ епископъ Михаилъ, причемъ лѣтописецъ приводитъ пространное наставленіе, сказанное новокрещенному князю. Другіе источники говорятъ, что обрядъ крещенія надъ Владиміромъ совершилъ мѣстный херсонесскій епископъ Анастасій. Но здѣсь, вѣроятно, смѣшивается имя епископа съ именемъ священника, предавшаго городъ русскимъ.

Преосвященный Филаретъ замѣчаетъ, что, такъ какъ во 1-хъ, Владиміръ отправился въ Херсонесъ весною, въ мартѣ; во 2-хъ, имя св. Василія, которымъ назвали князя при крещеніи, указываетъ въ такомъ случаѣ на св. Василія Нарійскаго, празднуемаго 12-го апрѣля и въ 3-хъ, Пасха 988 г. была въ 8-й день апрѣля, то крещеніе Владиміра въ Херсонесѣ происходило, по всей вѣроятности, 8-го апрѣля, въ день св. Пасхи, что согласно и съ древнимъ обыкновеніемъ крестить въ день Пасхи.

Въ сказаніи мниха Іакова говорится, что Владиміръ крестился не въ Херсонесѣ, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, за два года до похода, который предпринялъ уже будучи христіаниномъ. «На другое лѣто по крещеніи, Владиміръ къ порогамъ ходи, на третье лѣто Корсунъ городъ взя».

Этого мнѣнія о крещеніи Владиміра за два года до осады, т.-е. въ 987 г., придерживается и Голубинскій. Иные источники относятъ весь разсказъ о херсонесской осадѣ не къ Херсонесу, а къ Θεодосіи, гдѣ, будто бы, и произошло крещеніе Владиміра и его бракосочетаніе. Наконецъ, лѣтопись указываетъ еще и на другіе, ходившіе въ Кіевѣ разсказы о мѣстѣ крещенія Владиміра: «се же не свѣдуще право, глаголить, яко крестился есть Владиміръ въ Кіевѣ, иніи же рѣша въ Василевѣ, другіе же инако скажутъ». Голубинскій, со своей стороны, полагаетъ, что Владиміръ крестился не въ Херсонесѣ, а въ Василевѣ. Татищевъ же въ свое время (1773) полагалъ, что городъ, гдѣ крестился Владиміръ, Корсунь, «не иной, какъ нынѣ именуемый Кинбурнь».

Критически обсуждая повѣствованіе о походѣ Владиміра на Херсонесъ, Голубинскій между прочимъ, замѣчаетъ, что Владиміру, желавшему приступить къ крещенію русскаго народа, надлежало войти въ сношеніе съ греками, такъ какъ для будущей русской церкви ему нужна была отъ грековъ высшая іерархія, т.-е. епископы съ митрополитомъ во главѣ. Но вмѣсто того, чтобы послать посольство въ Константинополь, Владиміръ вдругъ нападаетъ на греческій городъ Херсонесъ!

Въ Византіи существовалъ, какъ указываетъ баронъ Розенъ, такой взглядъ на крещеніе Владиміра, что событіе это происходило не раньше поздняго лѣта или осени 989 г., причемъ русскій князь былъ крещенъ именно присланными изъ Константинополя духовными лицами.

Въ одномъ рукописномъ житіи св. Владиміра (Румянцевскаго музея) XIV-го в. встрѣчается слѣдующая странная отмѣтка: «шедъ взя Корсунь градъ, князя и княгиню уби, а дщерь ихъ за Ждьберномъ. Не распустивъ полковъ и посла Олга воеводу своего съ Ждьберномъ въ Царь-градъ къ царямъ просити за себя сестры ихъ».

Наконецъ, къ походу св. Владиміра иные историки приурочиваютъ вышерассказанную повѣсть о походѣ новгородскаго князя Бравалина на Херсонесъ и Сурожъ.

Владиміръ вскорѣ возвратилъ Херсонесъ «со всею Таурикіею» царямъ греческимъ, какъ «вѣно» за невѣсту. «Не токмо за вѣно царицы дѣля Анны, наипаче же благодати ради святаго ему крещенія».

Въ житіи св. Михаила повѣствуется, что, послѣ крещенія, Владиміръ послалъ въ Царьградъ къ патріарху, прося

у него благословенія и «да пришлетъ къ нему въ Корсунь мудра учителя, митрополита русскѣй земли». Патріархъ отправилъ Михаила, въ сопровожденіи шести епископовъ «и прочая священнодѣйственные чиновники и причетники». По предположенію В. И. Ламанскаго, Михаилъ назначенъ былъ митрополитомъ русской церкви взамѣнъ изгнаннаго Владиміромъ изъ Кіева или Переяслава епископа или митрополита. Михаилъ, «егда пріиде въ Корсунь, нося благословеніе Владиміру отъ патріарха, тогда Владиміръ благочинно срѣтеніе сотвори ему и любезно пріять его».

Послѣ крещенія, въ Херсонесѣ состоялось и бракосочетаніе Владиміра съ Анной. «И сотвори Владиміръ чреженіе веліе убогимъ и нищимъ и страннымъ и вдовицамъ, и по улицамъ многіи сосуды повелѣ поставляти всякаго брашна исполнены, питія множество отъ меду и вина и олуя, еже есть пиво, и отъ всякаго овоція, и еже кто что требоваше невозбранно съ радостію насыщашеся».

По мнѣнію Голубинскаго, Владиміръ вѣнчался несомнѣнно въ кафедральномъ соборѣ св. Софіи. Это, помимо другихъ причинъ, явствуетъ и изъ того, что вѣнчаніе совершалъ самъ епископъ Михаилъ, который и научилъ Владиміра догматамъ вѣры.

По лѣтописному сказанію, во время пребыванія Владиміра въ Херсонесѣ прибыли къ нему «многи послы изъ грекъ отъ царей, со многою честію и съ дары и съ любовію». Прибыли также послы отъ папы Іоанна XV съ предложеніемъ принять католическую вѣру, что было Владиміромъ отклонено. Послы привезли съ собою въ Херсонесъ мощи святыхъ. Возможно, говоритъ Голубинскій, что папа прислалъ Владиміру мощи св. Климента, вывезенныя изъ Херсонеса въ Римъ Константиномъ Философомъ, чѣмъ папа хотѣлъ показать, что и первый просвѣтитель славянъ признавалъ папскую власть.

Тогда же прибылъ къ Владиміру въ Херсонесъ печенѣжскій князь Метимагакъ или Метигай и принялъ христіанство. Историкъ приписываетъ этотъ фактъ просвѣтительнымъ сношеніямъ печенѣговъ съ Херсонесомъ.

Пробывъ нѣкоторое время въ Херсонесѣ, Владиміръ вернулся съ Анной въ Кіевъ. Обратное путешествіе совершилось, по разсказу историка, на корабляхъ къ устью Днѣпра, а оттуда сухихъ путемъ. «Володимеръ-же посемъ поемъ съ мощами святого Климента (римскаго) и Фивы, ученика его». Относительно послѣдняго святого, Голубинскій полагаетъ, что

Бракосочетаніе.

Возвращеніе Владиміра въ Кіевъ.

это был мѣстный, херсонесскій святой, такъ какъ въ греческихъ святцахъ онъ не значится. Мощи его хранились въ Херсонесѣ въ Софійскомъ соборѣ. Взятъ изъ нихъ Владиміромъ, повидимому, только части. Изъ Херсонеса Владиміръ взялъ съ собою и епископа Михаила, ставшаго потомъ первымъ митрополитомъ кievскимъ. Церковная лѣтопись приписываетъ именно ему указаніе западнаго писателя X-го в. о томъ, что при крещеніи народа въ Днѣпрѣ дѣйствовали и епископъ, прибывшій изъ Херсонеса. вмѣстѣ съ епископомъ вывезены были изъ Херсонеса въ Кіевъ «и священники многіе и клирики и монахи». Въ крещеніи русскаго народа въ Кіевѣ эти «корсунскіе попы» принимаютъ дѣятельное участіе. Съ Владиміромъ выѣхалъ и священникъ Анастасъ, предавшій ему городъ.

Владиміръ также «поима сосуды церковныя и святыя кресты и иконы на благословеніе себѣ, и книги. Ваяже, идя, мѣдянѣ двѣ капищи и 4 конѣ мѣдяны, юже и нынѣ стоятъ за святой Богородицею, якоже невѣдуще мнѣ я мраморяны суца». Предложенныя здѣсь двѣ поправки въ текстъ: скапища вмѣсто капища (отъ скапы—затворы, косяки), и иконы вмѣсто кони (у Татищева), основаны, говоритъ Н. П. Кондаковъ, только на свидѣтельствѣ шведскаго историка, разсказывающаго о вывозѣ двухъ вратъ, и на соображеніяхъ произвольныхъ, и обѣ неудачны. Эти трофеи вызываютъ у другого историка нижеслѣдующее размышленіе: во все продолженіе періода до-монгольскаго, за св. Богородицею Десятинною стояли въ Кіевѣ два мѣдныхъ болвана и четыре мѣдныхъ коня, на которые «невѣгласы» кievскіе разѣвали ротъ, недоумѣвая—что они и для чего они. Эти шесть недоумѣнныхъ диковицъ были двѣ бронзовыхъ статуи и четыре бронзовыхъ коня, привезенныя Владиміромъ изъ Херсонеса, который, по подобію всѣхъ старыхъ греческихъ городовъ, былъ украшенъ памятниками ваянія, оставшимися отъ временъ классическихъ. Послѣ Владиміра эти художественныя трофеи, привезенныя имъ изъ побѣжденнаго города, стали добычею воробьевъ и галокъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ привозилъ ихъ, чтобы украсить Кіевъ произведеніями ваянія.

Къ названнымъ вещамъ другіе источники присоединяютъ еще двойныя бронзовыя царскія врата изъ «коринтской мѣди». Христіане, обитающіе въ Херсонесѣ, утвердительно показываютъ, говоритъ одна лѣтопись, «что Владиміръ, князь

русскій, двои воротъ коринеской мѣди и образа изъ монастырской церкви, въ видѣ добычи полученные, увезъ съ собою въ Кіевъ».

Изъ иконъ Владиміръ перевезъ въ Кіевъ: икону всемілостивѣйшаго Спаса, икону Божіей Матери съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ благословляющаго Спасителя, образъ св. св. Апостоловъ Петра и Павла и ликъ Іерусалимской Богоматери, писанный, по преданію, св. Лукою. Церковная лѣтопись указываетъ даже на точную дату перенесенія этого образа изъ Херсонеса въ Кіевъ, а именно 9-го октября 988 г.

Въ концѣ рукописнаго житія св. Стефана Сурожскаго имѣется такая помѣтка: «Анна-же, царица отъ Коречуна (Корсуна) въ Корчь (Керчь) идущи; разболѣся на пути» и, призвавъ на помощь св. Стефана, исцѣлилась. Странный путь изъ Херсонеса въ Кіевъ на Керчь заставляетъ Васильевскаго усумниться, не идетъ-ли рѣчь о какой либо хазарской царицѣ, а не о женѣ Владиміра Святого?

Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ тотчасъ же въ 989 г. началъ строить церковь Пресвятыя Богородицы, извѣстную подъ именеиъ Десятинной, «и поручи ю Настасу корсунянину и попы корсунскіе пристави служити въ ней и вдасть ту все еже бѣ възлѣ въ Корсуні иконы и съсуды и кресты». Анастасъ и «херсонстїи презвитеріе» являются затѣмъ въ качествѣ ключаря и причта Десятинной церкви. Священники, вывезенные Владиміромъ изъ Константинополя и Херсонеса, отправлены были имъ въ разные русскіе города для приведенія народа къ христіанству, и съ этого времени въ Россіи появляются различныя «корсунскія» издѣлія.

«Славный походъ въ Корсунь», замѣчаетъ архіепископъ Евгеній, «заставилъ многіе наши города хвалиться корсунскими добычами. Наши древнія преданія много говорятъ о корсунской святынѣ, хотя и крайне смутно».

Послѣдствія похода Владиміра.

Херсонесъ имѣлъ особенное значеніе для русскихъ древностей. Изъ него привозилась масса предметовъ церковной и свѣтской утвари, которая, говоритъ Кондаковъ, создала даже въ древности первое названіе стиля или пошиба корсунскаго. Между Херсонесомъ и Кіевомъ установилась тѣсная связь. «Подъ именемъ корсунскаго въ древней Руси разумѣли все рѣдкое, высокое, но и чудное, старинное.» Такъ, кромѣ уже названныхъ корсунскихъ мѣдныхъ кре-

стовъ и енеолпіоновъ, извѣстенъ корсунскій колоколъ во Псковѣ, увезенный въ 1510 г. великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ въ Москву. Затѣмъ, множество иконъ, которыя преданіе называетъ корсунскими, но въ дѣйствительности просто греческаго письма. Къ нимъ слѣдуетъ, вѣроятно, отнести уже упомянутую икону Богородицы въ Кіевѣ, называемую то корсунской, то ефесской, по преданію, написанную св. Лукою. Извѣстна также корсунская икона Торопецкаго собора, подаренная по преданію этому собору великимъ княземъ Александромъ Невскимъ въ 1239 г.

Далѣе, знаменитыя «корсунскія» врата новгородскаго Софійскаго собора, хотя названіе это присвоено имъ, какъ оказывается, или отъ «корсунской» паперти, у которой они стоятъ и которая сама получила это названіе отъ своей иконописи XIV-го в., или вслѣдствіе смѣшенія этихъ воротъ съ другими, такъ какъ выяснено, что описываемыя врата сдѣланы въ концѣ XII-го в. въ Магдебургѣ. Между тѣмъ въ Новгородѣ существовало преданіе о привозѣ вратъ изъ Херсонеса. Посему И. Е. Забѣлинъ полагаетъ, что произошло смѣшеніе, вслѣдствіе коего подлинно «корсунскими вратами» слѣдуетъ считать тѣ врата, которыя называютъ ситтунскими и которыя были вывезены изъ древней шведской столицы Ситтуны въ 1187 г. (Съ этимъ мнѣніемъ, однако, не соглашается академикъ Кондаковъ).

Ласкинъ отмѣчаетъ еще особую черту вліянія Херсонеса на Русь, а именно: вольности Новгорода были осколкомъ вольностей Херсонеса.

Къ 989 г. (990, 993) относитъ лѣтопись прибытіе въ Новгородъ перваго епископа, Іоакима «корсунянина». Въ житіи св. Владиміра говорится, что послѣ крещенія своего народа, Владиміръ обратился къ константинопольскому патріарху Сергію, прося послать ему въ Кіевъ «архіереи и іереи». Патріархъ послалъ «отъ грековъ епископа Іоакима, херсонянина», съ епископами и священниками. Владиміръ же посадилъ Іоакима въ Новгородѣ архіепископомъ.

По мнѣнію историковъ, Іоакимъ состоялъ въ числѣ священниковъ, вывезенныхъ Владиміромъ изъ Херсонеса послѣ крещенія, и поставленъ епископомъ въ Кіевѣ прибывшимъ съ Владиміромъ митрополитомъ. Іоакимъ умеръ въ 1030 г.

Возвращенному Византіи Херсонесу, тотчасъ же послѣ ухода русскихъ, пришлось вести непосильную борьбу съ пече-

нѣгами и половцами. Византійскіе императоры не имѣли теперь возможности заниматься судьбою Херсонеса, такъ какъ въ самомъ Константинополѣ быстро слѣдовали одинъ за другимъ императоры разныхъ фамилій, и спокойствіе имперіи постоянно тревожили междоусобія и набѣги. Предоставленный, такимъ образомъ, самому себѣ, въ постоянной борьбѣ съ дикими племенами, Херсонесъ утратилъ большую часть своей территоріи. Варвары постоянно появляются подъ стѣнами города, и Херсонесъ сохраняетъ свою независимость только благодаря раздору этихъ варваровъ между собою. Извѣстія о немъ становятся очень скудными. Несомнѣнно, что попытку овладѣть Херсонесомъ сдѣлали и хазары. Но императоръ Василій II одержалъ надъ ними полную побѣду въ 1016 г., а вслѣдъ затѣмъ, по инымъ свѣдѣніямъ, хазары были совершенно изгнаны изъ Крыма великимъ княземъ Святополкомъ I.

Въ одномъ византійскомъ трактатѣ, относящемся къ 991—995 гг., въ числѣ сосѣднихъ съ Византіей народовъ упоминается и Россія. Хотя, по словамъ профессора Кулаковскаго, кievскую Русь отдѣляли отъ Византіи крѣпкою стѣною печенѣги, однако Бѣлобрежье, гдѣ зимовалъ Святославъ, было уже въ рукахъ кievскаго князя, который дѣйствительно являлся такимъ образомъ сосѣдомъ херсонесской емы византійской имперіи.

Во всякомъ случаѣ, какъ мы видимъ, въ X-мъ столѣтіи Херсонесъ играетъ значительную роль при войнахъ Руси съ греками.

Въ эту эпоху городъ является пристанищемъ разныхъ иноплеменныхъ народовъ, благодаря чему греческая народность уже не могла сохранить въ немъ преобладающаго значенія, и культура этого города хотя и продолжала находиться подъ вліяніемъ Византіи, но приняла своеобразный характеръ и въ концѣ концовъ вынуждена была подчиниться вліянію окружающихъ народностей.

Что касается умственной дѣятельности, то, хотя Херсонесъ и не думалъ, конечно, выражаясь словами изслѣдователя «соревновать съ Константинополемъ на поприщѣ учености», хотя мы едва знаемъ одного писателя изъ Херсонеса, все же въ этомъ городѣ, вслѣдствіе сближенія съ разными народами, должна была возникнуть потребность взаимныхъ сношеній посредствомъ грамоты. «Не литературные успѣхи были нужны Херсонесу, а умѣнье усвоить письменность, упо-

требляемую въ сношеніяхъ, и разнородныя особенности говора окружающихъ городъ народовъ».

По предположенію В. И. Григоровича, въ епархіяхъ Босфора и Херсонеса должна была употребляться въ VIII—XI вв. древняя русская азбука, называемая глаголицей. Азбука эта возникла на Востокъ и примѣнена была къ славянскому языку. Но подобное примѣненіе могло осуществиться лишь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ искони были извѣстны азбуки древне-еврейская, самаритянская и сассанидская. Этому требованію вполне удовлетворялъ Херсонесъ. «Посему можно надѣяться, говоритъ Григоровичъ, что раскопки наведутъ на памятники съ надписями, сдѣланными не только древне-еврейскими, но и другими буквами»... Однако, херсонесскія раскопки не оправдали пока этихъ надеждъ.

Въ X-мъ в. въ Херсонесѣ процвѣтала своя мѣстная греческая письменность, отъ которой до насъ дошли, къ сожалѣнію, только очень скудные остатки и отчасти, говоритъ Васильевскій, намеки въ родѣ упоминанія объ алфавитарѣ въ честь апостола Андрея, составленномъ въ Херсонесѣ. Въ минологіи Василія Болгаробойца есть статья о херсонесскихъ святыхъ епископахъ Василіи, Ефремѣ, Евферіи и другихъ, которая носитъ явные слѣды мѣстнаго херсонесскаго происхожденія. Съ точки зрѣнія церковныхъ сподвижниковъ жители Херсонеса этой эпохи представляли непривлекательныя черты. Такъ, писатель X-го в., іеромонахъ Елифаній, въ своемъ житіи апостола Андрея, говоритъ: «херсонесцы народъ коварный и до нынѣшняго дня туги на вѣру, лгуны и поддаются влеченію всякаго вѣтра».

При Василіи II и его братѣ, Константинѣ IX, для Херсонеса чеканилась мѣдная монета съ монограммами императора. Послѣ же этого царствованія чеканка монетъ для Херсонеса совершенно прекращается, что объясняется взятіемъ города войсками Владиміра Святого.

Къ IX—X вв. относится найденная при раскопкахъ тяжелая бронзовая кадильница грубой работы съ церковными изображеніями. Къ X-му же в. принадлежитъ большая свинцовая печать съ именемъ Никифора Каситира, протоспаѳарія и стратега Херсонеса.

Торговля и культурное развитіе.

Не смотря на тяжелыя условія своего существованія— торговое значеніе Херсонеса продолжаетъ быть весьма большимъ. Городъ, по прежнему, вель усиленный обмѣнъ това-

ровъ съ сосѣдями: печенѣгами, хазарами, куманами и татарами. Торговый путь на сѣверъ шель, какъ мы знаемъ, по Днѣпру, вверхъ коего товары направлялись до Кіева, Новгорода и Балтійскаго моря. Этимъ же путемъ изъ Херсонеса черезъ Кіевъ вывозились въ западную Европу восточные товары.

Константинъ IX (1025—1028).

Въ 1027 г. южный берегъ Крыма, включая Херсонесъ, освободился, по словамъ Богуша Сестренцевича отъ власти Византіи. Городъ не могъ однако существовать самостоятельно, и уже въ началѣ XI-го в. Херсонесъ подпалъ подъ власть хазаръ. Сохранилась свинцовая печать, гдѣ, рядомъ съ именемъ херсонесскаго стратега Касидика, значится имя хазарскаго хагана Цула. Въ этомъ сочетаніи именъ изслѣдователи усматриваютъ подчиненіе Касидика, который получалъ отъ хагана деньги и, вѣроятно, состоялъ на опредѣленномъ жалованьи у хазарскаго правителя.

Монетъ императора Константина IX въ Херсонесѣ не найдено.

Романъ III (1028—1034).

Въ 1030 г. въ Крымъ вторглись коматы (куманы) или половцы, принадлежавшіе къ тюркской народности. Они наложили дань на всѣ крымскіе города и въ томъ числѣ на Херсонесъ. Половцы поселились между Дономъ и Днѣстромъ и съ этихъ поръ оставались сосѣдями Херсонеса до нашествія татаръ въ XIII-мъ в. Въ общемъ, половцы, хотя и притѣсняли Херсонесъ, но не представлялись для города очень опасными. У итальянскаго историка Канале, встрѣчается, со словъ Муральта, указаніе, что въ 1031 г. князь Мстиславъ Тмутороканскій поселилъ въ Херсонесѣ доставшихся на его долю плѣнныхъ поляковъ.

Монетъ Романа III, а также и его преемника, *Михаила IV* (1034—1044) въ Херсонесѣ не найдено, хотя есть упоминаніе о монетахъ Романа и Христофора, относящихся, повидимому, къ царствованію Романа III.

Михаилъ V (1041—1042).

Сохранилось извѣстіе, что при этомъ императоръ русскій великій князь Ярославъ будто-бы перевезъ лично изъ Херсонеса въ Кіевъ, въ 1042 г., главы св. Климента и его ученика Фива.

Разсказъ объ этомъ событіи сообщаютъ римско-католическія духовныя лица, отправленныя французскимъ королемъ Генрихомъ I въ качествѣ пословъ въ Кіевъ, въ 1044 г. (или 1048), для сопровожденія во Францію дочери Ярослава, Анны, вступавшей въ бракъ съ Генрихомъ I. Посламъ, между прочимъ, поручено было папой (а по другимъ свѣдѣніямъ, просилъ ихъ объ этомъ настоятель реймской церкви св. Маріи, Одарикъ) узнать, «въ той-ли странѣ находится Церсона, гдѣ, какъ написано, почиваетъ св. Климентъ; дѣлается-ли еще отливъ моря въ день его памяти и бываетъ-ли море проходимо?» Всѣ эти свѣдѣнія послы узнали отъ короля той страны Іеросолана (Ярослава). Имъ также поручено было узнать, гдѣ находится и голова св. Климента.

Сохранилось преданіе, что мощи св. Климента показывались въ теченіе извѣстнаго времени въ Кіевѣ, при посвященіи митрополитовъ, но затѣмъ онѣ были уничтожены при одномъ изъ разграбленій города.

Монетъ императора Михаила V, а также и его преемницы, императрицы *Зои* (1042), въ Херсонесѣ не найдено.

При раскопкахъ попало нѣсколько мѣдныхъ монетъ императора *Константина X Мономаха* (1042—1054) и золотая монета императрицы *Теодоры* (1054—1056). Монетъ императора *Михаила VI* (1056—1057) въ Херсонесѣ не найдено.

Исаакъ I Комнень (1057—1059).

Надпись
Льва Аліата.

Къ апрѣлю мѣсяцу 1059 г. относится найденная въ Херсонесѣ мраморная плита, на коей начертано: «сдѣланы ворота преторскія желѣзныя; возобновлены и прочія ворота города при Исаакіи Комнень, великомъ царѣ и самодержцѣ римскомъ. и Екатеринбургъ благочестивѣйшей августѣ, чрезъ Льва Аліата, па-

триція и стратега херсонесскаго и сугдейскаго». Слѣдуетъ число и годъ.

Изъ этой надписи мы узнаемъ, что городъ Сугдея входилъ при Исаакѣ I въ составъ херсонесской еемы, которая, по прежнему, находилась подъ крѣпкою властью византійскаго стратега, заботившагося объ укрѣпленіи города противъ печенѣговъ.

Послѣдніе не исполнили клятвы, данной ими императору Константину IX Мономаху, послѣ страшнаго пораженія, которое нанесъ имъ этотъ императоръ, въ 1053 г. Константинъ въ то время «богатыми дарами купилъ у печенѣговъ миръ» и обязательство въ теченіе 30 лѣтъ не тревожить имперію набѣгами. Но печенѣги, повидимому, не выдержали и шести лѣтъ и «выползли изъ своихъ норъ» для опустошенія греческихъ областей.

Монетъ Исаака I въ Херсонесѣ не найдено.

Константинъ XI (1059—1067).

Въ 1066 г. «курсунстїи людье» играютъ роль въ дѣлѣ **Отравленіе Ростислава.** измѣнническаго отравленія тмутороканскаго князя Ростислава Владиміровича, внука Ярослава Мудраго. «Курсунскіе греки», испуганные сосѣдствомъ Ростислава, послали къ нему «съ лестью» своего «котопана» (капитана), то-есть, верховнаго правителя области или города. Послѣдній вкрался въ довѣренность князя и однажды, во время попойки, опустилъ въ его чашку ядъ, который скрывалъ подъ ногтемъ. Послѣ этого котопанъ возвратился въ Херсонесъ и, увѣренный въ дѣйствиіи своего яда, объявилъ, что князь умретъ на седьмой день. Такъ и случилось. Ростиславъ скончался, но херсонесцы, возмущенные вѣроломствомъ котопана, побили его камнями. Возможно предположеніе, говорить академикъ Латышевъ, что убійцею Ростислава былъ именно херсонесскій стратегъ, быть можетъ тотъ самый Левъ Аліать, о которомъ говоритъ надпись 1059 г. Этотъ рассказъ, замѣчаетъ другой историкъ, свидѣтельствуеетъ о томъ, что херсонесцы совершенно освободились отъ власти византійскихъ императоровъ и ставили его намѣстника ни во что. Вскорѣ послѣ этого намѣстникъ Византіи совершенно исчезаетъ и Херсонесъ становится вновь вполне самостоятельной. республи-

кой. Отношенія Херсонеса къ своимъ русскимъ сосѣдямъ, и въ особенности къ Тмуторокани, были, какъ видимъ, очень хорошими. Пріязненное сближеніе руссовъ съ херсонесцами возникло, по словамъ Ламанскаго, задолго до половины X-го в.

Въ XI-мъ в. торговое значеніе Херсонеса, какъ крупнаго складочнаго мѣста товаровъ сѣвера, еще не уменьшается. Однако, дозволеніе, данное византійскими императорами итальянскимъ купцамъ—плавать по Черному морю, было началомъ упадка торговли Херсонеса. Съ другой стороны, значенію Херсонеса сталъ угрожать Судакъ, котораго торговля была въ полномъ расцвѣтѣ. Херсонесцы начинаютъ жаловаться въ Константинополь и просятъ исключительныхъ правъ, уменьшенія податей и т. п.

При Константинѣ XI еще чеканятся херсонесскія монеты, но послѣ этого царствованія чеканка монетъ для Херсонеса навсегда прекращается.

Монетъ ближайшихъ преемниковъ Константина XI въ Херсонесѣ не найдено.

Михаилъ VII (1071—1078).

Въ это царствованіе неудовольствіе херсонесцевъ на императора за то, что онъ не принималъ мѣръ къ защитѣ Херсонеса отъ возраставшей торговой конкуренціи и промышленнаго богатства Судака, дошло до открытаго возмущенія (хотя къ разсказу объ этомъ возстаніи нѣкоторые ученые относятся съ недоувѣріемъ).

Чтобы усмирить херсонесцевъ, императоръ Михаилъ, который былъ занятъ неудачной войной съ болгарами, прибѣгъ къ помощи великихъ князей русскихъ Святослава и Всеволода. Святославъ отправилъ противъ Херсонеса войско, подъ предводительствомъ сына своего Глѣба и Владиміра Мономаха. Однако, смерть Михаила прекратила этотъ походъ.

Къ этому же времени относится преданіе о побѣдоносномъ единоборствѣ Владиміра Мономаха съ управителемъ города Каффы, обитатели коего, генуэзцы, явились союзниками Херсонеса.

Никифоръ III (1078—1081).

Преемникъ Михаила не имѣлъ никакихъ особыхъ дружескихъ отношеній къ русскимъ; посему русскій великій князь отозвалъ свои войска обратно. Впослѣдствіи, однако, херсонесцы отомстили за помощь, оказанную русскими Михаилу, захвативъ нѣсколько ихъ торговыхъ кораблей.

Монетъ императоровъ Никифора III и *Никифора IV* въ Херсонесѣ не найдено.

Алексѣй I Комнень (1081—1118).

При Алексѣѣ I упоминается имя херсонесскаго епископа Феодора, который участвовалъ въ соборѣ, созванномъ императоромъ по вопросу о возстановленіи святыхъ иконъ. Къ этому епископу, быть можетъ, относится мраморная плита, найденная въ Херсонесѣ въ 1889 г., на коей начертано имя епископа Феодора.

Въ 1095 г., по разсказу, къ которому иные ученые относятся съ недоувѣріемъ, въ отместку за ограбленіе русскихъ кораблей въ предыдущемъ царствованіи, русскіе князья Владиміръ Мономахъ, Давидъ Игоревичъ и Ярославъ Ярополковичъ совершили походъ на Херсонесъ, пригласивъ съ собою хазарь. При Каффѣ русскіе одержали побѣду и Херсонесъ заключилъ миръ, обязавшись возвратить корабли и уплатить военныя издержки.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1096 г. Херсонесомъ завладѣли половцы. «Нашедшимъ измалтяномъ на греческую область, отъ Корсуня поля наченше даже и до Антиохіа».

Къ 28 марта 1096 г. относится разсказъ Печерскаго Патерика о мученической смерти въ Херсонесѣ киевпечерскаго инока, блаженнаго Евстратія постника. «Сій блаженный чернецъ съ инѣми христіаны плѣненъ бысть» въ Кіевѣ, при одномъ изъ нападений половцевъ, ханомъ ихъ, Бонякомъ, завладѣвшимъ Печерскимъ монастыремъ. Евстратій былъ проданъ въ Херсонесъ «нѣкому жидовину съ инѣми многими; бѣ же ихъ числомъ 50, а отъ монастырскіа челяди 30, отъ Кіева 20». Началась уже, замѣчаютъ авторы Русскихъ Древностей, та торговля плѣнными въ Херсонесѣ, которая особенно расцвѣла позднѣе.

**Блаженный
Евстратій.**

*

По наущенію Евстратія, всё плѣнники уморили себя голодомъ; онъ же, привыкшій къ постничеству, остался живъ. Тогда «жидовинъ», разсерженный потерю всёхъ плѣнныхъ, назначенныхъ къ продажѣ въ рабство, рѣшился отомстить Евстратію и «сѣдѣ на немъ Пасху свою». Евстратія пригвоздили къ кресту и замучили. Смерть его сопровождалась чудесами. Въ это время «нѣкто отъ жидовъ крестися, богатъ сый и храбръ велми и сего ради пріять его царь. По малѣхъ же днехъ сотвори его епарха. Онъ-же, получивъ санъ, въ тайнѣ бываетъ отметникъ Христа и его вѣры и даетъ дерзновеніе жидомъ, по всей области греческаго царства да купятъ христіаны въ работу себѣ. И обличенъ же бысть нечестивый сей епархъ и убиенъ бысть по словеси блаженнаго Евстратія и ту сушая жиды иже оземствоваше, въ Корсунѣ, имѣніе отимше, того же жидовина, сѣдѣявшаго таковая повѣсиша».

Въ томъ же 1096 г. сосланъ былъ въ Херсонесъ нѣкій бродяга, простой солдатъ, выдававшій себя за умершаго сына императора Романа IV, Константина.

Въ Херсонесѣ этотъ самозванецъ, извѣстный подъ названіемъ лже-Диогена, прогуливаясь ночью на стѣнахъ города, увидаль куманъ (половцевъ), приходившихъ къ городу для торговли, вошелъ съ ними въ сношенія, спустился къ нимъ по канату изъ окна башни, гдѣ онъ обиталь, и послѣдовалъ за куманами въ ихъ страну. Здѣсь куманы провозгласили его царемъ. Тогда херсонесцы возмутились противъ Византіи, признали самозванца своимъ императоромъ и отправили подъ его предводительствомъ войско во Фракію, гдѣ вынудили императора Алексѣя I спастись за стѣнами Адрианополя. Здѣсь, однако, самозванецъ попался въ плѣнъ грекамъ, которые его ослѣпили.

Въ развалинахъ Херсонеса найдены золотая и серебряныя монеты Алексѣя I.

Къ XI-му в. относится описанный въ Русскихъ Древностяхъ «замѣчательный образокъ (медальонъ) съ эмалевымъ изображеніемъ Распятія, найденный въ развалинахъ Херсонеса на мѣстѣ одной изъ открытыхъ базиликъ и нынѣ помѣщенный на митрѣ, хранящейся въ херсонесскомъ монастырѣ».

Къ тому же вѣку относится рядъ свинцовыхъ печатей съ наименованіями византійскихъ должностныхъ лицъ въ Херсонесѣ. Таковы: царскіе протоспафаріи и стратеги Херсонеса Констан-

тинъ, Іоаннъ, Георгій Цуль и Фѣдоръ; царскіе спаварокандидаты и коммерціари Херсонеса: Сергій, Георгій и Фотинъ; протоспаварій Георгій-Касидикъ; стратегъ Никифоръ и протевонъ Херсонеса Михаилъ.

На одной печати встрѣчается титулъ, который графъ И. И. Толстой читаетъ такъ: стратегъ противъ сарматовъ. Можетъ быть, говоритъ графъ Толстой, «название пережило самый фактъ, и этотъ титулъ сохранился въ Херсонесѣ и тогда, когда о сарматахъ на Таврическомъ полуостровѣ никто уже и не вспоминалъ».

Въ началѣ XII-го в. Херсонесъ сдѣлался уже для русскихъ «землею незнаемой», какъ говорится въ Словѣ о полку Игоревѣ. Городъ былъ, повидимому, занятъ половцами: «дивъ кличетъ върху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влзѣ, и поморью и по-сулю и Сурожу и Корсуню и тебѣ Тьмутороканскій блъванъ». Впрочемъ, слово «незнаемѣ» иные историки объясняютъ не въ смыслѣ совершеннаго незнакомства русскихъ съ этими мѣстами, а только какъ указаніе на ихъ отдаленность или «отчужденность въ политическомъ отношеніи».

Съ другой стороны высказано было предположеніе, что знаменитая «шпапка Мономаха», хранящаяся въ московской оружейной палатѣ, была выдѣлана именно въ эту эпоху, въ Херсонесѣ.

Іоаннъ II Комнень (1118—1143).

Іоаннъ II нанесъ большое пораженіе печенѣгамъ, послѣ котораго Херсонесъ, наконецъ, освободился отъ ихъ дикаго и опаснаго сосѣдства.

Въ развалинахъ Херсонеса найдены серебряныя монеты этого царствованія.

Мануиль I (1143—1180).

Ко времени этого императора относится разсказъ, помѣщенный въ житіи преподобнаго Нифонта Печерскаго, о томъ, какъ въ 1147 г. великій князь кievскій Ізяславъ Мстиславовичъ, не смотря на протестъ Нифонта, посвятилъ въ кievскіе митрополиты монаха Клима, не испросивъ на это благословенія константинопольскаго патріарха, а взамѣнъ

сего, освятивъ Клина «главою мощей святого Климента, папы римскаго, иже святѣй великій Владиміръ, восприѣмши святое крещеніе изъ Херсона, данную ему въ даръ на благословеніе отъ епископа херсонскаго принесе». Мощи св. Климента хранились въ то время въ Кіевѣ въ Десятинной церкви, которую Дитмаръ, епископъ Мерзебургскій, историкъ X-го в., называетъ даже церковью св. Климента.

Въ половинѣ XII-го в. генуэзцы утвердились на южномъ берегу Крыма и возстановили городъ Каффу. Городъ Судакъ съ этого времени сталъ еще сильнѣе подрывать торговлю Херсонеса.

Въ 1147 г. упоминается херсонесскій епископъ Теофанъ въ числѣ присутствовавшихъ на соборѣ.

Въ 1154 г. о Херсонесѣ, подъ наименованіемъ «Герсуни», упоминаетъ арабскій географъ Идриси (Эдрусси), который прибылъ туда съ устьевъ Днѣпра, проѣхавъ болѣе 80 миль по странѣ мало обработанной. Отсюда онъ отправился въ Діалиту (Ялту), въ страну комановъ, въ разстояніи 30 миль отъ Херсонеса.

Около 1170 г. есть свѣдѣнія о томъ, что половцы безпокоили свободное слѣдованіе купцовъ по такъ называемому «греческому пути», ведшему по Днѣпру въ Херсонесъ и Константинополь.

Между 1170 и 1175 гг. писалъ свои комментаріи къ землеописанію Діонисія митрополита ессалоникскій Евстаѣій. Въ нихъ упоминается и о Херсонесѣ.

Монетъ императора Мануила въ Херсонесѣ не найдено.

Алексѣй II (1180—1183) и Андроникъ I Комнень (1183—1185).

Къ царствованію этихъ императоровъ относятся серебряныя монеты, которыя, по мнѣнію Кёне, вѣроятно, чеканились въ Херсонесѣ, гдѣ найдено нѣсколько такихъ монетъ.

Отъ 1183 г. (ноябрь) сохранился въ Херсонесѣ любопытный каменный церковный сводъ, на коемъ высѣчена надпись, гласящая о смерти нѣкоего Петронія, іеромонаха и клирика, благодѣтеля святой церкви.

Въ 1185 г., по смерти императора Андроника, его два внука, великіе Комнены тралезундскіе, присоединили Херсонесъ и Таврической полуостровъ къ своему царству.

Исаакъ II Ангелъ (1185—1195).

Къ 1190 г. нѣкоторые историки относятъ извѣстную надпись Евпатерія, о коей говорено выше.

Алексѣй III (1195—1203).

Къ 1199 г. нѣкоторые историки относятъ договоръ императора Алексѣя съ Венеціею, одинъ пунктъ котораго касается Херсонеса, если только «provincia cheronissi», упоминаемая въ договорѣ, дѣйствительно относится къ этому городу. Императоръ возобновляетъ данное имъ венеціанцамъ разрѣшеніе посѣщать всѣ части имперіи, въ томъ числѣ и Херсонесъ.

Монетъ Алексѣя III въ Херсонесѣ не найдено.

Къ XII-му в. относится похвальное слово св. Клименту Римскому, сказанное по случаю обновленія неизвѣстнымъ княземъ и въ неизвѣстномъ году кievской Десятинной церкви, въ которой, какъ мы знаемъ, находились мощи св. Климента.

Въ концѣ XII-го в. извѣстны имена херсонесскихъ епископовъ Кирилла, Игнатія и Василия.

Къ этому времени относятся также найденные въ 1889 г. въ развалинахъ византийскаго наслоенія Херсонеса двѣнадцать серебряныхъ монетныхъ слитковъ, похожихъ на русскіе монетные знаки этой эпохи. Однако К. К. Косцюшко-Валюжиничъ замѣчаетъ, что по формѣ и вѣсу эти слитки отличаются отъ новгородскихъ и другихъ русскихъ гривенъ и высказываетъ предположеніе, что найденные имъ слитки изготовлены были въ Херсонесѣ специально для уплаты за товары, приобретенные отъ сѣверныхъ «варваровъ».

Въ XII—XIII вв. возникла легенда о бывшемъ въ Херсонесѣ чудѣ, записанная въ прибавленіи къ житію св.св. Космы и Даміана. А именно: въ Корсунѣ градѣ однажды пировали и не хватило вина; тогда произнесенъ былъ тропарь святымъ Космѣ и Даміану и вода обратилась въ «медь сладокъ».

Памятниковъ царствованій императоровъ *Исаака II* и *Алексѣя IV* (1203—1204) въ Херсонесѣ не найдено.

Алексѣй V (1204).

Въ 1204 г. завладѣли Константинополемъ крестоносцы. Тогда византійскія владѣнія въ Крыму, а въ томъ числѣ и Херсонесъ, сдѣлались добычею мелкихъ мѣстныхъ владѣльцевъ, топарховъ. Кромѣ того Херсонесъ вынужденъ былъ уплачивать дань половцамъ. Затѣмъ, Херсонесъ и вся Готія присоединены были, неизвѣстно какимъ образомъ, къ трапезундскому царству и стали платить дань трапезундскимъ императорамъ.

Въ общемъ, латинское завоеваніе Византіи нанесло торговому значенію Херсонеса смертельный ударъ.

ГЛАВА VII.

отъ 1204 до 1453 г.

Сказаніе о перенесеніи образа св. Николая Чудотворца въ Зарайскъ.—
Гетунъ.—Татары.—Аланы.—Епископъ Ѳеодоръ.—Рубруквись.—Генуэа-
цы.—Епископъ Ричардъ.—Ольгердъ.—Споръ изъ за города Элисса.—
Турки.

Въ началѣ XIII-го в. Херсонесъ платитъ имперіи ежегод-
ную подать и управляется намѣстникомъ трапезундскаго импе-
ратора. Этотъ правитель Херсонеса завѣдывалъ одновременно
и областью крымскихъ готовъ.

Въ 1222 г. впервые вторглись въ Крымъ татары, и, хотя
они не тотчасъ завладѣли греческими колоніями и городами,
все-же послѣдимъ стала угрожать страшная опасность.

Въ связи со страхомъ татарскаго погрома является ска-
заніе, относящееся къ 1223 или 1224 г. и сохранив-
шееся въ разныхъ редакціяхъ, «о приходѣ чудотворнаго Ни-
колая образа зарайскаго, ижѣ бѣ изъ Корсуна града въ пре-
дѣлы резанскіе, ко князю Ѳеодору Юрьевичу резанскому, во
второе лѣто по калкскомъ побоищѣ». Содержаніе этого ска-
занія, которое приписывается нѣкому Евстафію, сыну свя-
щенника, нижеслѣдующее: «явился святой великій чудотво-
рецъ Николае Корсунскій въ преименитомъ городѣ Херсо-
несѣ своему служителю священнику Евстафію во снѣ» и ве-
лѣлъ ему взять образъ чудотворца и, вмѣстѣ съ женою Ѳео-
досією и сыномъ Евстафіемъ, идти въ рязанскую землю. Икона
св. Николая находилась «посреди града Херсонеса, въ той
самой церкви апостола Іакова, брата Богослова, въ коей св.
Владиміръ принялъ крещеніе, а палата была красная боль-
шая у чудотворцова храма сзади алтаря, и гдѣ-же цари гре-
честіи веселишася, Василей и Константинъ». Евстафій никогда
какъ повѣствуетъ сказаніе, не слышавшій о рязанской землѣ,

Сказаніе
о перенесе-
ніи образа
св. Николая
Чудотвор-
ца изъ Хер-
сонеса въ
Зарайскъ.

медлил исполненіемъ этого приказанія. Тотъ фактъ, что Евстафій никогда не слыхалъ о Рязани, вызываетъ у Д. И. Иловайскаго замѣчаніе, до какой степени пришелъ въ забвеніе, къ началу XIII-го в., знаменитый путь изъ древней Россіи въ Грецію, по Окѣ, Дону и Сурожскому морю до Тавриды. Путь этотъ въ описываемое время сдѣлался, очевидно, слишкомъ опаснымъ. Однако, другіе изслѣдователи замѣчаютъ, что Рязань несомнѣнно находилась въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ греческими колоніями Крыма. Евстафію не хотѣлось раставаться съ «прекраснымъ градомъ» Херсонесомъ и своими сродниками, но наказанный слѣпотой за непослушаніе, онъ раскаялся и, по исцѣленіи, собрался въ путь, слѣдуя указанію святителя, «яко на Востокъ».

По предположенію историка, постоянная угроза татарскаго нашествія побудила херсонесское духовенство искать убѣжища для святынь города въ Россіи. Въ высшей степени вѣроятно, прибавляетъ къ этому другой изслѣдователь, что Евстафій, выѣхавшій изъ трапезундскаго города Херсонеса, былъ родомъ грекъ.

Сказаніе далѣе повѣствуетъ, что Евстафій сначала думалъ отправиться вверхъ по Днѣпру, надѣясь пробраться сквозь землю «поганныхъ» половцевъ, о которыхъ рассказывали ему знающіе люди, но «чудотворецъ Николае явился іерею Евстафію и рече ему: не полезно ти есть идти черезъ половецкую землю». Угодникъ велѣлъ Евстафію сѣсть на корабль въ днѣпровскомъ устьѣ и Чернымъ моремъ плыть до моря Варяжскаго (Балтійскаго), потомъ сухимъ путемъ идти въ нѣмецкую область (Ригу) и далѣе пройти до Новгорода и оттуда до рязанской земли. Евстафій все это исполнилъ вмѣстѣ съ отцомъ, женою, сыномъ и «единымъ отъ клирикъ». Отправляясь въ столь далекій путь, Евстафій «забы преименитаго града Корсуня и отрекся всего имѣнія своего».

Началось путешествіе. Путники сначала пришли «во устьѣ рѣки Днѣпра и сѣли въ корабль въ Понтское море, се-же словеть море Русское». Затѣмъ, послѣ долгаго странствованія, они попали «во градъ Ригу и, мало пребывъ въ немъ» отправились сухимъ путемъ во градъ Кесь (Венденъ) и оттуда въ Великій Новгородъ, къ великому князю Ярославу Всеволодовичу и къ сыну его Александру (Невскому). Въ Новгородѣ путники оставались долго и потомъ отправились въ Рязань. Зарайскій князь Федоръ Юрьевичъ создалъ храмъ во

имя чудотворца Николая Корсунскаго въ «красномъ городѣ», гдѣ теперѣ расположенъ городъ Зарайскъ. На мѣстѣ этой церкви въ 1681 г. воздвигнуть былъ въ городѣ Зарайскѣ соборъ, гдѣ образъ св. Николая находится и до сего времени. Въ 1608 г. для этого образа, по царскому повелѣнію, сдѣлана была богатая риза, украшенная вполслѣдствіи различными царскими подношеніями.

Что касается сказанія объ Евстафій, то, по мнѣнію изслѣдователя, оно написано, вѣроятно, раньше нашествія татаръ на Рязань. «Само собою разумѣется, что плыть по Черному морю и по рѣкѣ Днѣпру нельзя было зимою. Путь же черезъ половецкія степи, лѣтомъ 1223 г., по причинѣ присутствія здѣсь татаръ, былъ также невозможенъ; равно опасно было пуститься и черезъ юго-восточный край Россіи».

Впрочемъ Калайдовичъ признавалъ всю повѣсть о перенесеніи въ 1224 г. зарайской иконы изъ Херсонеса сомнительной.

Въ 1223 г. корабль, увозившій повинности изъ Херсонеса и области готовъ къ трапезундскому императору Андронику Комнѣну I (1223 — 1235), пострадалъ отъ бури и занесенъ былъ въ Синопъ, гдѣ сдѣлался добычей турецкаго правителя Синопа, Рейсъ-Этума или Гетуна (Гейтуна, Гайтуна), подчиненнаго иконійскому султану Сельджуковъ, Аладдинъ-Кейкобаду (1219—1239). На корабль находились: архонтъ, начальникъ податей по имени Алексѣй и нѣсколько знатныхъ херсонесцевъ. Турки взяли въ плѣнъ этихъ чиновниковъ и весь экипажъ судна и захватили деньги.

Положеніе Херсонеса въ это время было очень жалкое. Татары настолько угрожали городу, что трапезундскій губернаторъ вынужденъ былъ покинуть Херсонесъ. Тогда, при видѣ беззащитнаго положенія города и его поселеній на херсонесской бухтѣ, у синопскихъ турокъ естественно возбудилось желаніе ограбить это побережье, и въ 1224 г. (или 1225) иконійскій султанъ послалъ Гетуна на Херсонесъ съ вооруженными судами. Гетунъ совершенно опустошилъ херсонесскую область и съ награбленною добычей возвратился въ Синопъ.

Однако трапезундскій императоръ Андроникъ I не оставилъ этого набѣга безнаказаннымъ. Онъ въ свою очередь снарядилъ флотъ, который осадилъ Синопъ и принудилъ турокъ возвратитъ плѣнныхъ и добычу.

Между тѣмъ генуэзцы воспользовались своимъ могущественнымъ вліяніемъ въ Константинополь, чтобы вынудить императора Андроника I отказаться отъ торговли въ Херсонесѣ и не посылать болѣе своихъ кораблей въ Крымъ. Одновременно генуэзцы остановили всѣ херсонесскія суда, направлявшіяся къ соленымъ озерамъ и источникамъ и на рыбныя ловли въ Азовское море.

Татары. Съ другой стороны, на Херсонесъ стали учащаться нападенія турокъ и ногаевъ, а въ 1224 г. весь Крымъ сдѣлался добычей татаръ, окончательно отторгнувшихъ его отъ Византіи.

Херсонесъ, однако, не былъ разграбленъ и на время сумѣлъ отстоять свою независимость, хотя какимъ образомъ это ему удалось сдѣлать «оружіемъ ли, или золотомъ и драгоценными подарками, или, наконецъ, обязавъ себя платить постоянную дань, по примѣру сосѣднихъ крымскихъ готовъ, все это, говоритъ историкъ, намъ совершенно неизвѣстно». Какъ бы то ни было, весьма вѣроятно, что большинство жителей города въ эту пору разбѣжалось. Такъ, арабскій писатель Ибнъ-ель-Атиръ пишетъ, что въ 1224 г., послѣ пораженія русскихъ и половцевъ монголами, въ Херсонесѣ соединились многіе изъ важнѣйшихъ русскихъ купцовъ и богачей, нагрузили все, что имѣли цѣннаго, и отправились на нѣсколькихъ судахъ моремъ въ земли мусульманскія, причемъ, когда они приближались къ пристани, къ которой шли (вѣроятно Синопу), одно судно разбилось.

Аланы. Въ эту пору ближайшими сосѣдями Херсонеса являются аланы, которые перешли сюда во время упадка хазарской державы, когда хазары начали слабѣть подъ ударами русскихъ. Аланы поселились вблизи Херсонеса между городомъ и половцами, которыхъ потомъ замѣнили татары, однако не на морскомъ берегу, а гдѣ то по близости, внутри Крыма. Здѣсь аланы занимали, по мнѣнію исследователя, какой-либо крѣпкій пунктъ, которымъ могъ быть нынѣшній Чуфуть-Кале. Аланы были народъ воинственный и дикій, исповѣдававшій христіанскую вѣру. Хотя они и находились въ живой связи съ греками и въ подчиненіи греческой церковной іерархіи, все же аланы сохранили свой языкъ и свою національную обособленность. Они жили въ миру съ Херсонесомъ и ограждали безопасность его торговаго населенія отъ татаръ.

Въ 1239 г. монголы овладѣли Сугдеею и, вѣроятно, въ

томъ же году подчинили себѣ и Херсонесъ, который называли желтою крѣпостью (Саря-Кирманъ).

Около 1240 г. (между 1222 и 1240, по инымъ источникамъ въ 1204) пріѣхалъ въ Херсонесъ вновь посвященный аланскій епископъ Феодоръ. Онъ принялъ священныи санъ въ Никее, гдѣ въ эту пору имѣлъ свою резиденцію константинопольскій патріархъ, и направился затѣмъ въ предѣлы своей епархіи на Кавказъ. Ему пришлось однако ѣхать окружнымъ путемъ черезъ Херсонесъ и Босфоръ. Въ письмахъ къ константинопольскому патріарху Феодоръ подробно описываетъ свои приключенія. Оказывается, что онъ выѣхалъ изъ Никей въ сопровожденіи своего отца, епископа босфорскаго, возвращавшагося въ свою епархію.

Епископъ
Феодоръ.

Феодоръ и его спутники попали въ руки «какихъ то двухъ притѣснителей», которые «выслали ихъ изгнанниками и узниками» и насильственно высадили ихъ въ Херсонесъ. Здѣсь нашелся «какой то покровитель», въ лицѣ нѣкоего «преславнаго Іоанна», и городъ далъ имъ нѣкоторую свободу.

Но Іоаннъ боялся одного изъ тѣхъ, которые преслѣдовали Феодора и котораго онъ называетъ недостойнымъ Цаманомъ и опасался, чтобы тотъ «не возбудилъ противъ него народъ» и потому онъ держалъ узниковъ «въ состояніи среднемъ между свободою и узами». Случай помогъ Феодору бѣжать въ такую минуту, когда «городъ скорбѣлъ о домашнихъ бѣдствіяхъ». Извнѣ угрожала опасность, а «внутри подымалась междоусобная брань». Епископъ Феодоръ и его отецъ бѣжали въ аланское селеніе, неподалеку отъ Херсонеса. Въ этомъ мѣстѣ аланы жили «столько же по своей волѣ, сколько и по желанію херсонесцевъ». Но и здѣсь недоброжелатель гналъ Феодора и его спутниковъ своей злобой, ища ихъ смерти. Этотъ врагъ сдѣлалъ затѣмъ набѣгъ и, очутившись въ Херсонесѣ, грозилъ войной «малымъ аланамъ», если они не выдадутъ бѣжавшихъ. Въ Херсонесѣ врагъ Феодора сталъ затѣмъ «покушаться на тиранію». Тогда граждане прекратили свои междоусобія и вынудили притѣснителя спастись изъ города бѣгствомъ.

Въ аланскомъ селеніи, служившемъ Херсонесу «словно нѣкое огражденіе и охрана», Феодоръ былъ принятъ горячо. Аланы «радно сѣгались вокругъ роднаго пастыря». Но сосѣднее городу аланское селеніе принадлежало херсонесской епархіи. Херсонесскій епископъ, старикъ, давно занимавшій

эту кафедру, человекъ «прекрасный и добрый», пренебрегалъ по отношенію къ аланамъ своими пастырскими обязанностями. Они же сами «жаждали христіанскаго поученія». Епископъ Теодоръ вступилъ съ аланами въ общеніе, наставлялъ ихъ, образовалъ себѣ паству изъ этого жалкаго народа, разсѣяннаго въ горахъ и пустыняхъ, и нѣкоторое время спокойно жилъ среди аланъ. Но вскорѣ его просвѣтительная дѣятельность навлекла на себя неудовольствіе херсонесскаго епископа, считавшаго «для себя смертью пріѣздъ Теодора въ Херсонесъ». Тотчасъ пошла рѣчь о границахъ епархіи и о томъ, что Теодоръ— чужой и вторгается въ чужую епископію. Теодора привлекли на судъ херсонесскаго синода. Его обвинили въ общеніи съ «безбожными аланами, которые хуже скиѳовъ». Во время суда Теодора «толкали и отталкивали съ издѣвательствомъ и гнѣвомъ, осыпая его бранью». Въ результатѣ, ему пришлось покинуть Херсонесъ и отправиться въ Босфоръ.

Таковъ разсказъ епископа Теодора. Онъ оставляетъ насъ въ неизвѣстности, говоритъ профессоръ Кулаковскій, какъ и почему и съ какого времени оказались аланы въ сосѣдствѣ Херсонеса; какая причина вызвала волненіе въ Херсонесѣ во время пребыванія тамъ епископа Теодора, и кто былъ его врагомъ въ этомъ городѣ; кромѣ тамошняго епископа, кто управлялъ тогда Херсонесомъ, и былъ ли этотъ городъ въ зависимости отъ византійскаго императора, пребывавшаго тогда въ Никеѣ?

Рубруквисъ.

Въ 1248 г. Херсонесъ былъ ограбленъ монголами Ногай. Въ 1253 г. извѣстный посолъ французскаго короля Людовика IX Святого къ татарамъ, монахъ Рубруквисъ (Рубрукъ, Рюисброкъ), плылъ мимо Херсонеса, на пути изъ Константинополя въ Судакъ и Золотую Орду. Онъ издали видѣлъ островъ, принадлежавшій Херсонесу, на которомъ былъ замученъ св. Климентъ и на которомъ стояла церковь, построенная, какъ ему передавали, ангелами. Рубруквисъ разсказываетъ, что между Херсонесомъ и Судакомъ расположено сорокъ укрѣпленій. Херсонесъ въ это время былъ самостоятельнымъ городомъ, уже независимымъ отъ трапезундской имперіи. Отъ монголовъ же Херсонесъ и Судакъ отплачивались опредѣленною данью.

Когда въ 1261 г., при Михаилѣ Палеологѣ (1260—1282), греческіе императоры вновь, при помощи генуэзцевъ, вернулись въ Константинополь, то Херсонесъ пытался было под-

няться отъ состоянія упадка, въ который пришелъ, но въ это именно время, генуэзцы успѣли утвердиться въ Крыму и первую заботою ихъ стало—освободиться отъ соперничества Херсонеса, которое могло быть для нихъ опаснымъ. Генуэзцамъ, какъ мы увидимъ, удалось совершенно уничтожить всякое значеніе Херсонеса.

Въ 1280 г. на соборѣ въ Константинополѣ присутствовалъ между прочими и епископъ херсонесскій Левъ.

Между 1280 и 1284 гг. произошла свадьба св. Феодора Ростиславича Чернаго, князя Смоленскаго и Ярославскаго, съ дочерью татарскаго хана Менгу-Темира. Ханъ подарилъ зятю 36 городовъ, въ числѣ коихъ житіе св. Феодора, помѣщенное въ Степенной Книгѣ, называетъ и Херсонесъ (Корсунь).

Около 1300 г. появились въ Крыму турки, переправившіеся черезъ Черное море, но татары ихъ разбили и вынудили вернуться обратно въ Азію. Турки бѣжали черезъ Херсонесъ, который, по замѣчанію историка, конечно, не пощадили ни побѣдители, ни побѣжденные.

Съ этого времени Крымомъ окончательно овладѣваютъ генуэзцы и венеціанцы, «съ которыми множество армянъ жило», какъ значитъ въ исторической запискѣ, представленной императрицѣ Екатеринѣ II Потемкинымъ. Въ Херсонесѣ былъ учрежденъ генуэзскій консулатъ.

Генуэзцы.

Въ 1303 и 1304 гг., при составленіи двухъ грамотъ, данныхъ генуэзцамъ отъ имени императора Андроника II Палеолога, присутствовалъ первый латинскій архіепископъ въ Херсонесѣ, называвшій себя *archiepiscopus chirsinensis*. Это былъ англичанинъ, доминиканецъ Ричардъ. Римскій папа Іоаннъ XXII послалъ въ Херсонесъ (*in terra Gothiae, locus Chersona vocatus*) епископа Ричарда, съ указаніемъ построить въ городѣ церковь во имя св. Климента и вступить въ переговоры съ трапезундскимъ императоромъ Андроникомъ II о соединеніи греческой церкви съ римскою. Съ этихъ поръ въ Херсонесѣ, параллельно съ греческою церковью, существуетъ и латинская епархія.

Епископъ
Ричардъ.

Въ 1318 г. городъ Херсонесъ отмѣченъ на географической картѣ Петра Вессконті подъ названіемъ Керсона.

Ко времени 1318—1347 гг. относится любопытное письменное обязательство, данное митрополитомъ херсонесскимъ Гереміей константинопольскому патріарху, наглядно характеризующее незавидное положеніе Херсонеса въ эту эпоху.

А именно: Иеремія даетъ обѣщаніе въ томъ, что онъ, послѣ посвященія въ херсонесскіе митрополиты, не будетъ искать причинъ оставаться въ Константинополѣ и бояться отправиться въ Херсонесъ, не будетъ также просить о переводѣ на другое мѣсто, и не будетъ бояться трудности управленія херсонесской церковью.

Въ 1320 г. Гедиминъ, великій князь литовскій, подвергъ городъ полному раззоренію.

Въ 1329 и 1331 гг. упоминается объ епископѣ херсонесскомъ, имя котораго, однако, неизвѣстно. Около того-же (1331) года, арабскій писатель Исмаиль Абуль-Феда упоминаетъ о Херсонесѣ подъ обычнымъ мусульманскимъ названіемъ Сари-Кирманъ.

Въ 1333 г. вся крымская торговля находилась въ рукахъ венецианцевъ и генуэзцевъ, которые поселили свою колонію и въ Херсонесѣ. Сначала итальянцы оживили было дѣятельность города, но это длилось недолго. Они, какъ мы видѣли, боялись соперничества Херсонеса и покровительствовали Судаку и Каффѣ. Эти города вскорѣ и завладѣли всею крымскою торговлей, тогда какъ Херсонесъ пришелъ въ полный упадокъ. Въ сущности, замѣчаетъ историкъ, генуэзцы никогда дѣйствительно не владѣли Херсонесомъ. Городъ оставался всегда исключительно греческимъ, даже въ то время, когда итальянцы утвердились въ Крыму и занимали въ немъ многіе пункты. Однако, весьма вѣроятно, что генуэзцы, какъ народъ торговый, обитали въ Херсонесѣ въ значительномъ числѣ. На это указываетъ учрежденное здѣсь папою Іоанномъ XXII, въ 1333 г. католическое епископство. Императоръ Андроникъ II, желая сблизиться съ папою, обратился для этого, между прочимъ, и къ херсонесскому епископу, доминиканцу Ричарду. О немъ упоминается въ письмѣ папы Іоанна XXII къ императору (отъ 4 августа 1333 г.). Съ этого времени херсонесская епископія подчиняется босфорскому римско-католическому архіепископу.

Въ Херсонесѣ найдена серебряная монета этой эпохи, чеканенная сербскимъ царемъ Стефаномъ (1336—1356), въ Каттаро (Далмація).

Въ 1340 и 1347 гг. упоминается объ епископѣ херсонесскомъ, но безъ имени. Въ эту эпоху Херсонесъ попалъ, по предположенію иныхъ историковъ, подъ власть владѣльцевъ Θεодороса (Θεодори, Θεodoro), независимыхъ князь-

ковъ греческаго происхожденія, жившихъ въ Крыму и называвшихъ себя князьями Готіи.

Въ 1350 г. генуэзцы заключили съ Византіей договоръ, въ которомъ повторяется обѣщаніе императора Андроника I о предоставленіи торговли въ Херсонесѣ исключительно итальянцамъ. Византійцамъ воспрещалось вести торговлю по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, греческимъ же купеческимъ судамъ особенно запрещалось заходить въ Херсонесъ. Безсильный императоръ долженъ былъ, какъ выше сказано, подчиниться этому условію. Тогда Херсонесъ, оставленный греками, утратилъ и то малое значеніе, которое имѣлъ до сихъ поръ. Вся выгодная черноморская торговля съ варварскими народами, которая, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ и способствовала обогащенію и возвышенію города, окончательно перешла въ руки купцовъ генуэзской Каффы.

Что касается херсонесской церкви, то она въ это время возвышается до степени митрополии. Въ актѣ 1356 г. патріархъ говоритъ о переводѣ епископа нисскаго Игнатія на херсонесскую митрополию. Въ другомъ актѣ константинопольскій патріархъ говоритъ о херсонесскомъ митрополитѣ Макаріи: «рукоположенъ истинный митрополитъ и пастырь и учитель во всю херсонесскую митрополию честнѣйшій іеромонахъ, господинъ Макарій». Намъ извѣстны имена 25-ти епископовъ, архіепископовъ и митрополитовъ въ херсонесской епархіи, съ начала ея открытія до сліянія ея съ готскою въ 1394 г. (или 1396). Почти всѣ они постоянно присутствовали въ патріаршемъ константинопольскомъ синодѣ.

Но хотя генуэзцы и возвели Херсонесъ въ митрополию—упадокъ города былъ окончателенъ; онъ терпѣлъ великую бѣдность, заводя съ сосѣдями споры изъ за деревушекъ и выпрашивая подачки у константинопольскаго патріарха. Утрачивается даже и самое имя города и въ актахъ XIII—XVI вв. мы, вмѣсто Херсонеса, встрѣчаемъ нижеслѣдующія имена: Керсона, Корсонне, Крессона, Херроне, Зурзона, Герезонда, Жириконда, Жерезонда, Зембано, Целоне и другія; у венеціанцевъ: Полесине и Полесене; у турокъ: Шурши, Сари-Кирманъ.

Въ 1361 г. упоминается епископъ Херсонеса, но имя его неизвѣстно.

Ольгердь. Въ 1362 г. (1363) Херсонесь, по разсказу Стрйковскаго, повторенному Карамзинымъ, былъ совершенно раззоренъ великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ, во время его погони за разбитой имъ при устьяхъ Днѣпра монгольской ордой. При этомъ большая часть жителей города была умерщвлена, церковныя сокровища разграблены и похищены. Епископъ херсонесскій, не имѣя больше ни храма, ни жилища, переселился съ оставшимися въ живыхъ священнослужителями въ укрѣпленіе Инкерманъ. Съ того времени городъ окончательно запустѣлъ и уже не оправлялся. Впрочемъ, извѣстіе о набѣгѣ Ольгерда оспаривается Ф. К. Бруномъ, по словамъ коего «не трудно доказать, что сынъ Гедимины никогда не былъ въ Крыму».

Въ 1365 г. генуэзцы овладѣваютъ замкомъ Чембало (Балаклава) по ближайшему сосѣдству съ Херсонесомъ. Раззоренная же херсонесская епархія была въ 1368 г. поручена константинопольскимъ патріархомъ управленію митрополита готскаго.

Изъ херсонесскихъ митрополитовъ до 1380 г. упоминаются митрополиты: Кирилль, Игнатій и Василій. Точное время ихъ служенія церкви не указано.

На каталонской картѣ 1375 г. Херсонесь называется Зурзона.

Споръ изъ-за города Элисса.

Около 1376 г. возникъ ожесточенный споръ между херсонесскимъ митрополитомъ и сосѣднимъ, сугдейскимъ (Судакъ) и готскимъ, изъ за принадлежности къ той или другой епархіи нѣсколькихъ мѣстностей и деревень. Дѣло шло о городѣ Элиссѣ и приходахъ Сикита (Никита), Пареенита, Лампадъ (Ламбадь), Фуны (близъ Никиты) и Аланія. Также объ угодьяхъ Ялита (Ялта) и Кипсанусѣ.

Херсонесскій митрополитъ поѣхалъ въ Константинополь и тамъ добился отъ патріарха Макарія грамоты за печатью и подписью императора, дарующей херсонесской митрополіи права на спорныя мѣстности. Грамота эта ссылалась на обѣдненіе херсонесской церкви, для поддержанія коей ей и отдавались разныя населенныя мѣста. Но на эти спорныя мѣстности немедленно же заявили свои права сосѣдніе митрополиты. Начались пререканія. Херсонесскій митрополитъ, въ силу патріаршей грамоты, занялъ городъ Элиссѣ съ окрестными деревнями и не соглашался ихъ уступить. Произошли «смущенія и соблазны между архіереями», которые вооружились одинъ

на другого. Митрополиты сугдейскій и готскій отправились съ жалобами въ Константинополь, требуя возвращенія неправильно захваченныхъ херсонесскимъ митрополитомъ мѣстъ и, съ своей стороны, представили, въ подтвержденіе своихъ правъ, грамоту патріарха Филовея къ одному монаху, поселившемуся, по приказанію херсонесскаго митрополита въ г. Элиссѣ. Въ этой грамотѣ патріархъ угрожалъ монаху своимъ гнѣвомъ и наказаніемъ, если онъ не уберется изъ Элисса, принадлежащаго сугдейской епархіи. Для объясненій вызванъ былъ въ Константинополь въ 1380 г. и херсонесскій митрополитъ.

Къ этому-же 1380 г., относится договоръ, заключенный генуэзцами съ капчакскимъ ханомъ, въ силу коего вся Готія отъ Чембалло до Судака отходила въ подданство Генуи. Съ этого времени Херсонесъ совершенно освободился отъ соѣдства татаръ.

Осенью 1382 г. (сентябрь — ноябрь) началось въ константинопольскомъ синодѣ разбирательство спора херсонесскаго митрополита съ сосѣдями. Патріархъ Нилъ пригласилъ себя въ помощь архіереевъ гераклейскаго и угровлахійскаго, никомидійскаго, лаодикійскаго, котіейскаго, готскаго и зикхійскаго. Синодъ призналъ, что грамота предмѣстника Нила, патріарха Макарія, на которую ссылался херсонесскій митрополитъ, составлена незаконно, помимо синода, безъ надлежащаго изслѣдованія, и потому должна быть упразднена. Далѣе синодъ постановилъ обстоятельно изслѣдовать дѣло, потребовавъ отъ сторонъ документовъ на владѣніе и свидѣтельскихъ показаній. Рѣшеніе синода было по всѣмъ пунктамъ противъ херсонесскаго митрополита. Городъ Элиссъ возвращенъ сугдейской митрополіи, а Кипсанусъ (въ 1383 г.) готской митрополіи. Тяжущіеся митрополиты вернулись въ Крымъ.

Однако херсонесское духовенство не согласилось подчиниться этому рѣшенію синода. Начались «большія драки», доходившія до убійствъ. Херсонесскій митрополитъ постоянно жаловался патріарху и «наполняя все воплемъ, утверждалъ, что онъ обиженъ». Наконецъ патріарху Нилу удалось уговорить готскаго митрополита уступить херсонесской митрополіи Кипсанусъ, хотя, замѣчаетъ историкъ, «неизвѣстно и даже загадочно, какими основаніями и доводами херсонесскій митрополитъ убѣдилъ патріарха и его синодъ, что Парөөнита издревле принадлежала къ епархіи Херсонеса, а не Готіи и

что только ближайшіе предшественники патріарха Нила отобрали ее вмѣстѣ съ другими приходами у херсонесской каедры въ пользу готской?» На этомъ патріархъ временно помирилъ митрополитовъ и затѣмъ неоднократно писалъ имъ, чтобы они жили въ мирѣ; но все это было тщетно. Херсонесскій митрополитъ не соглашался на отобрание у него спорныхъ деревень и, наконецъ, послалъ къ патріарху своего священника, по имени Георгія, дабы умолить патріарха произвести разслѣдованіе спора на мѣстѣ. Патріархъ согласился и въ 1384 г. поручилъ произвести слѣдствіе на мѣстѣ митрополиту Сугдеи и Фуллъ и константинопольскому іеромонаху Исидору сообща. Имъ указано было постараться покончить споръ миромъ, но если-бы это не удалось, то рѣшить тяжбу путемъ изслѣдованія и свидѣтельскихъ показаній. По прибытіи въ Крымъ и до начала слѣдствія готскій митрополитъ скончался. Тогда іеромонахъ Исидоръ одинъ приступилъ къ слѣдствію. Херсонесскій митрополитъ попытался одѣлаться отъ него убійствомъ. «Какую злобу ты высказалъ». пишетъ херсонесскому митрополиту по этому поводу патріархъ, «какія козни устроилъ, когда, условившись отправиться вмѣстѣ съ немногими людьми, ты имѣлъ на пути спрятанное войско, которому приказано было убить ихъ (Исидора съ его спутниками), и только Богъ помогъ, что они избѣгли твоей зазавды. Документъ въ пользу готской епархіи—нашу грамоту—ты разорвалъ, взявши ее изъ рукъ нашего экзарха. И откуда это ты научился такой наукѣ—разрывать мои грамоты, чего даже царь никогда не дѣлалъ?» Слѣдствіе выяснило, что все претензіи херсонесскаго митрополита были несправедливы, и что мѣста, которыми онъ завладѣлъ, въ дѣйствительности принадлежали епархіямъ сугдейской и готской. Исидоръ вернулся въ Константинополь и доложилъ о результатѣ патріарху Нилу. Патріархъ намѣревался было вызвать въ Константинополь херсонесскаго митрополита и предать его духовному суду, но затѣмъ ограничился тѣмъ, что потребовалъ отъ него возвращенія патріарху «разорванной его грамоты, какъ она есть», въ клочкахъ. Новый готскій митрополитъ Антоній, по просьбѣ патріарха, согласился уступить херсонесскому митрополиту Кипсанусъ, который съ окрестными деревнями и былъ въ августѣ 1385 г. закрѣпленъ за Херсонесомъ, съ тѣмъ однако, что если херсонесскій митрополитъ не останется въ полномъ покоѣ и миру съ сосѣ-

дями и не перестанетъ жаловаться, то патріархъ угрожаетъ ему наказаніемъ, отнятіемъ Кипсануса и низложеніемъ. Всѣ остальные спорныя мѣстности были отобраны отъ херсонесской митрополіи. Рѣшеніе синода по этому дѣлу скрѣплено было особымъ актомъ въ 1386 г. Прежняя грамота патріарха Филоея была отмѣнена «сперва на половину, а потомъ и совсѣмъ».

Но не прошло четырехъ лѣтъ послѣ этого опредѣленія, какъ мы снова видимъ херсонесскаго митрополита Ѡаддея въ Константинополь съ новыми жалобами. На этотъ разъ дѣло пошло успѣшно. Новый патріархъ Макарій былъ на сторонѣ Херсонеса. Митрополитъ изложилъ передъ синодомъ свои прежніе доводы, ссылаясь на грамоту патріарха Филоея, утвержденную императоромъ. Митрополитъ привезъ съ собой и свидѣтелей въ свою пользу. Синодъ въ августѣ 1390 г. въ присутствіи патріарха и архіереевъ гераклеяскаго, кизическаго, никомидійскаго, никейскаго, халкидонскаго, монемвасійскаго, серрскаго, мидійскаго и драмскаго рѣшилъ дѣло въ пользу херсонесской церкви, возстановилъ силу грамоты патріарха Филоея и призналъ права херсонесскаго митрополита на Кипсанусъ со всѣми сосѣдними прибрежными мѣстами: Фуною, Аланією, Алуштою, Лампадомъ, Паренитою и Сикитою съ Хрихаремъ. Возвращены были Херсонесу и Элиссъ съ окрестными деревнями. Въ актѣ 1386 г. упоминаются имена прежнихъ херсонесскихъ архіереевъ Кирилла, Игнатія и Василія, выстроившаго на сугдейской границѣ, на херсонесской землѣ, церкви съ кельями.

Однако споръ, повидимому, еще продолжался и послѣ этого, такъ какъ въ 1392 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Константинополь находятся оба митрополита херсонесскій и сугдейскій. Затѣмъ они оба снова являются въ Константинополь, какъ въ сентябрѣ 1393 г., такъ и въ январѣ, февралѣ и сентябрѣ 1394 г.

Въ 1396 г. (въ ноябрѣ) патріархъ еще разъ вызвалъ въ Константинополь обоихъ митрополитовъ для слушанія дѣла по новому обвиненію херсонесскаго сугдейскимъ, на этотъ разъ въ томъ, что херсонесскій митрополитъ «получивъ довольно денегъ» дозволилъ благословить пятый бракъ, ранѣе сего воспрещенный сугдейскимъ митрополитомъ. Судъ долженъ былъ состояться въ апрѣлѣ 1397 г.

Въ 1400 г. упоминается херсонесскій митрополитъ Ма-

карий, посвященный константинопольскимъ патриархомъ Матеемъ. Въ 1427 г. посѣтилъ Крымъ мюнхенскій бюргеръ Иоганнъ Шилтпергеръ. Онъ упоминаетъ о Херсонесѣ подъ названіемъ Серухерманъ, какъ о городѣ, гдѣ проживаютъ христіане и гдѣ былъ замученъ св. Климентъ.

Въ Инкерманѣ найдена надпись 1427 г., въ которой говорится: «построенъ храмъ сей съ благословенною крѣпостью, которая нынѣ видна, во дни господина Алексія, владѣтеля города Феодоро и морского берега». Внутри же пещернаго города въ скалахъ Инкермана сохранились въ разныхъ мѣстахъ кресты, вырубленные въ скалѣ. Ихъ форма, говорятъ авторы Русскихъ Древностей, совершенно не похожа на древнюю, бывшую въ употребленіи въ Херсонесѣ. Херсонесъ же, какъ большой городъ, переполненный церквями, долженъ былъ служить источникомъ христіанскихъ обрядностей и формъ для всѣхъ окрестныхъ мѣстностей. Такимъ образомъ инкерманскіе кресты, а стало быть и церкви, должны быть относимы къ такому времени, когда Херсонесъ потерялъ значеніе главнаго города страны или даже, быть можетъ, былъ и вовсе покинутъ, т.-е. къ XIV—XV вв. Исслѣдователи предполагаютъ, что въ указанной выше надписи 1427 г. говорится именно о церкви св. Климента, перенесенной изъ Херсонеса въ Инкерманъ.

Въ 1433—1434 гг. упоминается о возстаніи греческихъ жителей въ Чембало. Въ возстаніи вѣроятно принималъ участіе и Херсонесъ. Но генуэзцы, имѣвшіе въ Херсонесѣ свою колонію и консула, возстановили порядокъ.

Херсонесъ въ это время, все еще считается значительнымъ торговымъ пунктомъ, хотя положеніе его, какъ мы видѣли, очень плачевное. Всѣ области и колоніи города были отняты, автономія сильно стѣснена.

Въ 1436 г. посоль, отправленный венеціанской республикой въ извѣстную Тану, на устьяхъ Дона, Іосифъ Барбаро, упоминаетъ въ числѣ крымскихъ городовъ и о Херсонесѣ, подъ названіемъ Сарсоно «въ Готіи».

Въ 1440 г. рукоположенъ былъ патриархомъ константинопольскимъ Митрофаномъ послѣдній херсонесскій митрополитъ.

Въ уставѣ для генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ, изданномъ въ Генуѣ въ 1449 г., на консульство, находившееся въ Херсонесѣ (Горзонѣ), наложена была подать въ размѣрѣ

4-хъ соммъ (quatuor summos), которую всякій вновь назначенный консулъ долженъ былъ уплатить до вступленія въ должность. Подать предназначалась на производство работъ по постройкѣ и ремонту стѣнъ и башенъ города Каффы.

Въ 1453 г. турки овладѣли Константинополемъ и вскорѣ Турки. затѣмъ завоевали и Крымъ, гдѣ довершили дѣло его разграбленія. Тогда жители Херсонеса окончательно покинули свой городъ и, по догадкѣ историка, переселились въ Италію.

Въ 1470—1471 гг. банкъ св. Георгія, которому генуэзская республика уступила свои крымскія владѣнія, занимался срытіемъ стѣнъ и башенъ Херсонеса, согласно предложенію каффскаго консула Чіавройя. По предположенію историка генуэзцы уничтожили крѣпости Херсонеса и Боспоро (Керчь), въ виду невозможности защитить ихъ отъ турокъ и опасенія, какъ бы турки не обратили этихъ крѣпостей въ мѣста своей осѣдлости.

ГЛАВА VIII.

Отъ 1453 по 1783 г.

Броневскій.—Палласъ.—Князь Долгоруковъ.—Кларкъ.

Въ 1475 г. Мухаммедъ II взялъ Чембало (Балаклава) и овладѣлъ Крымомъ. Но въ то время Херсонесъ былъ уже настолько разрушенъ, что турки его не заняли, а только забрали въ городъ, какъ ниже сказано, матеріалъ для построекъ Стамбула.

На итальянскихъ картахъ Андрея и Граціозы Бенинказа, 1476 и 1480 гг., Херсонесъ называется Гириконда.

Иосифъ Барбаро († 1495) упоминаетъ о Херсонесѣ подъ именемъ Сарсоно, какъ объ укрѣпленіи, входившемъ въ составъ Готин.

На картѣ Фредуціо Хотомама 1497 г. Херсонесъ называется Гиризонда.

Къ XV-му в. относится приписка, сдѣланная по гречески на церковной рукописи этого времени, писанной по турецки и найденной В. Григоровичемъ въ Мариуполѣ. Въ этой припискѣ говорится о митрополіи сугдейской и херсонесской. Упомянутое объ этой же епархіи имѣется и на одной рукописи евангелія.

Броневскій. Въ 1578 г. (1595) посѣтилъ и описалъ развалины Херсонеса Мартинъ Броневскій (де Бъѣждфедеа), посланникъ польскаго короля Стефана Баторія къ крымскому хану Мухаммедъ Гирею. По описанію Броневскаго, древне-греческій Херсонесъ, построенный изъ инкерманскаго камня, представлялъ величественныя развалины. Эти «достойныя удивленія руины явно свидѣтельствуютъ, что здѣсь былъ нѣкогда великолѣпный, богатый и славный городъ грековъ, многолюд-

ный и знаменитый своею отличною пристанью. На оконечности мыса и у самого берега пристани, также во всю ширину мыса от одного берега моря до другого, еще и теперь возвышаются высокая стѣна и башни многочисленныя и большія, изъ тесанныхъ огромныхъ камней, и вся эта сторона обращена къ морю. У самыхъ стѣнъ города видны водопроводы, которые за 4 мили, посредствомъ подземныхъ трубъ, высѣченныхъ изъ камня, проводили воду въ городъ; въ нихъ и теперь еще есть вода очень чистая. Городъ много вѣковъ стоитъ пустъ и необитаемъ и представляетъ однѣ развалины и опустошеніе. Еще и понынѣ видны сохранившіяся отъ разрушенія стѣны и башни, въ постройкѣ которыхъ замѣтны удивительное искусство и роскошь. Царскій дворецъ виденъ въ той же части мыса съ огромными стѣнами, башнями и великолѣпными воротами. Но прекрасныя колонны изъ мрамора и змѣвика, которыхъ мѣста и теперь еще узнаваемы, и огромные камни были взяты турками и перевезены черезъ море для ихъ собственныхъ домовъ и публичныхъ зданій. Оттого городъ пришелъ въ еще большее разрушеніе: не видно даже и слѣдовъ храмовъ или зданій. Дома города лежатъ во прахѣ и сравнены съ землею. Большой греческій монастырь остался въ городѣ. Стѣны его храма еще стоятъ, но безъ кровли; а всѣ украшенія этого зданія разрушены и разграблены». По словамъ Броневскаго мѣстное названіе города: Саригермень.

Въ одномъ описаніи XVI-го в. говорится о сохранившихся въ Инкерманѣ воротахъ и зданіяхъ, украшенныхъ греческими изваяніями. Въ развалинахъ Херсонеса описываются городскія стѣны, башни и водопроводъ.

Въ 1622 г. херсонесскій митрополитъ Серафимъ пріѣзжалъ въ Москву за милостыней, причемъ привезъ части мощей св. мученика Меркурія, «которыя и до сего времени хранятся въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ». Городъ Херсонесъ, очевидно, сильно нуждался въ милостынѣ. Доминиканецъ Эмидіо Дортелли д'Асколи, генуэзскій префектъ Каффы, писалъ о Херсонесѣ въ 1634 г. такъ: «Херсона близъ Балуклавы нынѣ совсѣмъ разрушена и покинута».

Въ 1626 г., Херсонесъ (Корсунъ) нѣсколько разъ упоминается въ Книгѣ Большого Чертежа, составленной по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича. Историкъ Татищевъ, (1773) искавшій древній Херсонесъ въ другомъ мѣстѣ, го-

ворить: «въ Большомъ Чертежѣ, описуя Крымъ, Корсунъ городъ кладеть отъ Бакчисарая 30 версть, токмо оное самымъ писателемъ вымышленно». Однако, замѣчаетъ Мусинъ-Пушкинъ (1794), «въ этомъ г. Татищевъ погрѣшилъ!»

Съ 1643 по 1650 г. былъ католическимъ епископомъ Херсонеса полякъ Сигизмундъ Мясковскій, состоявшій одновременно намѣстникомъ Θεодосіа, а также Каффы, гдѣ онъ и проживалъ.

Палласъ. Въ 1749 г. посѣтилъ херсонесскія развалины академикъ Палласъ.

Кн. Долгоруковъ. Въ 1773 г. мимо Херсонеса проѣзжалъ главнокомандующій русскими войсками князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ. Въ поданной имъ императрицѣ Екатеринѣ II запискѣ объ этомъ путешествіи значится: «подлѣ берегу лежитъ небольшая греческая деревня Ахъ-Яръ, по коей и гавань именуется, а въ лѣво, чрезъ гавань Ахъ-Яра, Херсонъ, древнѣйшій во всемъ Крыму городъ. Развалившіяся стѣны съ высокими башнями показываютъ вдали четверугольную его форму, но время не дозволяло ѣхать къ нему».

Кларкъ. Съ 1778 г. посѣщалъ Херсонесъ Кларкъ, по словамъ котораго русскіе отчаянно разрушали развалины Херсонеса, взрывая на воздухъ фундаменты, опустошая могилы и обращая весь древній строительный матеріалъ на постройку возрождающагося Севастополя. Обвиненіе это, впрочемъ, опровергается изслѣдованіемъ А. Л. Бертье Деллагарда, какъ объ этомъ сказано ниже.

Въ Херсонесѣ найдены монеты послѣдняго крымскаго хана, Шагинъ-Гирея (1774—1783).

ГЛАВА IX

Владычество Россіи.

Отъ 1783 г. до нашихъ дней.

Потемкинъ.—Габлицъ.—Имп. Екатерина II.—Палласъ.—Ваксель.—Сумароковъ.—Кларкъ.—Гютри.—Кёлеръ.—Муравьевъ.—Имп. Александръ I.—Грейгъ.—Дюбуа де-Монпере.—Кеппенъ.—Сестренцевичъ.—Аркасъ.—Муракевичъ.—Корейша.—Арх. Иннокентій.—Гр. Уваровъ.—Имп. Александръ II.—Григоровичъ.—Косцюшко-Валюжиничъ.

Въ 1783 г. крымскій полуостровъ былъ занятъ русскими войсками. Еще въ іюнѣ 1782 г. посланникъ императрицы Екатерины II къ крымскому хану Шагинъ-Гирею, Веселицкій, доносилъ изъ Керчи, что ханъ «первымъ опытомъ своей вѣрности и преданности объявилъ мнѣ на всеподданнѣйшее донесеніе, сколь ему прискорбно, что Ново-Херсонская гавань неудобна къ содержанію въ оной флота, который льдомъ и червями, въ тамошней водѣ изобилующими, подвергается безвременной порчѣ; надобно-бы для сохраненія онаго удобнѣйшую найти, какова въ его владѣніи Ахтіярская, древняго Херсона, гавань, въ которой ни червей нѣтъ, ниже когда замерзаетъ, а сверхъ того, всѣми вѣтрами въ оную входитъ и, по желанію, выходитъ можно. Если Вашему Императорскому Величеству благоугодно повелѣтъ оную занять флотомъ, охотно уступаетъ, признавая принятіе оной за высочайшую себѣ милость, ибо подобной гавани не только у здѣшняго полуострова, но и на всемъ Черномъ морѣ другой не найдется, гдѣ-бы флотъ лучше сохраненъ, и служащіе на ономъ удобнѣе и спокойнѣе помѣщены быть могли, коихъ, по возможности, съ своей стороны, обѣщаетъ и дровами снабдѣвать; одного только не достааетъ и не въ силахъ, безъ высочайшаго Вашего Императорскаго Величества щедрѣйшаго пособія, ис-

править, а именно: построить новые дома и починить развалившіеся старые, на помѣщеніе всѣхъ служилыхъ». Въ 1783 г. въ севастопольской бухтѣ (ахтіарской), появилась русская эскадра съ войсками, которымъ поручено было устроить здѣсь портъ.

Потемкинъ. Между прочимъ, для изслѣдованія мѣстности, Потемкинъ послалъ въ Херсонесъ полковника Балдани, со словъ котораго Богушъ-Сестренцевичъ, римско-католическій архіепіскопъ могилевскій, въ своей исторіи Тавриды рассказываетъ, что раскопки Балдани обнаружили систему подземныхъ водопроводовъ за стѣнами Херсонеса.

Въ томъ-же году Потемкинъ представилъ императрицѣ Екатеринѣ проектъ устройства татаръ, «сонма Али-Джингисъ-Хана, окоренившихся въ Херсонесѣ».

Два года спустя, въ 1785 г. (1784, 1786) на мѣстѣ деревушки Ахтіаръ основанъ былъ городъ Севастополь. Въ августѣ 1785 г. Потемкинъ доносилъ императрицѣ, что ближайшій «къ Севастополю заливъ есть Херсонесскій, получившій себѣ званіе отъ города Херсона, гдѣ надобно думать, что нашъ великій князь Владиміръ воспріялъ св. крещеніе. Развалины сего города и по нынѣ видны на западномъ берегу сего залива, который былъ его пристанью и который имѣетъ длины 800, ширины 130, глубины отъ 2 до 10 саж. Всѣ сіи заливы на 9 верстахъ отъ Севастополя, но далѣе по окружности Херсонесскаго мыса, или маяка и Георгіевскаго монастыря до самой Балаклавы, на разстояніи 19 верстъ. Берега крутые и каменистые». Понятна радость строителей, говоритъ историкъ, когда по близости нашлись развалины стараго Херсонеса, изъ котораго можно было набрать камня вволю. Часть «жалкихъ развалинъ Херсонеса» была, по показанію современника, немедленно обращена на фундаменты новаго города. «Важность мѣста», писалъ Сумароковъ въ 1802 г., «обратила на себя вниманіе. Хижины умножились; погибшій Херсонесъ предсталъ съ богатымъ завѣщаніемъ; повезли изъ него мраморъ, каменья, столбы, карнизы. Севастополь всѣмъ одолженъ до послѣдняго камушка древнему Херсонесу». Всѣ каменные постройки новаго города сооружены, «съ весьма малой издержкою», изъ древнихъ остатковъ; «въ Херсонесѣ Ахтіаръ ископалъ всѣ свои украшенія, хотя сей градъ скрываетъ, конечно, еще довольно достопамятныхъ вещей для охотниковъ древности».

Иностранные источники описывают разрушение херсонесских развалин русскими войсками в самых мрачных красках. Но, насколько эти обвинения пристрастны и преувеличены, блистательно доказал А. Л. Бертье Делгардъ. При постройкѣ Севастополя наши войска хотя и использовали камень херсонесскихъ развалинъ, но несправедливый упрекъ, брошенный русскимъ, будто-бы для сооруженія новаго города они постененно уничтожили всѣ уцѣлѣвшіе до нихъ памятники древняго Херсонеса, окончательно отпадаетъ послѣ изслѣдованія Бертье Делгарда. Наоборотъ, со дня русскаго завоеванія начинается время возстановленія древняго Херсонеса и широко открывается путь къ научнымъ изысканіямъ.

Такъ, уже въ 1786 г. подробно осматривалъ и описывалъ Херсонесъ Габлицъ, представившій Императрицѣ Екатеринѣ II планъ города, на коемъ нанесены были слѣды замѣтныхъ улицъ. Ихъ было параллельно морю, 15 большихъ и малыхъ, которыя пересѣчены были совершенно правильно 23-мя другими. На двухъ оконечностяхъ города, выдававшихся въ море, отмѣчены предмѣстья, гдѣ жили рыбаки.

Габлицъ.

Въ этомъ же году образована была епархія «Екатеринославская и Херсонисъ-Таврическая», причемъ подъ послѣднимъ именемъ подразумѣвался тогда весь крымскій полуостровъ.

Въ слѣдующемъ, 1787 г. посѣтила херсонесскія развалины, которыя татары называли Чоргунъ, и сосѣднюю деревню Ахтиаръ сама императрица Екатерина II и въ томъ-же году выбиты были для Крыма серебряныя монеты съ вензелемъ императрицы и надписью: «Царица Херсониса Таврическаго». Утверждая гербъ для новой Таврической губерніи, императрица Екатерина повелѣла, говорить изслѣдователь, изобразить внутри герба на голубомъ полѣ золотой восьмиконечный крестъ, «да знаменуетъ онъ, что крещеніе во всей Россіи черезъ Херсонесъ произошло».

Императрица Екатерина II.

Вслѣдъ за посѣщеніемъ императрицы, Херсонесъ подвергается ряду обслѣдованій путешественниковъ, каковы Палласъ (1793—1794), описавшій остатки прекрасной стѣны и нѣсколькихъ башенъ, четырехугольныхъ и круглыхъ, сложенныхъ изъ большихъ тесанныхъ камней, большая часть которыхъ была, однако, уже вывезена. Камни были въ старину скрѣплены между собою деревянными бревнами и глиной.

Палласъ.

Весь Херсонесъ былъ полонъ слѣдами древнихъ стѣнъ и фундаментовъ построекъ. Видны были городскія ворота. По словамъ Палласа «не только городъ, но и селенія были окружены каменными стѣнами и башнями». Палласъ описываетъ капители коринтскаго стиля, колонны, колодцы и подземные водяные проводы. Послѣ этого описанія «о мѣстоположеніи древняго Херсонеса ни малѣйшаго сомнѣнія не существуетъ», замѣчаетъ Мусинъ-Пушкинъ въ 1794 г.: «развалины онаго и понынѣ существуютъ, съ коихъ имѣется у меня и планъ».

**Ваксель.
Сумароковъ.**

Нѣсколько лѣтъ спустя посѣтилъ Херсонесъ Ваксель. (1797—1798). Въ 1797 г. капитанъ Семенъ Бобровъ напечаталъ поэму подъ заглавіемъ: «Таврида или мой лѣтній день въ таврическомъ Херсонесѣ»; а въ 1799 г. посѣтилъ Херсонесъ Павелъ Сумароковъ, на замѣтки котораго мы уже имѣли случай сослаться.

**Кларкъ.
Гютри.**

Въ 1801 г. снова осматривалъ и описывалъ Херсонесъ Кларкъ, а въ 1803 г.—Марія Гютри, отмѣтившая между прочимъ сильную убыль воды противъ древняго уровня моря. о чемъ свидѣтельствовали желѣзные кольца, служившія для привязи барокъ. Въ началѣ XIX-го в. эти кольца находились уже высоко надъ поверхностью моря. Подобныя желѣзные кольца мнѣ пришлось лично видѣть въ окрестностяхъ херсонесскаго маяка. Они укрѣплены въ скалѣ высоко надъ уровнемъ моря.

Кёлеръ.

Въ 1802 г. еще разъ былъ въ Херсонесѣ Сумароковъ, а затѣмъ академикъ Кёлеръ въ 1805 г.

Въ 1805 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ огражденіи отъ разрушенія и расхищенія памятниковъ древностей въ Крыму. Со своей стороны Херсонскій Военный Губернаторъ, Дюкъ де-Ришелье предписалъ «имѣть наблюденіе, чтобы частными людьми, по Крыму путешествующими, не было собираемо древнихъ рѣдкостей».

Муравьевъ.

Въ 1820 г. посѣтилъ Херсонесъ Муравьевъ — Апостоль. Въ этомъ же году, президентъ Академіи Наукъ графъ С. Уваровъ въ отношеніи къ Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія писалъ относительно Херсонеса, что самыя важныя древне-греческія фундаменты «находятся въ древнемъ Херсонесѣ, при Севастополѣ, который не надобно однако-жъ смѣшивать ни съ Херсонесомъ, построеннымъ генуэзцами, ни съ Херсонесомъ, на которомъ стоитъ Ахтіаръ или Севастополь. Фундаменты древняго Херсонеса, свидѣ-

тельствующіе объ огромномъ древнемъ строеніи, должны быть сохранены и описаны подробно знающими зодчими». Задача ознакомиться съ этими памятниками возложена была вслѣдъ за симъ на академика Кёлера.

Въ силу этого порученія, Кёлеръ въ 1821 г. вновь посѣтилъ Херсонесъ, вмѣстѣ съ архитекторомъ Паскалемъ. Въ числѣ древнихъ памятниковъ, которые слѣдовало-бы поддерживать въ Крыму, Кёлеръ ставитъ на первомъ мѣстѣ «развалины стараго города и крѣпости Херсонесуса, впредь всегда именуемаго Херсонью».

Въ томъ-же 1821 г. таврическому губернатору поручено было имѣть непосредственный надзоръ надъ сохраненіемъ и береженіемъ развалинъ Херсонеса. Тогда-же обратилъ особое вниманіе на эти развалины адмиралъ Грейгъ.

Грейгъ.

Въ 1824 г. найденъ, по словамъ Френа, «повидимому» въ Херсонесѣ большой нумизматическій кладъ, состоявшій изъ 82-хъ серебряныхъ арабскихъ монетъ VIII-го и IX-го вв.

Въ 1825 г., незадолго до своей смерти, посѣтилъ Херсонесъ императоръ Александръ I. Адмиралъ Грейгъ представилъ императору записку о сооруженіи памятника въ Херсонесѣ, на мѣстѣ крещенія св. Владиміра, и Государь поручилъ Академіи Художествъ составить проектъ такого памятника, причемъ имѣлось въ виду построить небольшую изящную церковь и богадѣльню. Въ 1825 г. одесскому музею вѣнено въ обязанность собирать древности, между прочимъ и найденныя въ развалинахъ Херсонеса.

Императоръ Александръ I.

Въ 1827 г. (или 1824), по приказанію адмирала Грейга, произведены были въ Херсонесѣ раскопки капитаномъ Берхомъ. Добыто нѣсколько монетъ, фундаменты храмовъ, мраморныя части зданій и колонны съ крестами, «мозаическій полъ», а также многочисленныя погребенія IX—X вв. Тогда между прочими найденъ былъ извѣстный надгробный памятникъ римскаго трубача Аврелія Сильвіана. Въ запискѣ о древностяхъ Крыма, составленной таврическимъ губернаторомъ Нарышкинымъ, упоминается, между прочимъ, и Херсонесъ, гдѣ «нынѣ стоитъ только небольшая часть стѣны съ южной стороны. Онѣ изъ дикаго камня и кладены на извести; находятся въ вѣдомствѣ морскаго начальства».

Въ 1829 г. изготовленный Академіей Художествъ проектъ херсонскаго памятника былъ представленъ императору Николаю I и, затѣмъ, съ Высочайшаго разрѣшенія открыта

подписка на сооруженіе этого памятника, продолжавшаяся до 1832 г.

Дюбуа де-Монпере. Въ 1833 г. посѣтилъ и описалъ Херсонесъ Дюбуа де-Монпере, издавшій подробные рисунки и чертежи древнихъ строеній, улицъ и площадей города.

Кеппенъ. Богушъ-Сестренцевичъ. Аркасъ. Послѣ этого описывали Херсонесъ Кеппенъ (1837), Богушъ-Сестренцевичъ, Коолъ, отмѣтившій городскія ворота. и З. Л. Аркасъ (1840). Аркасъ говоритъ о двухъ пристаняхъ, отстоявшихъ одна отъ другой на 150 сажень. Между пристанями находилась башня, коей развалины были еще видны. Первая пристань построена изъ тесанныхъ камней, соединенныхъ цементомъ, и имѣла 3 сажени длины и столько же ширины; 16 рядовъ камней отдѣляли ее отъ моря. Другая пристань была очень мала и занимала пространство въ одну сажень. Къ 1838 г. относится описаніе Херсонеса, приведенное у Г. И. Спасскаго. Здѣсь говорится, что «нынѣ остались однѣ развалины стѣнъ съ признаками башенъ и груды камней. Должно полагать, что и морской берегъ былъ обнесенъ стѣной, которой уже и признаки исчезли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега примѣтны остатки подземныхъ ходовъ». Далѣе описываются «пещеры» (катакомбы) съ лежанками; резервуаръ для воды. «Изрѣдка находятъ здѣсь древнія монеты».

Мурзакевичъ. Съ 1839—1840 гг. начинаются раскопки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей подъ руководствомъ Н. Мурзакевича.

Въ 1843 г. предположеніе о постройкѣ въ Херсонесѣ храма св. Владиміра было видоизмѣнено. Императоръ Николай I повелѣлъ соорудить этотъ храмъ не въ Херсонесѣ, а въ Севастополѣ.

Корейша. Въ 1842, 1843 и послѣдующихъ годахъ въ Херсонесѣ велись археологическія раскопки подъ руководствомъ Д. В. Корейши.

Въ 1851 г. производилъ изслѣдованія лейтенантъ Шемякинъ. Тогда-же Севастопольскимъ Военнымъ Губернаторомъ предписано имѣть наблюденіе «нижними чинами карантинной роты, дабы никто не бралъ ничего изъ древностей Херсонеса».

Архіепіскопъ Иннокентій. Въ 1852 г. вся мѣстность древняго Херсонеса передана была изъ вѣдѣнія морского вѣдомства въ духовное и основана первая келія херсонесской киновіи. Имѣлось въ виду «возстановленіе древнихъ святыхъ мѣстъ по горамъ тавриче-

скимъ». Архіепископъ херсонскій и таврической Иннокентій сообщаетъ, что въ это время въ Херсонесѣ ясно замѣтны были основанія четырехъ базиликъ, изъ коихъ одна—большая, которую Иннокентій считалъ мѣстомъ крещенія св. Владиміра. Архіепископъ предлагалъ даже построить надъ основаніями этой базилики церковь.

Что касается археологіи, то вотъ какъ описывалъ эту эпоху одинъ изъ докладчиковъ на харьковскомъ археологическомъ съѣздѣ: «дѣло раскопокъ остановилось; на смѣну научныхъ изслѣдованій явилось сначала пренебреженіе, а затѣмъ хищеніе. Прекрасный классическій мраморъ нагружали въ баркасы и отправляли его въ Севастополь... на содовую фабрику! Брали и сбывали все, что попадалось подъ руки»... Отзывъ этотъ, можетъ быть, нѣсколько преувеличенъ.

Въ 1853 г. раскопки въ Херсонесѣ поручены были состоящему при Кабинетѣ Его Величества камеръ-юнкеру, графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову. Одновременно съ графомъ Уваровымъ принималъ участіе въ раскопкахъ и преосвященный Иннокентій.

Графъ
Уваровъ.

Эти изслѣдователи открыли на городской площади Херсонеса нѣсколько церквей съ крещальной. Въ базиликѣ на сѣверномъ мысѣ у самага берега моря обнаружены были великолѣпный мозаичный полъ и мраморныя колонны съ барельефами. На колоннахъ начертаны были имена гражданъ, пожертвовавшихъ деньги на ихъ установку (IV в. по Р. Х.).

Въ 1854—1855 гг., во время крымской войны, херсонесская киновія была занята французскими войсками, построившими здѣсь батареи и многочисленныя траншеи, причѣмъ киновія и ея церковь были совершенно разрушены. Но, по заключеніи мира, киновія была опять открыта.

Въ 1858 г. вновь возбужденъ вопросъ о сооруженіи храма въ Херсонесѣ. Императоръ Николай I рѣшилъ дѣло въ утвердительномъ смыслѣ и повелѣлъ построить въ Херсонесѣ храмъ въ ознаменованіе мѣста «купели» св. Владиміра. Съ этою цѣлью, въ слѣдующемъ 1859 г. учрежденъ особый комитетъ по сооруженію въ Херсонесѣ храма св. Владиміра.

Постройка окончилась къ 1861 г., когда 23 августа прибылъ въ Херсонесъ для освященія храма императоръ Александръ II съ императрицею Марією Александровною. «Воздвигнуть былъ великолѣпный храмъ въ византійскомъ

Импера-
торъ Але-
ксандръ II.

стилѣ надъ фундаментомъ того храма, въ которомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ археологовъ, происходило самое крещеніе св. Владиміра».

Григоровичъ.

Въ 1873 г. проѣхалъ мимо Херсонеса В. Григоровичъ, описавшій свое путешествіе по южному берегу Крыма. Однако то, что уцѣлѣло отъ остатковъ города, показалось Григоровичу такъ мало достойнымъ вниманія, что онъ даже не остановился въ Херсонесѣ, а «миновалъ» его.

Съ 1876 по 1885 гг. раскопки производились Императорскимъ Одесскимъ обществомъ Исторіи и Древностей, подъ надзоромъ настоятеля монастыря, игумена Анѳима, и инженеръ-подполковника Геммельмана. Производили также раскопки Мурзакевичъ, Юргевичъ, Краузе и др.

Съ 1877 г. Святѣйшій Синодъ сталъ отпускать, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ежегодно по тысячѣ рублей на раскопки въ Херсонесѣ.

Косцюшко-Валюжиничъ.

Наконецъ, въ 1888 г., по волѣ императора Александра III, дальнѣйшее веденіе раскопокъ въ Херсонесѣ поручено было Императорской Археологической Коммисіи. Съ этого года начаты были систематическія изслѣдованія, которыя съ самаго ихъ начала и понынѣ производятся членомъ Коммисіи Карломъ Казиміровичемъ Косцюшко-Валюжиничемъ.

Начало этихъ систематическихъ раскопокъ встрѣчено было многими учеными съ большимъ недоумѣніемъ. Такъ, въ 1893 г. А. Л. Бертье Делагардь посвятилъ Херсонесу научное изслѣдованіе, о которомъ мы уже упоминали, гдѣ онъ рисуетъ нижеслѣдующую малоприятную картину: «посѣтители Херсонеса думали здѣсь увидѣть живописныя развалины грозной крѣпости, колоннады храмовъ, изящныя мраморы, надписи, монеты, однимъ словомъ, всю ту художественную и научную прелесть большого античнаго города, которая такъ дорога археологу, историку, художнику; въ дѣйствительности, однако, оказывались лишь жалкія безформенныя кучи камней. Понятно разочарованіе изслѣдователей. Раскопки», говорится далѣе, «показываютъ, чего мы можемъ ожидать въ будущемъ, предостерегая насъ отъ преувеличенныхъ надеждъ и беспочвенныхъ археологическихъ мечтаній. Такое предостереженіе далеко не бесполезно, такъ какъ самыя мечтанія еще не исчезли и сравненіе Херсонеса съ Помпеемъ дѣлалось не шутя... Не выйдетъ изъ него никогда даже самаго далекаго, самаго жалкаго подобія Помпеи. Изъ эпохи

языческой мы не находимъ ничего цѣльнаго, даже фундаментовъ; все, что было, уже давно и, вѣроятно, много разъ, силами естественными или искусственными, разрушено и отчасти введено въ составъ позднѣйшихъ построекъ; раскопано такъ много, что, я думаю, сказанное мною можно признать окончательнымъ, такъ какъ нѣтъ надежды найти что-либо, хотя отчасти цѣльное, изъ этой эпохи».

Но — *терпѣніе все превозмогаетъ!* Путемъ огромнаго труда и недюжиннаго терпѣнія, изслѣдователю херсонесскихъ развалинъ удалось опровергнуть вышеприведенное предсказаніе и, взамѣнъ безформенныхъ кучъ камней, представить нынѣ глазамъ посѣтителя ту именно прелесть античнаго города, о которой сѣтовальъ Бертье Делagarдъ.

Десятки лѣтъ кропотливой работы, ряды настойчивыхъ систематическихъ изысканій, упорныя, усидчивыя изслѣдованія мусорныхъ горъ и грунтовыхъ скалъ дали, наконецъ, свѣточу науки возможность освѣтить прошлое Херсонеса своимъ животворнымъ лучемъ. Заступъ, руководимый опытной рукой Карла Казиміровича Косцюшко-Валюжинича, медленно, но вѣрно, годъ за годомъ, пробивальъ себѣ путь къ успѣху и нынѣ «миновать» херсонесскія руины едва ли возможно.

Нынѣ посѣтитель этихъ развалинъ въ благоговѣнномъ удивленіи останавливается передъ обнаруженными археологіей остатками древней гераклеической колоніи. Здѣсь посѣтителю прежде всего покажутъ наружныя укрѣпленія города. Ниже византійскихъ стѣнъ, уцѣлѣвшихъ лишь мѣстами въ обломкахъ, раскопки открыли основанія стѣнъ греческой эпохи. Прежніе изслѣдователи Херсонеса пренебрегли основнымъ правиломъ научныхъ раскопокъ—доходить до грунта или до скалы. Когда же примѣненъ былъ этотъ методъ, то оказалось, что подъ византійскими развалинами сохранились стѣны римскаго и греческаго города и притомъ стѣны негаданной высоты, отъ 4-хъ до 5-ти метровъ. Фундаменты этой постройки укрыты въ морской водѣ, пробивающейся изъ подъ скалы.

Греческая «феноменальная» стѣна, какъ величаетъ ее одинъ изслѣдователь, поражаетъ своей величественной кладкой. Она вся выложена такъ называемыми рустами или рустиками изъ большихъ камней, вытесанныхъ такимъ образомъ, что кругомъ плиты, вдоль 4-хъ сторонъ, оставленъ гладкій ободокъ, середина же каждаго камня болѣе возвышена и шероховата. Камни съ замѣчательной художественной тщатель-

*

ностью пригнаны одинъ къ другому. На очень многихъ изъ нихъ явственно видны греческія литеры древняго образца, служившія отличительными знаками для рабочихъ при постройкѣ стѣны. Многія части стѣны и башенъ подвергались въ разныя времена перестройкамъ и передѣлкамъ. Стѣна была снабжена нѣсколькими большими башнями. Въ ней продѣланы были также ворота и калитки, къ которымъ ведутъ каменныя ступеньки.

Между прочимъ открыты: «древнія греческія ворота превосходной кладки также рустиками, удивительной сохранности съ вертикальными пазами по бокамъ для металлическихъ перекладинъ». Ворота эти были позднѣе (по одному предположенію, въ I-мъ в. послѣ Р. Х.) задѣланы. Тогда же вся греческая стѣна была засыпана. Почему именно римляне такъ поступили, остается, по словамъ изслѣдователя, загадкою.

Впрочемъ, обнаружена до сихъ поръ только незначительная часть городскихъ стѣнъ. Остальныя стѣны и башни еще скрыты подъ землею. Существенною помѣхою для дальнѣйшаго ихъ изслѣдованія служатъ нѣкоторыя постройки херсонесскаго монастыря (гостиница, сараи). Но можно надѣяться, что препятствія эти будутъ устранены. Тогда грандіозная древняя городская стѣна развернется во всей своей античной красѣ на большомъ протяженіи; тогда, выражаясь словами А. В. Половцова, «удастся воскресить остатки русской Трои въ ихъ монументальномъ величіи!»

Посѣтитель Херсонеса несомнѣнно полюбопытствуетъ спуститься къ основаніямъ описываемыхъ стѣнъ. Здѣсь ему покажутъ у самой ихъ подошвы затаенный входъ въ могилу, построенную подъ фундаментомъ стѣны. Въ этой подземной погребальной камерѣ найдены были великолѣпныя ювелирныя издѣлія IV-го в. по Р. Х., подробно описанныя выше, которыя сохраняются нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Въ херсонесскомъ музеѣ имѣются прекрасныя фотографическія снимки съ этихъ замѣчательныхъ издѣлій.

Находка названнаго клада подала поводъ къ различнымъ догадкамъ относительно лица, похороненнаго подъ городской стѣной. Академикъ Кондаковъ высказалъ было предположеніе, что эта могила составляла окончаніе погребальнаго пути, по обѣ стороны коего расположены были могильныя сооруженія. Путь этотъ заканчивался бы такимъ образомъ у городской стѣны, подъ которой и найденъ крайній могильный

склепъ некрополя. Однако, раскопки не оправдали этого предположенія, такъ какъ иныхъ могилъ по близости не обнаружено. Высказана была и другая догадка, въ силу коей подъ стѣной у воротъ города устроилъ себѣ семейный склепъ самъ зодчій, построившій стѣну и башни. Вопросъ пока остается открытымъ.

Войдя во внутрь города, посѣтитель осмотритъ мѣсто, гдѣ найдена была мастерская гончарныхъ издѣлій и терракотовыхъ статуэтокъ IV-го в., о которыхъ мы уже говорили. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются высокою степенью художественности. Описывая великолѣпную терракотовую вазу, найденную Б. В. Фармаковскимъ въ Ольвii и украшенную лѣпными узорами и женскими головками высокаго стиля, профессоръ Мальмбергъ говоритъ: врядъ ли можно сомнѣваться, что оригиналы найденныхъ формъ находились когда-то въ Херсонесѣ, а можетъ быть, тотъ или другой изъ нихъ и теперь еще покоятся въ землѣ и сдѣлаются достоянiемъ счастливыхъ раскопокъ будущихъ лѣтъ.

Въ Херсонесскомъ музеѣ посѣтитель увидитъ фотографii вышеописанныхъ гончарныхъ издѣлій. Здѣсь же онъ ознакомится и съ другими разнообразными видами херсонесской культуры. Передъ глазами посѣтителя промелькнетъ рядъ всевозможныхъ предметовъ обыденнаго греческаго быта, какъ-то: грузила, пряжки, сосуды, монеты, обломки роскошныхъ расписныхъ вазъ, части мраморныхъ облицовокъ зданiй и храмовъ, колонны, фронтоны, акротерiи, а главное—мраморныя плиты съ надписями надгробнаго и политическаго содержанiя. Между этими эпитафическими памятниками первое мѣсто занимаетъ извѣстная херсонесская присяга: «Клянусь Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, Дѣвою, богами и богинями олимпійскими и т. д.». Объ этомъ памятникѣ нами подробно сказано на своемъ мѣстѣ. Греческiя надписи восходятъ до древнѣйшихъ временъ существованiя города и продолжаются вплоть до римскаго времени. Извѣстная надпись, восхваляющая подвиги Дiофанта, полководца Миеридата, о которой говорено выше, перенесена нынѣ въ Императорскiй Эрмитажъ. Эти плиты съ надписями, нѣкогда украшавшiя городскiя площади и храмы, не разъ были сдвинуты съ ихъ первоначальнаго мѣста. Во времена же упадка города ими стали пользоваться какъ матеріаломъ для построекъ зданiй, стѣнъ, гробницъ. Древнiя письмена при этомъ, конечно, безщадно уничтожались. Такъ, на примѣръ,

извѣстенъ случай, когда надъ небольшимъ каменнымъ гробомъ византійскаго ребенка оказался высѣченный на мраморѣ указъ императора Септимія Севера.

Серія херсонесскихъ надписей заканчивается памятниками христіанской эпохи и надгробіями византійскаго Херсонеса.

Отъ византійскаго города вообще уцѣлѣло довольно многое. Таковы многочисленныя остатки домовъ съ ихъ стѣнами, водосточными трубами и глубоко вкопанными въ землю огромными глиняными пивосами, служившими кладовыми для ссыпки зерна.

Посѣтителю покажутъ древніе колодцы, еще и понынѣ наполненные прекрасною водою. Его вниманіе привлекутъ безчисленныя мелкія церкви и часовни съ небольшими абсидами, наскоро сложенными изъ матеріала древнихъ храмовъ. «Поразительны», говоритъ одинъ изслѣдователь, «архитектурныя приемы постройки, обнаруженные въ одной изъ базиликъ времени окончательнаго упадка города. Существовала среди массы мелкихъ базиликъ въ Херсонесѣ одна довольно большихъ размѣровъ; съ теченіемъ времени она разрушилась, можетъ быть въслѣдствіе какой-нибудь катастрофы, но докончили разрушеніе или разборку ея несомнѣнно человѣческія руки. Въмѣсто разрушенной базилики и на самомъ мѣстѣ ея построена была новая базилика, но какъ! Новая базилика такъ мала, что помѣщается вся цѣликомъ въ средней части прежней базилики. Въмѣсто прежнихъ 20 колоннъ, расположенныхъ въ два яруса, возстановлены были изъ нихъ всего 6; обломки-же остальныхъ положены горизонтально и вдѣланы въ фундаменты этихъ, поставленныхъ вертикально, 6-ти колоннъ. Перевернутыя капители упраздненныхъ колоннъ пошлі на вымостку пола абсиды. Въ самой базиликѣ не было пола, который замѣнялся набитой глиной и, наконецъ, новыя поперечныя боковыя стѣны, поставленныя на прежній мозаичный полъ, оказались стоящими даже не на этомъ полу, а на слоѣ мусора!»

Однако посреди подобныхъ часовенъ въ Херсонесѣ встрѣчаются нѣсколько большихъ и прекрасныхъ храмовъ. Такова, напримѣръ, извѣстная «Уваровская базилика», великолѣпный мозаичный полъ коей находится, какъ было сказано, въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Мозаики другихъ церквей, съ ихъ красивыми византійскими цвѣтными рисунками, теперь тщателью охраняются на мѣстѣ отъ порчи, подъ особыми построй-

ками. Мы уже упоминали объ одной роскошной мозаикѣ въ загородномъ храмѣ, на коей изображены вазы и павлины ¹⁾. Въ мраморныхъ абсидахъ храмовъ кое-гдѣ попадаются и предметы церковнаго обихода, какъ-то епископскія мѣста, купели, мраморные кресты и ларцы съ мощами. Въ Эрмитажѣ находится между прочимъ прекрасный серебряный ларецъ съ византійскими медальонами, служившій для храненія мощей подъ алтаремъ одной изъ херсонесскихъ базиликъ. Найдены также, какъ мы видѣли, разныя иконы, въ томъ числѣ прелестная каменная позолоченная икона св.св. Димитрія и Георгія, бронзовые кресты и т. п.

Изъ предметовъ общаго быта византійской эпохи херсонесскій музей изобилуетъ посудой, замками, ключиками и т. п. Особенно богатый матеріалъ мелкихъ вещей дали херсонесскія могилы, высѣченныя въ скалистомъ грунтѣ, за городскими стѣнами. К. К. Косцюшко вскрылъ около 1¹/₂ тысячъ такихъ могилъ. Всѣ онѣ методически имъ описаны. Погребенія византійскаго времени, такъ называемыя катакомбы съ лежанками, дали обильную добычу разнородныхъ предметовъ, въ числѣ коихъ есть и золотыя ювелирныя вещи. Къ нимъ принадлежитъ извѣстное ожерелье съ бабочками, украшенное цвѣтными камнями, находящееся нынѣ въ Эрмитажѣ. Найдены также оружіе, монеты, печати и др. вещи.

Въ музеѣ посѣтитель осмотритъ и остатки болѣе позднихъ эпохъ—слѣды генуэзскаго, русскаго, татарскаго владычества въ Херсонесѣ.

Въ концѣ концовъ посѣтитель занесетъ свое имя въ особую книгу, гдѣ записываются лица, осматривающія развалины города. Перелистывая эти книги легко убѣдиться, что нынѣ Херсонесъ сталъ предметомъ особой заботы государства.

Труды Императорской Археологической Коммисіи въ лицѣ ея представителя, Косцюшко-Валюжинича, дали, какъ мы ви-

¹⁾ Я не могу здѣсь обойти молчаніемъ замѣчанія, встрѣченнаго мною въ Исторіи Русской Церкви профессора Голубинскаго: „развалины церкви Херсонеса“, говоритъ авторъ, „остаются, кажется, и теперь. Если-бы произведены были такія тщательныя раскопки, какъ умѣютъ дѣлать другіе люди, а не мы,—то, можетъ быть, и открыто было бы что нибудь важное“ и т. д. Приведенныя слова позаимствованы мною изъ 2-го „исправленнаго“ изданія вышеназванной книги (Москва 1901 г.). Однако, въ 1901 году херсонесскія раскопки уже обнаружили не мало замѣчательныхъ церквей, успѣвшихъ заинтересовать даже иностранныхъ ученыхъ. Увы! оказывается, что „другіе люди“ лучше насъ умѣютъ цѣнить открытія русской археологіи!

дѣли, богатую археологическую жатву. Благодаря добытому раскопками научному матеріалу представляется теперь возможнымъ вѣсколько связать разрозненныя данныя херсонесской исторіи, и, дѣйствительно, Херсонесъ становится предметомъ все большаго и большаго вниманія со стороны археологовъ.

Въ книгахъ обзорѣвателей Херсонеса посѣтитель усмотритъ подписи Августѣйшихъ покровителей научныхъ изслѣдователей этого города: императоровъ Александра III и Николая II. Щедрому покровительству Ихъ Императорскихъ Величествъ Херсонесъ исключительно обязанъ тому, что въ настоящее время есть что показать посѣтителямъ; есть многое, за его вѣковыми стѣнами, чѣмъ справедливо можетъ гордиться русская наука!

ДОПОЛНЕНІЯ.

1.

(Къ стр. 89).

О „Крестномъ“ храмѣ внѣ стѣнъ Херсонеса.

Во время печатанія этой книги я ознакомился съ послѣдними статьями А. Л. Бертье Делагарда и Э. Р. фонъ Штерна по поводу крестообразнаго храма, найденнаго при раскопкахъ 1902 г., который Бертье Делагардъ предлагаетъ впредь именовать «Крестнымъ». Считаю необходимымъ вкратцѣ представить здѣсь мнѣніе вышеназванныхъ ученыхъ. По словамъ Бертье Делагарда можно съ увѣренностью заключить, что мы имѣемъ дѣло съ постройкой VI-го в., времени Юстиніана I. Но въ эту эпоху окрестности Херсонеса, даже ближайшія, подвергались постояннымъ неожиданнымъ набѣгамъ сосѣднихъ варваровъ. Какимъ же образомъ херсонесцы рискнули «подвергать случайностямъ разбоя или войны священныя зданія и предметы въ нихъ хранимыя? Какъ могло случиться, что былъ построенъ внѣ стѣнъ города такой большой и богато изукрашенный храмъ?» Онъ расположенъ на видномъ и открытомъ бугрѣ, подъ которымъ оказался длинный подземный ходъ, открывающійся на поверхности земли вблизи храма и ведущій по направленію къ городу. Этотъ ходъ не имѣетъ никакой связи съ храмомъ. Это не катакомбы, а просто подземная галерея. Вообще, о первыхъ вѣкахъ христіанства, катакомбахъ и могилахъ мучениковъ не можетъ быть и рѣчи. Ходъ долженъ былъ служить подземнымъ сообщеніемъ съ городомъ, но при сооруженіи этого хода встрѣтилось, почти на уровнѣ моря, такое изобиліе воды, что работу не удалось довести до конца. Подземный ходъ нуженъ былъ потому, что храмъ былъ окруженъ крѣпостцей, которая имѣла

воду на случай осады. Вѣроятно кладбища, окружающія этотъ храмъ, считались въ городѣ весьма важными, и посему кладбищенскій храмъ пришлось ограждать отъ нападений. Храмъ просуществовалъ не далѣе IX-го в. Повидимому своды его рухнули, а затѣмъ, по его опасному положенію и обѣднѣнію города, не рѣшились его исправлять.

Со своей стороны профессоръ фонъ-Штернъ не считаетъ возможнымъ высказаться рѣшительно по вопросу: былъ ли Крестный храмъ окруженъ крѣпостцею? Назначеніе подобной крѣпостцы, непосредственно передъ стѣнами самого города, не вполне ясно. «Въ случаѣ приближенія серьезнаго врага, такая точка опоры для его операціи была бы прямо опасна для города, а въ мирное время для защиты храма и кладбища отъ отдѣльныхъ разбойниковъ и грабителей едва ли требовалось сооруженіе цѣлой крѣпостцы». Во всякомъ случаѣ, на видномъ бугрѣ внѣ города находились, кромѣ храма, какая то стѣна и важное кладбище.

Здѣсь, между прочимъ, вскрытъ фамильный склепъ II-го в. по Р. Х., гдѣ похоронена была богатая женщина имя коей, Агаоклея, начертано на золотомъ перстнѣ. Это погребеніе подтверждаетъ фактъ, что на бугрѣ, гдѣ въ VI-мъ в. воздвигнутъ былъ Крестный храмъ, существовало уже въ язычскій періодъ кладбище, которымъ впоследствии продолжали пользоваться.

Къ этому К. К. Косцюшко-Валюжиничъ прибавляетъ, что вслѣдствіе особаго значенія для христіанскаго Херсонеса описываемаго загороднаго некрополя первые исповѣдники христіанства, внуки и дѣти погребенныхъ здѣсь гражданъ-язычниковъ III-го и IV-го вв., приспособили для себя часть этого кладбища съ удобными семейными склепами и могилами, старательно вырубленными въ твердой скалѣ. Здѣсь же, кромѣ Крестнаго, открыты фундаменты еще двухъ храмовъ-базиликъ. Вся же скалистая гора, на которой расположенъ некрополь, представляетъ сплошной улей склеповъ и могилъ, часто въ два яруса. Что же касается загадочнаго подземнаго хода подъ Крестнымъ храмомъ, то Косцюшко остается при мнѣніи, что ходъ этотъ вовсе не ведетъ къ городу и представляетъ христіанскую катакомбу.

(Къ главѣ IV-ой).

О монетѣ царя Эгетуагароса.

Во время печатанія этой книги мнѣ пришлось ознакомиться съ брошюрой Г. П. Алексѣева о неизданномъ статерѣ Херсонеса Таврическаго съ именемъ скиѣскаго царя Эгетуагароса. На этой золотой монетѣ изображены Артемида и Эгетуагаросъ, царь скиѣскаго народа агаръ, обитавшихъ вблизи Пантикапеи. Разбирая странное имя этого царя, авторъ замѣчаетъ, что въ древнемъ Херсонесѣ былъ въ наибольшемъ употребленіи аттической діалектъ, но съ сильнымъ вліяніемъ языковъ инородныхъ варваровъ, владычествовавшихъ въ то время въ Херсонесѣ. Измѣненный подъ такимъ вліяніемъ греческій языкъ извѣстенъ подъ названіемъ греческаго средне-азіатскаго языка.

На основаніи описываемой имъ монеты, авторъ предлагаетъ: «включить въ исторію Херсонеса имя доселѣ неизвѣстнаго царя, владычествовавшаго надъ этимъ городомъ».

По эпиграфическимъ даннымъ, монета относится къ концу I-го или началу II-го в. по Р. Х. По предположенію автора, въ эпоху между 117 и 284 гг. по Р. Х., скиѣскій царь Эгетуагаросъ, царствовавшій и надъ Босфоромъ, послѣ удачной войны съ Херсонесомъ овладѣлъ этимъ городомъ и присоединилъ его къ своему царству; въ знакъ же своего владычества надъ нимъ царь отчеканилъ въ Херсонесѣ монеты со своимъ изображеніемъ, причемъ сохраненъ былъ отчасти типъ херсонесскихъ монетъ.

ИСТОЧНИКИ.

- *1. Геродотъ. Исторія.
- *2. Еврипидъ. Сочиненія.
3. Полибій. Сочиненія.
- *4. Страбонъ. Географія. Также переводъ *Θ. Мищенко*. (Москва. 1879).
- *5. Діодоръ Сицилійскій. Исторія.
- *6. Овидій. Повтыки.
7. Плиній Старшій. Естественная исторія.
8. Помпоній Мела. Описаніе свѣта.
- *9. Плутархъ. Жизнеописанія.
10. Аппіанъ Александрійскій. Исторія.
- *11. Арріанъ. Перяплъ. Также переводъ *А. Фабра*. (Одесса. 1836).
12. Юстинъ. Исторія.
- *13. Павзаній. Описаніе Эллады.
14. Поліэнъ. Стратагеми.
15. Флегонъ Траллійскій. (Въ цитатахъ).
16. Зосима. Исторія.
17. Прокопій. Исторія.
- *18. Иорнандъ. О Гетахъ.
19. Менандръ. Исторія.
- *20. Теофанъ. Лѣтопись. Также переводъ *В. Оболенскаго и Ф. Терновскаго*. (Москва. 1890).
21. Никифоръ (патріархъ). Сочиненія.
22. Фотій. Сочиненія.
23. Анастасій Библіотекаръ. Сочиненія.
- *24. Константинъ VIII Багрянородный. Сочиненія. Также переводъ *Гавріила Ласкина*. (Москва. 1899).
- *25. Левъ Діаконъ. Исторія. Также переводъ *Д. Попова*. (Спб. 1820).
26. Кедренъ. Сочиненія.
27. Анна Комнена. Алексіада.

28. **Константинъ Манассія.** Синописиъ.
29. **Гликий.** Сочиненія.
30. **Грегорасъ (Никифоръ).** Сочиненія.
31. **Кодинъ.** Сочиненія.
- *32. **Herbinius (M. Johannes).** Religiosae Kijovienses scriptae etc. (Женае. 1675).
- *33. **Книга Гранографъ, сіи рѣчь Лѣтописецъ и т. д.** (рукопись).
- *34. **Хилковъ (кн. А. Я. или Маккіевъ, А.).** Ядро Россійской Исторіи (рукопись и печатное изданіе, Москва. 1799).
- *35. **Библіотека Россійская и т. д.** (Спб. 1767). Лѣтопись Несторова по кенигсбергскому списку.
- *36. **Татищевъ.** Исторія Россійская. (Москва 1768—1773).
- *37. **Штриттеръ (Иванъ).** Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія Россійскую Исторію и т. д. (Спб. 1770—1771).
- *38. **Книга Степенная и т. д.** (Изданіе *Миллера*. Москва. 1775).
39. **Русскій Временникъ.** (Москва. 1790).
- *40. **Pallas.** Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'empire de Russie. (Leipzig. 1791—1801).
- *41. **Мусинъ Пушкинъ (А.).** Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго руссійскаго Тмутараканскаго княженія. (Спб. 1794).
- *42. **Guthrie (M-rs Maria).** A-tour performed in the years 1795—1796 through the Taurida, etc. (London. 1802).
43. **Waxel (Leon de).** Recueil de quelques antiquités, tronvées sur les bords de la Mer Noire, d'après les originaux, en 1797 et 1798. (Berlin. 1803).
- *44. **Сумароковъ (П.).** Путешествіе по всему Крыму и т. д. въ 1799 году. (Москва. 1800).
- *45. **Сумароковъ (Павелъ).** Досуги Крымскаго судьи. (Спб. 1803—1805).
- *46. **Исторія Россійской Иерархіи, собранная соборнымъ іеромонахомъ Амеросіемъ.** (Москва. 1807).
- *47. **Карамзинъ (Н.).** Исторія Государства Россійскаго. (Спб. 1816—1826).
- *48. **Муравьевъ-Апостоль (И. М.).** Путешествіе по Тавридѣ, въ 1820 годѣ. (Спб. 1823).
- *49. **Siestrzenewicz de Bohusz (M-gr Stanislave).** Histoire du Royaume de la Chersonèse-Taurique. S.Pb. 1824).
- *50. **Руссовъ С.** Историческое розысканіе о дочеряхъ Ярослава. (Спб. 1824).
51. **Воеск. (А.).** Corpus inscriptionum graecarum, etc. (Берлинъ. 1824—1877).

*52. Ученыя записки и бюллетени Императорской Академіи Наукъ и ея отдѣленій съ 1826 г. (Спб.). Статьи: *Фрэна, Стефани, Лавровскаго, Куника, Бруна, Латышева* и другихъ.

*53. **Cousinéry**. Voyage dans la Macédoine. (Paris. 1831).

*54. **Кеппенъ (Петръ)**. Крымскій Сборникъ. (Спб. 1837).

*55. **Polsberw**. De rebus Chersonesitarum, etc. (Berlin. 1838).

*56. **Dubois de Montpéreux**. Voyage autour du Caucase, etc. (Paris. 1839—1840).

*57. **Preller (L)**. Ueber die Bedeutung des Schwarzen Meeres für den Handel und Verkehr der alten Welt. (Rede, etc. Dorpat. 1842).

*58. **Чертковъ (А)**. Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ въ 967—971 годахъ. (Москва. 1843).

*59. Книга, глаголемая Большою Чертежъ, изданная *Г. И. Спаскимъ*. (Москва. 1846).

*60. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Изданіе археографической комиссиі, съ 1846 г. (Спб.).

*61. **Кёне**. Исслѣдованія объ исторіи и древностяхъ города Херсонеса-Таврическаго. (Спб. 1848).

*62. **Köhne**. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Cherronesos in Taurien. (Mémoires de la Société d'Archéologie et de Numismatique de St. Petersbourg, publiés par le Dr. V. de Köhne, vol. II et III. S.Pb. 1848. Также по-русски, въ Зап. Арх. Общ., т. II).

*63. **Barthélemy (J. V. A. A.)**. Nouveau manuel complet de Numismatique ancienne. (Paris. 1851).

*64. Извлеченія изъ всеподаннѣйшаго отчета объ археологическихъ розысканіяхъ въ 1853 году. (Спб. 1855).

*65. **Neumann**. Hellenen im Skythenlande. (Berlin. 1855).

*66. Извѣстія, Записки и Труды Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества и его отдѣленій, съ 1855 года. (Спб.). Статьи: *Барсова, Гаркави, арх. Евгенія, Латышева, гр. Толстого* и др.

*67. **Леонтьевъ (П. М.)**. Прописки. Сборникъ статей, и т. д. (Москва. 1855—1857).

*68. **Becker (Dr. Paul)**. Die Herakleotische Halbinsel. (Leipzig. 1856).

*69. **Canale**. Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatore, etc. (Genova. 1856).

*70. **Кёне**. Описаніе Музеума покойнаго князя В. В. Кочубея. (Спб. 1857).

*71. **Калачевъ (Н. В.)**. Архивъ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи. (Москва. 1859).

*72. **Хвольсонъ (Д. А.)**. Извѣстія о хазарахъ, бургасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и рускахъ Ибнъ-Даста, и т. д. (Спб. 1859).

*73. Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. (Одесса. 1844—1902). Статьи: *Палласа, Аркаса, Броневскаго, Кёлера, Юргевича, Бертье Деллагарда, Штерна* и другихъ.

*74. Finlay. Griechenland unter den Römern. (Leipzig. 1861). Также русскій переводъ *Софіи Никитенко*. (Москва. 1877).

75. **Иннокентій** (архіеп. херсонскій). Записки о епархіи Готской. (Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости. 1862).

*76. **Sabatier (J.)**. Description générale des monnaies byzantines, etc. (Paris. 1862)..

*77. **Вегнеръ** (д-ръ Вильгельмъ). Римъ и т. д. Переводъ *Ш. В. Евстафіева*. (Спб. 1865).

*78. Древности Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. (Москва. 1865—1903). Статья *Григорьева*.

*79. **Макарій** (архіеп. Харьковскій). Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владимира. (Изданіе 2-е. Спб. 1868).

80. **Rambaud**. L'empire grec au X-ème siècle, etc. (Paris. 1870).

*81. **Погодинъ (М.)**. Древняя Русская Исторія. (Москва. 1871).

*82. Труды I-го Археологическаго съѣзда. (Москва. 1871).

*83. **Мансветовъ (И. Д.)**. Историческое описаніе древняго Херсониса и открытыхъ въ немъ памятниковъ. (Москва. 1872).

*84. Памятники Русской Литературы, изданные *В. Яковлевымъ*. (Спб. 1872).

*85. **В. Григоровичъ**. Замѣтки о Солуни и Корсуни и т. д. (Одесса. 1872).

*86. **Несторова** лѣтопись и т. д., составленная *И. Басистовымъ*. (Москва. 1874).

87. **Ливановъ**. Херсонесъ въ Крыму. (Москва. 1874).

*88. **Григоровичъ (В.)**. Записка антиквара о поѣздѣ его на Калку и Кальміусъ въ Корсунскую землю и т. д. (Одесса. 1874).

*89. **Наркаву (А.)**. Ein Briefwechsel zwischen Cordova und Astrachan zur Zeit Swjatoslaw's (um 960), etc. (Russ. Revue. 1874).

*90. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ 1874 г. (Спб.). Статьи: *Латышеви, Васильевскаго, Ростовцева, Кулаковскаго, Ламанскаго*.

*91. **Алексѣевъ (Георгій)**. Неизданный статеръ Херсонеса-Таврическаго съ именемъ скинскаго царя Эгетуагароса. (Кіевъ. 1874).

*92. **Струковъ (Д.)**. Древніе памятники христіанства въ Тавридѣ. (Москва. 1876).

*93. **Кибальчичъ**. Древности. (Кіевъ. 1876).

94. **Sallet**. Zeitschrift für Numismatik. (1877).

*95. **Sadowski (I. N. von)**. Die Handelsstrasse der Griechen und Römer, etc. (Uebersetzt v. *A. Kohn*. Jena. 1877).

- *96. Житія Святыхъ. (Кіево-Печерская Лавра. 1878).
- *97. Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Русахъ и Славянахъ. Разысканія А. Кунника и барона В. Розена. (Спб. 1878—1903).
- *98. Heyd. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. (Stuttgart. 1879).
Также французское изданіе Renaud. (Leipzig. 1885).
- *99. Schneiderwirth. Das pontische Heraklea (въ Königl. Kath. Gymnasium zu Heiligenstadt. Bericht über das Schuljahr 1881—1882, etc.).
- *100. Tomaschek (Wilhelm). Die Gothen in Taurien. (Wien. 1881).
- *101. Отчеты Императорской Археологической Коммисіи съ 1882 по 1902. (Спб.).
- *102. Кондарани (В. Х.). Въ память столѣтія Крыма. Исторія и археологія Тавриды. (Москва. 1883).
- *103. Розень (баронъ В. Р.). Императоръ Василій Болгаробойца, и т. д. (Спб. 1883).
- *104. Кіевская старина съ 1883 г. (Кіевъ). Статьи: Ястребова, Лапкина, Ящуржинскаго.
105. Бурачковъ. Сборникъ матеріаловъ и т. д. (Одесса. 1884).
- *106. Michow (H.). Die ältesten Karten von Russland. (Hamburg. 1884).
- *107. Иловайскій (Д. И.). Сочиненія. (Москва. 1884).
108. Schlumberger (G.). Sigillographie de l'Empire Byzantin. (Paris. 1884).
- *109. Бурачковъ (П.). Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ эллиническимъ колоніямъ... на берегу Чернаго моря. (Одесса. 1884).
- *110. Хвольсонъ (Д. А.). Сборникъ еврейскихъ надписей и т. д. (Спб. 1884).
111. Bird. Der Goldene Sberones. (Leipzig. 1884).
- *112. Латышевъ. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. (Петрополи. 1885—1901).
- *113. Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, издаваемый Археологическимъ Институтомъ, съ 1885 г. (Спб.).
- *114. Дубровинъ (Н.). Присоединеніе Крыма къ Россіи. (Спб. 1885—1889).
115. Малышевскій. Святые Кириллъ и Меодій. (Кіевъ. 1886).
116. Г. П. Алексѣевъ. О Херсонесскихъ монетахъ. (Св. Владимира и др. Спб. 1886).
- *117. Извѣстія Таврической ученой Архивной Коммисіи, съ 1888 г. (Симферополь). Статьи: Маркевича, Ящуржинскаго, Стевена, Косцюшко-Валюжинича и др.
- *118. Крымскій Вѣстникъ, съ 1888 г. Статьи: Даулева, Эля, Косцюшко-Валюжинича, Ангеля, Покровскаго, Высоцкаго.
- *119. Херсонесъ Таврическій. Крещеніе въ немъ св. равно-

апостольнаго в. кн. Владимира и Херсонисскій монастырь, какъ памятникъ этого событія. (Симферополь. 1888).

*120. **Толстой (Гр. И.) и Кондаковъ (Н.)**. Русскія Древности въ памятникахъ искусства. (Спб. 1889—1899).

*121. **Reinach (Théodore)**. Mithridate Eupator, roi du Pont. (Paris. 1890).

*122. **Braun (F.)**. Die letzten Schicksale der Krimgoten (Separatabdruck aus dem Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule zu St.-Petersburg für 1889/1890. (SPb. 1890).

*123. **Schlumberger (Gustave)**. Un empereur Byzantin au X-ème siècle. (Paris. 1890).

*124. *Analecta Byzantino-Russica*. Edidit *W. Regel*. (Petropoli. 1891).

125. **Reinach (S.)**. Antiquités de la Russie méridionale. (Paris. 1891).

*126. Матеріалы по археології Россіи, издаваемые Императорской Археологической Комиссіей съ 1892 по 1903 г. (Спб.). Статьи: *Латышева, Малмберга, Бертье Деллагарда*.

*127. **Васильевскій (В.)**. Русско Византійскія изслѣдованія. (Спб. 1893).

*128. **Дубровинъ (Н.)**. Бумаги князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго. (Спб. 1893).

*129. **Mommsen**. Römische Geschichte. (Band 5. Berlin. 1894).

*130. Византійскій Временникъ. (Спб. 1894—1902).

*131. **Schlumberger (Gustave)**. L'Épopée Byzantine à la fin du X-ème siècle. (Paris. 1896).

*132. **Латышевъ (В. В.)**. Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи. (Спб. 1896).

*133. **Кондаковъ (Н.)**. Русскіе клады. (Т. I. Спб. 1896).

*134. **Schneiderwirth (Dr. Hermann)**. Zur Geschichte von Cherson in Taurien. (Berlin. 1897).

*135. **Krumbacher (K.)**. Geschichte der Byzantinischen Litteratur, etc. (München. 1897).

*136. **Миней-Четья. Св. Дмитрія**, митрополита московскаго. (Москва. 1897).

*137. **Селивановъ (С. А.)**. О Херсонисѣ-Таврическомъ. Рѣчь и т. д. (Одесса. 1898).

*138. Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Редація *П. Г. Виноградова*. (Москва. 1893—1899).

*139. **Paulys**. Real Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, herausgegeben von **G. Wissowa**. (Stuttgart. 1899). Статья: *Brandys*.

*140. **Кулаковскій (проф. Ю.)**. Аланы, по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей. (Кіевъ. 1899).

*141. **Латышевъ (В. В.)**. Присяга гражданъ города Херсонеса Таврическаго. (Спб. 1900).

*142. **Филаретъ** (преосв. архіепископъ черниговскій). Житіе святыхъ, чтимыхъ православной церковью. (Спб. 1900).

143. Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France. Съ 1900 г. (Paris).

*144. **Голубинскій (Е.)**. Исторія Русской Церкви. (Москва. 1900—1901).

*145. Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. (Спб. 1901—1904).

*146. **Diehl (Charles)**. Justinien et la civilisation Byzantine au VI-ème siècle. (Paris. 1901).

*147. **Garnett (Richard)**. Essays of an ex-librarian. The story of Gucia. (London. 1901).

*148. Commentationes Nikitianaе. Сборникъ статей и т. д. (Спб. 1901).

*149. Beiträge zur alten Geschichte и т. д. (Leipzig. 1902). Статья *Ростовцева*.

*150. Извѣстіе XIII-го Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ. (Харьковъ. 1902).

151. **Пастрикъ (Д-ръ Фр.)**. Dějny slovanských apostoľů Cyrilla a Methoda. (Praha. 1902).

*152. Чтеніе въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца, съ 1902 г. (Кіевъ). Статья *Кулаковскаго*.

*153. **Половцовъ (А. В.)**. Русская Троя и другія статьи (въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. 1902).

*154. **Stieda (Professor, D-r L.)**. Referate aus der Russischen Litteratur, etc. (Braunschweig. 1903).

*155. **Энгель (М. Я.)**. Русская Помпея. Херсонесъ-Таврическій. (Севастополь. 1903).

*156. **Кондаковъ (Н. П.)**. Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ. (Спб. 1904).

157. Книга для чтенія по русской исторіи, подъ редакціей проф. *М. В. Довнаръ Запольскаго* т. I. (Москва. 1904).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловіе	V
ГЛАВА I. Мифическія времена.	
Ифигенія и храмъ Дѣвы	1
ГЛАВА II. Съ V-го вѣка до половины II-го вѣка до Р. X. Время самостоятельности города.	
Основаніе Херсонеса. — Первые основатели. — Первоначальный Херсонесъ.—Новый Херсонесъ.—Большая стѣна.—Исторія.—Амага.—Политическій строй.—Присяга.—Религія.—Торговля.—Художества.	8
ГЛАВА III. Съ половины II-го вѣка до половины I-го вѣка до Р. X. Владычество Миридата Понтійскаго.	
Исторія.—Походы Діофанта.	33
ГЛАВА IV. Отъ половины I-го вѣка до Р. X. до V-го вѣка по Р. X. Римское владычество.	
Борьба съ Босфоромъ. — Свобода. — Неронъ. — Апостоль Андрей.—Веспасіанъ.—Титъ.—Домитіанъ.—Св. Климентъ.—Траянъ.—Адріанъ.—Антонинъ.—Аристонъ. — Діоклетіанъ. — Святые Василій и Ефремъ. — Константинъ Великій. — Св. Евѳерій.—Св. Капитонъ. — Констанцій II. — Единоборство Фарнака.—Феодосій Великій.—Гикія.—Благоустройство Херсонеса.—Окрестности города.—Религія.—Торговля.—Управленіе и общественная жизнь.—Время упадка Херсонеса.	42
ГЛАВА V. Отъ V-го до конца X-го вѣка по Р. X. Византійское владычество.	
Аркадій.—Феодосій II.—Пулхерія и Маркіанъ.—Левъ II.—Зенонъ.—Надпись Зенона. — Анастасій I.—Юстинъ I. — Юстиніанъ I.—Юстинъ II.—Тиберій II.—Маврикій.—Надпись Евпатерія.—Константинъ II.—Папа Мартинъ.—Константинъ III.—Юстиніанъ II.—Леонтій II. — Тиверій III. — Филиппикъ. — Левъ III.—Константинъ IV. — Левъ IV. — Константинъ V.—Никифоръ I.—	

Левъ V. — Михаилъ II. — Князь Бравалинъ. — Теофиль. — Михаилъ III. — Святые Кирилль и Меодій. — Василий I и Константинъ VI. — Левъ VI. — Александръ. — Романъ I. — Константинъ VIII, Багрянородный. — Романъ II. — Никифоръ II. — Калокиръ. — Записки готскаго топарха. — Иоаннъ Цимискій. — Василий II.

85

ГЛАВА VI. Отъ 989 по 1204 г.

Василій II и Константинъ IX. — Походъ св. Владиміра. — Осада. — Анастасъ. — Сватовство Владиміра. — Крещеніе. — Бракосочетаніе. — Возвращеніе Владиміра въ Кіевъ. — Послѣдствія похода. — Торговое и культурное развитіе Херсонеса въ X-мъ в. — Константинъ IX. — Романъ III. — Михаилъ V. — Исаакъ I. — Надпись Льва Алиата. — Константинъ XI. — Отравленіе Ростислава. — Михаилъ VII. — Никифоръ III. — Алексѣй I. — Блаженный Евстратій. — Иоаннъ II. — Мануиль I. — Андроникъ I. — Исаакъ II. — Алексѣй III. — Алексѣй V.

129

ГЛАВА VII. Отъ 1204 до 1453 г.

Сказаніе о перенесеніи образа св. Николая Чудотворца въ Зарайскъ. — Гетунъ. — Татары. — Аланы. — Епископъ Феодоръ. — Рубруквисъ. — Генуэзцы. — Епископъ Ричардъ. — Ольгердъ. — Споръ изъ за города Элисса. — Турки.

153

ГЛАВА VIII. Отъ 1453 по 1783 г.

Бровевскій. — Палласъ. — Князь Долгоруковъ. — Кларкъ.

168

ГЛАВА IX. Владычество Россіи. Отъ 1783 г. до нашихъ дней.

Потемкинъ. — Габлицъ. — Имп. Екатерина II. — Палласъ. — Ваксель. — Сумароковъ. — Кларкъ. — Гютри. — Кёлеръ. — Муравьевъ. — Имп. Александръ I. — Грейгъ. — Дюбуа де-Монпере. — Кеппель. — Сестренцевичъ. — Аркасъ. — Мурзакевичъ. — Корейша. — Арх. Иннокентій. — Гр. Уваровъ. — Имп. Александръ II. — Григоровичъ. — Косцюшко-Валюжиничъ.

171

Дополненія

184

Источники

188

МК - 33 29 56

~~10~~

10

13

05565

5-69

13

50

Blue ink smudge

Blue ink smudge

158987

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C051381192

